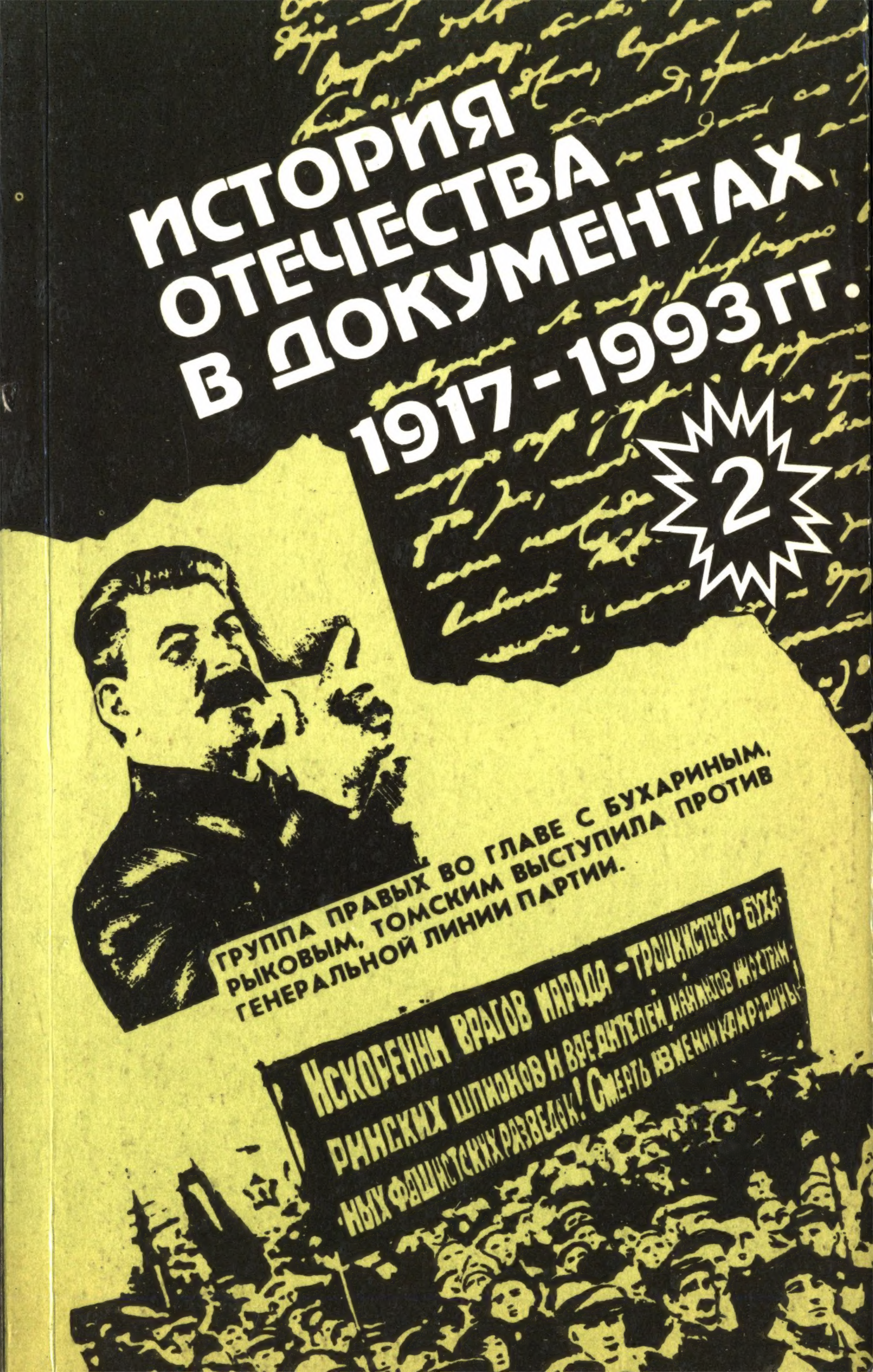

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАХ 1917-1993 гг.
2
ГРУППА ПРАВЫХ ВО ГЛАВЕ С БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ, ТОМСКИМ ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ.
Искореним врагов народа - троцкистско-буха-
ринских шпионов и вредителей
ных фашистских разведок! Смерть изменникам родины!

ИНСТИТУТ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАХ 1917 - 1993 гг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1921 - 1939 гг.

ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Составитель Л. И. Ларина

Рекомендовано Ученым Советом
Института общеобразовательной школы
Российской академии образования

МОСКВА "ИЛБИ"
1994

ББК 63.3(2)
И 90

Составители 1–4-й частей: доктор педагогических наук, профессор А. Г. Колосков, кандидаты педагогических наук Е. А. Гевуркова, Г. В. Клокова, Л. И. Ларина, Г. А. Цветкова

Рецензенты: кандидат педагогических наук К. Л. Лисова, учитель истории школы № 156 Москвы Л. М. Григорьева

И 90 **История** Отечества в документах. 1917–1993 гг. Часть 2-я. 1921–1939 гг.: Хрестоматия для учащихся ст. кл. сред. шк./Сост. Л. И. Ларина. – М.: ИЛБИ, 1994.–198 с.

Во второй части хрестоматии представлены документы, посвященные 20–30-м годам. Официальные документы, воспоминания современников, газетные и журнальные публикации отражают это сложное и противоречивое время.

Материалы хрестоматии соответствуют школьной программе по истории и предназначены для учащихся всех типов учебных заведений.

И $\frac{0503020500\text{-}07}{ОШ6(03)\text{-}94}$ Без объявл. ББК 63.3(2)

ISBN 5–87483–011–1

ПРЕДИСЛОВИЕ

20–30-е гг. – сложный период послеоктябрьской истории, когда неоднократно и остро вставал вопрос о выборе путей общественного развития в рамках установившегося политического режима. 20-е гг. – это время принятия, становления, развития и свертывания новой экономической политики, сменившей «военно-коммунистическое» наступление на старое общество. НЭП – сложная хозяйственная система в условиях многоукладной российской экономики, внутренне противоречивая, не вполне последовательная, со своими достижениями, неудачами, рядом экономических кризисов. Тексты не могут претендовать на полноту освещения периода, они дают представления о важных сторонах жизни страны с помощью, возможно, не очень хорошо известных материалов.

Большинство источников объединено в проблемные блоки, каждый из которых посвящен какой-либо сфере жизни страны в тот период.

Часть текстов характеризует не только обстановку начала 20-х гг., но и причины введения новой экономической политики, а также комплекс мер, ее составляющих. Это раскрывается с помощью писем, документов, фрагментов из выступлений руководителей страны. Спор о проблемах нэпа позволяет показать различные взгляды на суть и перспективы нэпа, передать атмосферу дискуссии в партии и обществе вокруг судьбы новой экономической политики.

Использование документов КПСС, которые, естественно, остаются важнейшими свидетельствами эпохи, наряду с высказываниями партийных руководителей, ранее не применявшимися в практике обучения истории, позволяют прочнее и полнее уяснить ситуацию в стране, а также и расхождения в позициях руководителей, между официальным курсом и жизненными реалиями.

Интересны материалы, свидетельствующие о том, как складывалось отношение новой власти к религии, какие велись споры вокруг этой проблемы, какими методами «рассеивался религиозный мрак».

Ряд документов представляет отдельные эпизоды жизни страны в 20-е гг., передает сложную обстановку тех лет, нравственную атмосферу в обществе, бытовые зарисовки. Вместе с тем в этих материалах рассказывается о некоторых руководителях страны (Сталине, Фрунзе, Раскольникове и др.), главным образом, по воспоминаниям современников. По данным текстам можно судить об идейных разногласиях, спорах о судьбах страны.

Группа источников посвящена вопросам развития науки, культуры в сложных условиях 20-х гг.

Отношения СССР с другими странами мира представлены фрагментом из книги английского историка Э. Карра, который характеризует политику страны глазами человека западного мира, что представляет интерес для читателя.

30-е гг. стали десятилетием особенно глубоких общественных противоречий. Пафос первых пятилеток, энтузиазм строителей нового общества, торжественные реляции в официальной пропаганде, принятие новой Конституции СССР, словом: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Но объективные исторические процессы – это свертывание нэпа и демократических начал в жизни общества, во многом непосильный рывок социально-экономического развития – форсированная индустриализация, сплошная, во многом принудительная коллективизация. Укрепление административно-командных начал, складывание тоталитарного государства. В этих условиях происходят и сложные социально-психологические процессы, изменение общественного сознания. Это драматическое время в судьбах миллионов людей, многие жизни трагически обрываются.

Материалы раздела содержат источники о некоторых сторонах этих явлений 30-х гг. Ряд документов посвящен проблемам становления политической системы авторитаризма; они показывают сложность и драматизм политической борьбы. Некоторые из них раскрывают страницы внутрипартийных противоречий и методы утверждения Сталиным единоличной власти. Часть материалов позволяет лучше представить экономическую политику того периода и то напряжение сил, которое было связано с индустриализацией и коллективизацией страны.

Значительная группа документов посвящена раскрытию морально-политических проблем, атмосфере жизни общества, переживаниям людей, попавших в чрезвычайные жизненные обстоятельства. Среди них – деятели культуры, писатели, ученые. Эти источники позволят лучше представить взаимоотношения власти и интеллектуальных слоев общества.

Документы книги помогут подготовиться к занятиям по соответствующим темам истории, составить сообщение, реферат, выступить на конференции и т. д.

Вопросы и задания в конце раздела, возможно, подскажут, как лучше проанализировать документы, на какие вопросы обратить внимание.

1–4

I. КРИЗИС ВОЕННО-КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

1. Из письма В. Короленко А. Луначарскому

... Народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формировать преобладающее в нем мнение, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше «грабь награбленное»), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других.

Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечества. Одним словом, на всех фронтах вы являетесь победителями, не замечая внутреннего недуга, делающего вас бессильными перед фронтом природы...

Вы видите из этого, что я не жду ни вмешательства Антанты, ни победы генералов. Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться. Внешнее вмешательство только затемнило бы опыт, а генералы, вероятно, опять предводительствуют элементами, вздыхающими о прошлом и готовыми в пользу прошлого так же злоупотреблять властью, как и вы в пользу будущего. По мнению многих, положение России теперь таково, что остается надежда только на чудо. В разговоре с корреспондентом, о котором я говорил выше, я закончил призывом к вам, вожакам скороспелого коммунизма, отказаться от эксперимента и самим взять в руку здоровую реакцию, чтобы иметь возможность овладеть ею и обуздать реакцию нездоровую, свирепую и неразумную. Мне говорят, что это значило бы рассчитывать на чудо. Может быть, это и правда. Конечно, для этого понадобилось бы все напряжение честности и добросовестности для того, чтобы признать свою огромную ошибку. Подавить свое самолюбие и свер-

нуть на иную дорогу – на дорогу, которую вы называете соглашательством.

Сознаю, что в таком предположении много наивности. Но я оптимист и художник, а этот путь представляется мне единственным, дающим России достойный выход из настоящего невозможного положения. К тому же давно сказано, что всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет. В этом смысле можно сказать, что Россия вас заслужила... Вы являетесь только настоящим выражением ее прошлого, с рабской покорностью перед самодержавием даже в то время, когда, истощив все творческие силы в крестьянской реформе и еще нескольких, за ней последовавших, оно перешло к слепой реакции и много лет подавляло органический рост страны. В это время народ был на его стороне, а Россия была обречена на гибель и разложение. Нормально, чтобы в стране были представлены все оттенки мысли, даже самые крайние, даже порой неразумные. Живая борьба препятствует гниению и претворяет даже неразумные стремления в своего рода привычку: то, что неразумно и вредно для данного времени, часто сохраняет силу для будущего.

Но под влиянием упорно ретроградного правительства у нас было не то. Общественная мысль прекращалась и насильно подгонялась под ранжир. В земледелии воцарился безнадежный застой, нарастающие слои промышленных рабочих оставались вне возможности борьбы за улучшение своего положения. Дружественная трудящемуся народу интеллигенция загонялась в подполье, в Сибирь, в эмиграцию и вела мечтательно-озлобленную жизнь вне открытых связей с родной действительностью. А это, в свою очередь, извращало интеллигентскую мысль, направляя ее на путь схематизма и максимализма.

Затем случайности истории внезапно разрушили эту перегородку между народом, жившим так долго без политической мысли, и интеллигенцией, жившей без народа, то есть без связи с действительностью. И вот, когда перегородка внезапно рухнула, смесь чуждых так долго элементов вышла ядовитой. Произошел взрыв, но не тот плодотворный взрыв, который разрушает только то, что мешало нормальному развитию страны, а глубоко задевший живые ткани общественного организма. И вы явились естественными представителями русского народа с его привычкой к произволу, с его наивными ожиданиями «всего сразу», с отсутствием даже начатков разумной организации и твор-

чества. Не мудрено, что взрыв только разрушал, не созидая.

И вот истинное благотворное чудо состояло бы в том, чтобы вы наконец сознали свое одиночество не только среди европейского социализма, но начавшийся уже уход от вас вашей собственной рабочей среды, не говоря уже о положительной ненависти деревни к вашему коммунизму, — сознались бы и отказались от губительного пути насилия. Но это надо делать честно и полно. Может быть, у вас еще достаточно власти, чтобы повернуть на новый путь. Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с вашим народом. И главная из них та, что многое в капиталистическом строе вы устранили преждевременно, и что возможная мера социализма может войти только в свободную страну.

22 сентября 1920 г. Свободы вечное преддверье, — Л., 1990. — С. 237 – 240.

2. Из выступления А. Д. Цюрупы на X съезде партии

Везде деморализация, дезорганизация и прямое истребление нашего аппарата... Только на украинском продовольственном фронте погибло 1700 заготовителей... Ответственные и технические работники бегут с работы, и никакими угрозами вплоть до немедленного расстрела не удержать их на месте... С одной стороны повстанцы убивают, а с другой стороны — расстреливают в порядке советском.

Десятый съезд РКП(б).
Март — апрель 1922 г. Стенографический отчет. — М., 1961. — С. 422.

3. Письмо В. И. Ленину крестьян[1]

Комиссару Ленину
Председателю РСФС Республики
Жалоба — заявление крестьян тружеников середняков и тружеников бедняков Курбанской в. Кадниковского уезда, Вологодской губернии

Мы крестьяне труженики середняки и бедняки не были никогда ни буржуями, ни спекулянтами — барышниками,

[1] Жалоба-заявление крестьян относится к 1920 г., сохранена орфография и стилистика документа.

ни пьяницами, ни карманниками, ни лентяями паразитами, как высший класс, так и нисший. За которого теперь Вы заступаетесь и жизненное государственное переустройство которым Вы теперь вверяете. Мы всю жизнь работали неустанно, не покладая рук и мы только мы несли на своих плечах тяжести и нужды государственные и общественные. Богачи изворотливо откупились от несения государственных и общественных налогов, а с лентяев нечего брать, которые от лености бросили свои земли и хозяйства, ничему хорошему не научились, поборничеством, воровством, картежничеством занимались и всецело жили нашими же трудами. И вот таким то людям Вы дали доверие и власть. Сидя у власти на местах они не старались и не стараются поднять и улучшить трудовой уровень народа, а только и делают, что грабят, отнимают нажитое тяжелым упорным трудом и бережливостью. Ведь эти лентяи горланы обижают и бедняка труженика. Они своим разгильдяйством и разнузданностью озлобили всех нас против Вас. Ведь от Вас все это исходит. Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас тружеников. Мы крестьяне труженики середняки и труженики бедняки обращаемся к Вам и просим Вас не отнимать у нас труд и заставить лентяев – барышников работать, так как они богаче нас физической силой и молодостью.

Мы просим Вас заставить их принудить работать потому что нравственное влияние бесполезно к ним применять (басня кот и повар). Заботного по характеру нечего принуждать, он сам придумает работу. Возьмем для примера 4 семейства в дер. Некрасова: первое – Кулихиной имеют три надела земли и семь здоровых, сильных людей – работников; бросили землю и дом и шляются и побираются миром; другое семейство – Костюненок – имеют 2 человека семьи (51 г.) не имели земли и дома, взяли в корчаму у первых брошенную землю, унавозили, и наработали хлеба; третья семья (Соловьевы) имеют на три надела земли 7 человек сильных работников; живет дома кортежничает и лежебочит, не имеет ни скота, ни хлеба, четвертая семья (Образцова) женщина имеет на руках малолеток деток и стариков, сама пашет землю и за все остальное берется и что же Кулихин и Соловьевы считают себя бедняками, а Костюненко и Образцову считают буржуями; пришли и обобрали у них хлеб и скот – коров и лошадей, потому наложили на них контрибуцию и всю подать (государствен. налог).

Примеров таких столько, сколько людей. А если внимательнее присмотреться, детальнее поразобрать жизнь лю-

дей, то эти лентяи – бедняки тысячу раз богаче нас. Ведь достояние крестьянина скапливается бережливостью. Вот где же тут справедливость. Нет ее.

Представители от тружеников середняка и тружеников бедняка деревни Некрасова:

Николай Молчанов, по безграмотности Василия Соловьева – расписался. А. Образцов, Пелагея Образцова, Александр Качанов.

Представители тружеников середняков и бедняков деревни Щекотова: (идут подписи).

Представители тружеников середняков и бедняков д. Большой (подписи)

Деревни Нелитова (подписи)
Деревни Сукманицы (подписи)
Деревни Копыловой (подписи) и т. д.

Документы русской истории // Источник. 1993./ 0. С. 26–27.

4. Из резолюции X съезда РКП(б)

О замене разверстки натуральным налогом

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения землевладельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на землевладельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом...

3. Налог взимается в виде процентного и долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем...

8. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у землевладельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной

промышленности и сельскохозяйственного производства.

Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. – С. 370–371.

II. О СУЩНОСТИ НЭПА, РАЗНОГЛАСИЯХ В ПОДХОДЕ К ПОЛИТИКЕ

5. Из воспоминаний Н. Валентинова (Н. Вольского)[1]

В октябре 1921 года на московской партийной конференции Ленин указал, что о необходимости «новой экономической политики н и к т о не спорил, вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно е д и н о г л а с н о». В марте 1922 на XI съезде Ленин снова ссылался на единодушие:

«Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайным е д и н о д у ш и е м, с большим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием)...[2] Никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было»[3].

Мы подходим к вопросу, очень мало освещенному в печати и обычно решаемому самым трафаретным образом. Нужно в историю этого важнейшего вопроса внести некоторые не появляющиеся в печати данные, причем заранее скажу, что хотя мы в «Лиге наблюдателей»[4] этими данными и располагали, но вытекающие из них последствия и выводы сознавали и оценивали с л а б о и н е д о с т а т о ч н о. Дело в том, что Ленин по разным соображениям

---

[1] *Валентинов* (Н. В. Вольский, 1879–1964) – российский социал-демократ, меньшевик. Известен как журналист, публицист и философ. После Октября 1917 г. – беспартийный. В 20-х гг. (до 1928 г.) работал в ВСНХ, в течение восьми лет редактируя орган Совета – «Торгово-промышленную газету». С 1930 г. в эмиграции, где написал и издал ряд книг-воспоминаний.

[2] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 228.

[3] Там же. – С. 229.

[4] «Лига наблюдателей» – существовавший в 1922–1927 гг. кружок интеллигентов из восьми-девяти человек, по воззрениям, в основном, меньшевиков, собиравшихся для обсуждения событий, происходивших в стране.

сказал неправду: никакого единодушия в принятии НЭП в партии не было. Вот что я слышал от коммуниста-«середняка» П. Н. Муравьева, одно время бывшего вместе со мною членом редакции органа ВСНХ – «Торгово-промышленной газеты».

«Во время военного коммунизма жилось тяжко, мучил голод, даже мороженый картофель считался редким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918–1920 гг. строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу – в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ. Мы осуществили строй, намеченный Марксом в его «Критике Готской программы» (Sic!). Нужно было только влить в него материальное довольство, и все стало бы сказочно прекрасным. Словно молотом по голове ударило, когда услышали, что нужно нефть в Баку и Грозном отдать заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество всяких других предприятий. В тот самый момент, когда появилась такая мысль, здание Октябрьской революции т р е с н у л о, пошатнулось. Это означало поворот к капитализму. Ну, а когда к этому добавилась НЭП, денационализация многих частных предприятий, свобода торговли, реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас это восприняли, и не могли не воспринять, как и з м е н у к о м м у н и з м у, явное и открытое отступление от всего, за что боролась Октябрьская революция. Она была побежденной...»

В статьях и речах Ленина, посвященных НЭП, можно найти немало лиц, думавших и говоривших как Муравьев. З а б ы в а я, что он говорил об единодушном принятии НЭП, Ленин признает, что в партийных кругах, в связи с НЭП, проявляется «настроение уныния и упадка», часто «негодования», «настроение весьма кислое, почти паническое», «настроение подавленное».

«Если сейчас, – говорили многие коммунисты, – выдвигаются обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что может тут остаться от коммунизма?» Ленин указывает, что есть партийцы, которых он называет поэтами, утверждающие, что прежде, в 1919–1920 гг. в Москве, «несмотря на холод и голод все

было чисто и красиво», а с приходом НЭПа от нее стало вонять. Ленин с усмешкой говорил, что на последнем расширенном исполкоме Коминтерна «некоторые непозволительным образом, по-детски, расплакались, видя, что мы отступаем». Сражаясь с подавленным настроением, Ленин стремился доказать (вступая в противоречие с самим собой), что военный коммунизм совсем не был стройной системой ...а только «временной мерой», вынужденной обстоятельствами». Ленин жаловался, что в провинции новая политика «остается в громадной степени неразъясненной и даже непонятной». И Ленин начинал свирепо злиться, когда слышал, что большого внимания НЭП отдавать не следует: это, мол, новшество не всерьез и не надолго. Отвечая на это, Ленин на X конференции партии разразился ставшей знаменитой фразой: НЭП – всерьез и надолго».

«Надо, – говорил Ленин, – устранить все сомнения, что политика, намеченная X партийным съездом, принимается как политика, подлежащая проведению всерьез и надолго»[1].

Принятие НЭП, как мы видим, совсем не было единодушным. Можно констатировать обратное: аргументы Ленина за НЭП отлетали от партийцев как горох от стены. Не могу здесь не вспомнить одну беседу с моим старым знакомым, Ю. М. Стекловым, ставшим редактором «Известий ВЦИК» (он был там до половины 1925 г.). <...>

«Ленин, – сказал мне Стеклов, – произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. «Научитесь торговать!» – мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужны целые главы марксизма от нас отрезать. Давать руководящие принципы они нам уже не могут. А когда Варейкис бросил Ленину такое замечание, тот крикнул: «Пожалуйста, не обучайте меня, что взять или что откинуть от марксизма, яйца курицу не учат!»

По самому своему официальному положению Стеклов должен был в газете ВЦИКа защищать прокламируемую Лениным новую экономическую политику. Если он и делал это, то сопротивляясь. А что при принятии НЭП происходило на верхах партии, я узнал от А. И. Свидерского. <...>

В 1921 г. Свидерский занимал большой пост в Комиссариате продовольствия (член коллегии Наркомпрода), потом

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 410.

был заместителем Народного комиссара земледелия. На партийной конференции в мае 1921 г. он выступал с одобренным Лениным докладом о проведении продовольственного налога, т. е. одной из важнейших частей новой экономической политики. Как реагировали верхи партии на НЭП, он, конечно, превосходно знал и не мог не знать. При встрече со мной он говорил обо всем без всякой утайки. Свидерский как будто хотел показать, как далеко он пошел с 1910 г., похвастаться своей близостью к верхам Коммунистической партии. Когда я указал ему, что у меня такое впечатление, что в партии не все охотно идут за Лениным, Свидерский стал объяснять, что, в сущности, дело обстоит много хуже, ибо мало кто с Лениным согласен.

«Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цюрупа; все другие или молчат, или упираются. На одном собрании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите да, а отвернусь, вы говорите нет. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру. Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказали недоверие во время заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике. Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям — ВЦИКу и ПЛЕНУМУ — вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях».

Ленин, конечно, шутил!

«Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством. Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать. «У меня, — с иронией указывал Ленин, — допустим, 25 аргументов за введение НЭП; Товарищ

Бухарин к ним хочет прибавить еще 5 0. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит НЭП, превратит ее в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому лучше останемся с 25 аргументами». <...>

В марте 1923 г. (Ленин тогда лежал, пораженный параличом) Молотов в «Правде» писал, что, несмотря на два года проведения НЭП, «нельзя сказать, что эта политика вполне понята и правильно оценена». «Где-то около (?) партии продолжают делать попытки распространения мутно-меньшевистских идей под флагом коммунистического радикализма». В замысловатой форме Молотов констатировал простой факт, что продолжают существовать партийцы, считающие строй 1918–1920 гг. в его основе действительно коммунистическим и потому скорбящие, что от этого строя партия ушла к капитализму. Сопротивление НЭП – в виде остро проявляющейся почти панической боязни ее – жило не где-то около партии, а в партии самой и в самых ее высших сферах. В том же 1923 г. в апреле на XII съезде партии, на котором больной Ленин не мог присутствовать, Троцкий в своем докладе о положении промышленности говорил о громадной опасности, созданной тем, что «мы вызвали в свет рыночного дьявола». Фраза, много говорящая. С точки зрения последовательно мыслящего ортодокса марксиста-коммуниста, рынок – феномен «дьявольского» характера и происхождения. Боязнь этого дьявола, т. е. вообще НЭПа, проявилась у Троцкого в сильнейшем виде в следующих словах в том же докладе 1923 г.: «Начинается эпоха роста капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?*»[1]

«Зверь» прыгал совсем не большими прыжками и был похож скорее на котенка, но испуганному воображению не какого-нибудь Муравьева, а самого Троцкого, казался страшным зверем Апокалипсиса. Осенью 1923 года об этом звере, поедающем социалистическую экономику, постоянно говорил Пятаков, заместитель председателя ВСНХ: «Зародыши товарной капиталистической системы выросли и грозят неисчислимыми напастями социалистической системе». Всякие вариации речей Пятакова на эту тему я слышал много раз собственными ушами. «Всерьез и надолго» НЭП не был принят. Это

[1] XII Съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. – М., 1923. – С. 321. (Курсив автора.)

нужно знать. Без должного внимания к этому факту, без знания и анализа его, *вся последующая история большевизма остается непонятной.*

Наша «Лига наблюдателей» в своем оптимизме, в своей ставке на здоровую «эволюцию» советского строя — несомненно *недооценивала силу* сопротивления НЭП...

Здесь будет уместно рассказать, как в связи с НЭП изменилось личное мое отношение к Ленину. В 1901–1903 гг. я был «стопроцентным» ленинцем и в 1904 г. активнейшим большевиком; попав после тюрьмы в Женеву, стал «лейтенантом» Ленина. Он ко мне, по выражению Крупской, «очень благоволил». <...>

Потом произошло резкое столкновение с Лениным, и я ушел из большевистской организации. В последующие годы Ленин совершенно перестал меня интересовать. Его политику в первую революцию 1905–1907 гг. я считал *вреднейшей,* а захват власти в 1917 г. актом *преступным,* сделавшимся возможным только потому, что Временное правительство Керенского было абсолютно неспособно ни оказать Ленину физическое сопротивление, ни провести те смелые мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т. д.), которые, по моему убеждению, предохранили бы страну от Октябрьской революции.

Первые ее годы — 1917–1919 — я, конечно, следил за Лениным, всегда отталкиваясь от его политики, постоянно критикуя ее, считал бессмысленным почти все, что тогда делалось. С 1921 г., с началом НЭП, мое отношение к Ленину изменяется. Я с радостью видел, как постепенно снимаются со страны удушающие ее обручи военного коммунизма. С напряженным вниманием следил за каждой речью, статьей Ленина, каждым его шагом, поворотом, мероприятием. Он снова начал меня остро интересовать. Большое впечатление на меня произвела его речь в ноябре 1922 г. в Московском Совете. Никто тогда не думал, что это *последнее публичное* выступление Ленина и уже никаких речей он больше произносить не будет. В этой речи он говорил, что к социализму нужно подходить «не как к иконе, расписанной торжественными красками», а *по-деловому,* протаскивая его в будничную повседневность, «Россия нэпмановская будет Россией социалистической», но путь к этому лежит через НЭП. «Поэтому, — заключал Ленин, — *НЭП продолжает быть главным, очередным, всеисчерпывающим лозунгом сегодняш-*

н е г о д н я»[1]. Зная, что его политика встречает сопротивление в партии, что ему приходится много затрачивать энергии на преодоление этого сопротивления, я стал искренне жалеть его и у меня пробудилась былая симпатия к нему. Я видел, что он уже не тот Ленин. <...>

В 1921 г. Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества и л л ю з и й и, с высоты поста правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал (не только Ленин, а мы все тогда очень многое и очень важное не знали и не понимали).

В а л е н т и н о в Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. – М., 1991. – С. 64–65, 66–68, 69–71.

III. НЭП: ТРУДНОСТИ, УСПЕХИ, ПРОБЛЕМЫ

6. В. И. Ленин. Из доклада на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.

...Как обстоит дело сейчас, после того, как мы ввели новую экономическую политику, после того, как мы представили крестьянам свободу торговли? Ответ ясен и для всех очевиден, а именно: «крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы теперь уже получили сотни миллионов пудов, и притом почти без применения каких-либо мер принуждения. Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 г., так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением. Это мы спокойно можем утверждать. Мы считаем, что эти доказательства более важны, чем какие-нибудь статистические доказательства. Что крестьянство является для нас решающим фактором — в этом никто не сомневается.

Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 285.

---

[1] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 365 – 366.

7. Из письма Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б) 8 октября 1923 г.

Совершенно секретно

Чудовищное несоответствие цен, при тяжести единого налога, тяжелого, главным образом, своей несогласованностью с реальными хозяйственными отношениями, вызвало снова крайнее недовольство крестьян. Это, последнее, отразилось на настроении рабочих и прямо и косвенно. Наконец, изменившееся настроение рабочих захватило низы партии. Оппозиционные группировки ожили и усилились. Их недовольство обострилось. Таким образом смычка: от крестьянина – через рабочего – к партии – повернулась к нам другим своим концом. Кто этого не предвидел ранее или закрывал до последних дней на это глаза, тот получил достаточно наглядный урок. Общие агитаторские формулы смычки дают прямо противоположные результаты без разрешения центральной проблемы: рационализации госпромышленности и сжатия ножниц. В этом состояла сущность острого столкновения внутри Политбюро накануне XII съезда. Жизнь дала на этот спор неопровержимый ответ. Этого жестокого урока, к ликвидации которого мы еще не приступили, можно было бы избежать, по крайней мере наполовину, если не на три четверти при сколько-нибудь правильном учете взаимодействия хозяйственных факторов и плановом подходе к основным хозяйственным проблемам.

Внутрипартийные дискуссии 20-х гг. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 5.

8. Из выступления Н. И. Бухарина на январском Пленуме ЦК 1924 г.

Наша задача – видеть две опасности: во-первых, опасность, которая исходит из централизации нашего аппарата. Во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если демократия пойдет через край. А оппозиция видит одну опасность – в бюрократии. За бюрократической опасностью она не видит политической демократической опасности. Но это меньшевизм. Чтобы поддержать диктатуру пролетариата, надо поддержать диктатуру партии.

Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. – М., 1989. – С. 128.

9. Из резолюции XII съезда РКП(б)

О ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. ОБЩАЯ РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством, опирается, в последнем счете, на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Свое руководящее положение рабочий класс может, в последнем счете, сохранить и укрепить не через аппарат государства, не через армию, а через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат. Партия, профессиональные союзы, союз молодежи, наши школы и проч. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса. Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры.

Сельское хозяйство, несмотря на то, что оно все еще находится у нас на низком техническом уровне, имеет первенствующее значение для всей экономики Советской России...

Не только игнорирование, но и недостаточно внимательное отношение к этому обстоятельству было бы чревато неисчислимыми опасностями как в области экономической, так и в области чисто политической, ибо неизбежно подрывало бы тот союз пролетариата и крестьянства, то доверие крестьянства к пролетариату, которые для данного исторического переходного периода являются одной из самых основных опор диктатуры пролетариата...

В области финансов нынешняя политика экономии государственных средств, правильной системы налогов, правильно построенного бюджета, которая должна и будет проводиться и впредь с неослабной энергией, решающих успехов сможет, однако, достигнуть только при условии прибыльности государственной промышленности и ее энергичного развития. <...>

Задачи обороны страны при крайне сокращенной, приближенной к кадровому составу армии и при вытекающем отсюда постепенном переходе на милиционную систему сводятся в основе своей к вопросу о транспорте и военной промышленности.

В этом смысле построение нашего бюджета, государственная кредитная политика, системы мероприятий по военной безопасности государства, вся вообще государственная деятельность должна на первое место ставить заботу о планомерном развитии государственной промышленности.

Возрождение государственной промышленности – при общей хозяйственной структуре нашей страны – будет по необходимости находиться в теснейшей зависимости от развития сельского хозяйства, необходимые оборотные средства должны образоваться в сельском хозяйстве в качестве избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни, прежде чем промышленность сможет сделать решительный шаг вперед. Но столь же важно для государственной промышленности не отставать от земледелия, иначе на основе последнего создалась бы частная индустрия, которая, в конце концов, поглотила бы или рассосала государственную.

Победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает. Промышленность, живущая за счет бюджета, т. е. за счет сельского хозяйства, не могла бы создать устойчивой и длительной опоры для пролетарской диктатуры. Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе советской власти, то есть о судьбе пролетариата.

Расширенное воспроизводство государственной промышленности, немыслимое без накопления государством прибавочной стоимости, есть, в свою очередь, условие развития нашего сельского хозяйства в социалистическом, а не в капиталистическом направлении.

Через государственную промышленность пролегает, таким образом, путь к социалистическому общественному строю.

2. АКТИВ И ПАССИВ ПЕРВОГО ПЕРИОДА НЭПА

Оздоровляющее влияние новой экономической политики на хозяйственную жизнь страны бесспорно. Оно нашло свое выражение в оживлении промышленной деятельности, в росте продукции многочисленных и существенных отраслей промышленности, в повышении производительности труда и качества продуктов, в несомненном и очень значительном улучшении положения рабочих и прежде

всего — в более правильном подходе как к основным, так и частным хозяйственным задачам, что является основной предпосылкой их действительности разрешения в будущем. Тем не менее фактическое положение промышленности остается еще в высшей степени тяжелым. Оживление легкой промышленности, естественно объяснимое самим фактом восстановления рынка при удовлетворительном урожае, далеко не во всех предприятиях и отраслях легкой промышленности несет в себе залог правильного дальнейшего развития. Несмотря на крайнюю свою высоту особенно по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов цены продуктов легкой промышленности далеко не всегда имеют восстановительный характер и, стало быть, не обеспечивают расширения производства. Повышение активности ряда трестов было достигнуто за счет старых запасов сырья, восстановление которых представляет ныне одну из самых важных и острых задач хозяйственной политики государства. С другой стороны, тяжелая промышленность, едва пришедшая в соприкосновение с рынком, целиком по существу зависящая от государственных заказов, нуждается для своего восстановления в крупных и правильно рассчитанных денежных вкладах государства. Это же относится в значительной мере и к железнодорожному и водному транспорту.

Таким образом, еще не достигнутая — вследствие всей совокупности условий хозяйства — здоровая регулировка цен легкой промышленности (крайняя высота их при недостижении ими зачастую восстановительного уровня) и отставание тяжелой промышленности от легкой представляют собой главный пассив первого периода нэпа, вызванного как общим состоянием хозяйства до нэпа, так и неизбежной ломкой хозяйственных отношений при переходе к нэпу. Достижение более отвечающей потребностям промышленности развития регулировки цен на основах рынка, установление более нормальных соотношений между отраслями легкой промышленности и теми отраслями промышленности и сельского хозяйства, которые поставляют ей сырье; наконец, выравнивание фронта тяжелой промышленности и легкой — таковы коренные задачи государства в области промышленной деятельности в наступившем ныне втором периоде нэпа. Задачи эти могут быть разрешены лишь при правильном соотношении рынка и плана.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 3. – С. 58–59.

10. Из резолюции XIV конференции РКП(б) «О кооперации»

Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. Наряду с укреплением социалистических элементов хозяйства СССР происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства как в городе, так и, в особенности, в деревне.

Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов – с другой...

Несмотря на быстрое развитие производительных сил города, а также и деревни, оно оказалось, однако, недостаточным для использования всего избыточного населения деревни. Поэтому необходимо найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендой земли, а также организацией переселения и широкой производственной помощью малоимущим крестьянским хозяйствам. <...>

В условиях свободы товарооборота и господства мелкого товарного производства в деревне кооперация является основной общественно-экономической формой связи между государственным хозяйством и мелким товаропроизводителем деревни. Только она может обеспечить государству наибольшую возможность контроля и регулирования как мелкого сельскохозяйственного производства, так и товарного оборота в стране.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 3. – С. 368–369.

11. Из резолюции XIV съезда ВКП(б) 18–31 декабря 1925 г.
По отчету Центрального Комитета

Истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом с приближением его к довоенному уровню и ростом его отдельных отраслей: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внешней торговли, внутренней торговли, кредитной системы и банков, государственных финансов и пр. Внутри народного хозяйства во всем разнообразии его составных частей (натурально-крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство, частно-хозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм) резко повышается удельный вес **социалистической** промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства.

Таким образом налицо **экономическое наступление** пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма. <...>

Съезд целиком и полностью одобряет решения XIV партконференции по крестьянскому вопросу (в том числе о расширении арендных прав и права найма рабочей силы, о помощи кустарной промышленности, о переходе от системы административного нажима к экономическому соревнованию и экономической борьбе, об оживлении Советов и т. д.), направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления смычки рабочего класса с крестьянством.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 3. – С. 430–431.

12. Из доклада Н. И. Бухарина на собрании актива Московской организации 17 апреля 1925 г.

Система военного коммунизма выполнила свою историческую роль, роль такой хозяйственной формы, которая должна была более или менее правильно распределить уже имеющиеся запасы, когда характерным являлось не столько развитие хозяйства и подъем производительных сил, сколько потребление уже имеющихся запасов. Система военного коммунизма определялась не тем, что промышленность оживляла сельское хозяйство и обратно; дело было

не в том, чтобы внутри промышленности оживлять различные отрасли, чтобы установить условия, в которых хозяйственные факторы взаимно оплодотворяли бы друг друга. Военно-коммунистическая политика имела своим содержанием раньше всего рациональную организацию потребления, причем в первую очередь это потребление должно было охватить армию и остатки рабочего класса в городах. Эту историческую роль система военного коммунизма выполнила. Но совершенно ясно, что, когда нужно было восстанавливать хозяйство, система военного коммунизма не могла дольше существовать. В нашем партийном сознании это отражалось таким образом, что мы начали сознавать необходимость «отпереть», освободить от связывавших его пут товарооборот.

Мы его сперва отперли на пол-оборота ключа; мы сказали: местный товарооборот. Но оказалось, что потребности развивающегося хозяйства или хозяйства, которое делало первые шаги к тому, чтобы развиваться, в сознании разных классов, – и что особенно важно – в сознании рабочего класса отражались как властная потребность раздвижения рамок этого хозяйственного оборота. Отсюда мы пришли к тому, что мы должны были сделать еще полуоборот ключа, отпереть то, что было заперто в эпоху военного коммунизма. Мы это сделали и получили новую экономическую политику.

В чем смысл новой экономической политики? У целого ряда наших партийных товарищей смысл новой экономической политики сводится только к одному: крестьянин на нас наступал, мелкобуржуазная стихия взбунтовалась, мы отступили, и больше ничего – и только к этому якобы сводится все дело. Но дело, конечно, не только в этом, вернее, не столько в этом. Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой (в противоположность военному коммунизму, который он там же в этой брошюре охарактеризовал как «печальную необходимость», навязанную нам развернутым фронтом гражданской войны), – в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, потому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту.

При системе военного коммунизма крестьянин не был

заинтересован в том, чтобы больше производить. Все излишки у него отбирались, легально продавать он не мог, его личный стимул хозяйствования был подрезан. Поэтому была полная хозяйственная «размычка». Товарооборот был заперт на ключ. Следовательно, неизбежно должна была стоять и наша промышленность. Но и внутри самой крупной промышленности мы имели явления отрицательного порядка, вытекавшие из недоучета личной заинтересованности. Если у нас не было сдельщины и т. п., мы тем самым заперли частный индивидуалистический стимул и тот, который есть даже в рабочем классе. Когда мы перешли к сдельщине и к другим формам оплаты, мы этим ключом открыли и фактор личной заинтересованности даже членов рабочего класса, заставили содействовать развитию хозяйства.

Что значит с общехозяйственной точки зрения установление торговой связи города и деревни? Это значит, что мы сделали для города возможным хозяйственно оплодотворять деревню, а для деревни сделали возможным хозяйственно оплодотворять город. Другими словами, самый глубокий смысл новой экономической политики заключается в том, что мы впервые открыли возможность взаимного оплодотворения разных хозяйственных сил, различных хозяйственных факторов, а только на основе этого и получается хозяйственный рост. Только из этой связи и из взаимного воздействия этих хозяйственных факторов и получается этот хозяйственный рост, т. е. рост производительных сил и подъем хозяйства.

Вы можете иметь сколько вам угодно самой лучшей, самой квалифицированной рабочей силы; вы можете иметь довольно хороший инвентарь в крестьянском хозяйстве, даже не разоренном; вы можете иметь очень цветущих, здоровых «пейзан» вместо полуголодных крестьян; но, если вы не дадите возможность различным хозяйственным факторам экономически воздействовать друг на друга, — у вас будут стоять фабрики, у вас будут стоять заводы, у вас будут падать крестьянские хозяйства; у вас будет общее попятное движение.

Нужно было эти различные хозяйственные группы, эти различные хозяйственные факторы сцепить таким образом, чтобы обеспечить их взаимное экономическое оплодотворение. Исходя отсюда, мы вырабатывали наши лозунги при переходе к новой экономической политике; поэтому совершенно не случайно мы пошли по линии торговли в первую очередь, потому что торговля-то и означает как раз ту связь,

которая позволяет воздействовать одному хозяйственному фактору на другой, в первую очередь городу на деревню и обратно.

Это и есть основа новой экономической политики, и если мы под этим углом зрения посмотрим на различные хозяйственные этапы, которые мы прошли, то наше движение можно определить как движение от «запертого» ко все более «отомкнутому» хозяйственному обороту.

Бухарин Н. И. Избр. произв. – М., 1988. – С. 124–126.

IV. ОБ ОТНОШЕНИИ К ЦЕРКВИ, РЕЛИГИИ

13. Письмо заведующего секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонова[1] Ф. Э. Дзержинскому

4 декабря 1920 г.
Сов. секретно

В дополнение к письму тов. Лациса[2] о нашем отношении к духовенству, могу сказать следующее:

1) Тов. Лацис глубоко прав, когда говорит, что Коммунизм и Религия взаимно исключаются, а также глубоко прав и в том, что религию разрушить не сможет никакой другой аппарат, кроме аппарата ВЧК.

2) Линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии. Проделанный ВЧК опыт в этом отношении потерпел фиаско. Так, «Исполкомдух»[3] принял ложное направление и стал приспособлять православную церковь к новым условиям и времени, за что был нами разгромлен, а отцы духовные, вроде Архиепископа Владимира (Пензенского) Путяты, оказались несостоятельными по той простой причине, что у него, как у заклятого врага сов. власти, не оказалось достаточной смелости духа, чтобы развернуть свою работу во всю ширь и глубь и нанести церкви разрушительный удар; вместо этого Путята склочничает и

---

[1] *Самсонов Т. П.* (1888–1956) – член партии с 1919 г., военный следователь в 1918–1919 гг.; с мая 1919 г. – начальник особого отдела МЧК; с сентября 1920 г. – начальник секретного отдела ВЧК.

[2] *Лацис М. Я.* (1888–1938) – член партии с 1905 г. В 1919 г. – председатель Всеукраинского ЧК, затем заведующий секретным отделом ВЧК.

[3] «Исполкомдух» – Исполнительный комитет по делам духовенства.

нашептывает в ВЧК на Тихона[1], в то же время сам практически ничего не делая для разрушения церкви. Даже такой решительный и смелый вояка в рясе, как Иллиодор Труфанов[2], даже он в паутине церкви не нашел присутствия духа для того, чтобы открыто ударить церковной иерархии прямо в лоб.

3) Исходя из этих соображений, а также приняв во внимание то, что низшее молодое белое духовенство, правда, в незначительной своей части, безусловно, прогрессивно, реформаторски и даже революционно настроено по отношению к перестройке церкви, СОВЧК за последнее время в своих планах по разложению церкви сосредоточивает все свое внимание именно на поповскую массу, и что только через нее мы сможем путем долгой, напряженной и кропотливой работы разрушить и разложить церковь до конца. Некоторые успехи в этом отношении уже отмечаются, правда, пока что не в большом масштабе. Этот путь верен тем более потому, что церковные старые волки, каков Тихон, Владимир Путята и др., они могут действовать для нас лишь постолько, посколько нужно им для того, чтобы спасти свою шкуру, душа же их видит и делает другое, тогда как низшее поповство, освободившись от волчьих когтей больших церковных волков, иногда совершенно искренно работает на нас и с нами, и, кроме того, непосредственно работая в верующей массе, низшие попы, проводя нашу линию, разложение будут вносить в самую гущу верующих, а это — все.

4) До сих пор ВЧК занимались только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд не менее сильных Религий, каков Ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и в православной церкви.

5) Работа по рассеянию религиозного мрака чрезвычайно трудная и большая, поэтому рассчитывать на скорый успех нельзя. Для этой работы нужны крепкие и умелые

---

[1] *Тихон* (Белавин В. И., 1865–1925) — патриарх Московский и всея Руси. В 1922 г. был судим и заключен под домашний арест в Донском монастыре. 16 июня 1923 г. Тихон в письме в Верховный суд признал свою вину и просил о помиловании. 21 марта 1924 г. постановлением ЦИК СССР дело Тихона было приостановлено.

[2] *Иллиодор* (Труфанов С. М., 1880–?) — иеромонах. Окончив духовную академию, служил в Почаевской лавре. Резко выступал против революционного движения 1905–1907 гг. Создал свой «Союз православного русского народа». В 1912 г. сложил с себя сан. Автор книги «Святой черт» (1917 г.), где выступил с разоблачением Распутина. После Октябрьской революции 1917 г. — в эмиграции.

люди, чего, к сожалению, мы не имеем, так как Цека нам их не дает.

Заведующий секретным отделом ВЧК Самсонов.

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Вып. I. – С. 34–35.

14. Конец св. Ипатия

Вчера я был в Ипатьевском монастыре, и монах Илларион, последний из обитающих здесь монахов, показывал мне дом бояр Романовых.

Московские люди пришли сюда в 1613 году просить на царство Михаила Федоровича.

Я увидел истоптанный угол, где молилась инокиня Марфа, мать царя, сумрачную ее опочивальню и вышку, откуда она смотрела гоньбу волков в костромских лесах. ...

В пустынной этой церкви я нашел железные ворота, подаренные Иваном Грозным, и обошел древние иконы, весь этот склеп и тлен безжалостной святыни. <...>

Древние иконы окружили беспечное мое сердце холодом мертвенных своих страстей, и я едва спасся от них, от гробовых этих угодников.

Их бог лежал в церкви, закостеневший и начищенный, как мертвец, уже обмытый в своем дому, но оставленный без погребения.

Один отец Илларион бродил вокруг своих трупов. Он припадал на левую ногу, задремывал, чесал в грязной бороде и скоро надоел мне.

Тогда я распахнул врата Ивана Четвертого, пробежал под черными сводами на площадку, и там блеснула мне Волга, закованная во льды.

Дым Костромы поднимался кверху, пробивая снега; мужики, одетые в желтые нимбы стужи, возили муку на дровнях, и битюги их вбивали в лед железные копыта.

Рыжие битюги, обвешанные инеем и паром, шумно дышали на реке, розовые молнии севера летали в соснах, и толпы, неведомые толпы, ползли вверх по обледенелым склонам.

Зажигательный ветер дул на них с Волги, множество баб проваливалось в сугробы, но бабы шли все выше и стягивались к монастырю, как осаждающие колонны.

Женский хохот гремел над горой, самоварные трубы и лохани въезжали на подъем, мальчишеские коньки стенали на поворотах.

Старые старухи втаскивали ношу на высокую гору – на гору святого Ипатия, – младенцы спали в их салазках, и белые козы шли у старух на поводу.

– Черти, – закричал я, увидев их, и отступил перед неслыханным нашествием. – Не к инокине ли Марфе идете вы, чтобы просить на царство Михаила Романова, ее сына?

– Ну тебя к шуту! – ответила мне баба и выступила вперед. – Зачем играешь с нами на дороге? Нам детей, что ль, от тебя нести?

И, вложившись в сани, она вкатила их на монастырский двор и чуть не сбила с ног потерявшегося отца Иллариона. Она вкатила в колыбель царей московских свои лохани, своих гусей, свой граммофон без трубы и, назвавшись Савичевой, потребовала для себя квартиру № 19 в архиерейских покоях.

И, к удивлению моему, Савичевой дали эту квартиру и всем другим вслед за нею.

И мне объяснили тут, что союз текстильщиков отстроил в сгоревшем корпусе 40 квартир для рабочих Костромской объединенной льняной мануфактуры и что сегодня они переселяются в монастырь.

Отец Илларион, стоя в воротах, пересчитал всех коз и переселенцев; потом он позвал меня чай пить и в молчании поставил на стол чашки, украденные им во дворе при взятии в музей утвари бояр Романовых.

Мы пили чай из этих чашек до поту, бабьи босые ноги топтались перед нами на подоконниках: бабы мыли стекла на новых местах.

Потом дым повалил из всех труб, точно сговорился, незнакомый петух взлетел на могилу игумена отца Сиония и загорланил, чья-то гармошка, протомившись в интродукциях, запела нежную песню, и чужая старушонка в зипуне, просунув голову в келью отца Иллариона, попросила у него взаймы щепотку соли ко щам.

Был уже вечер, когда к нам пришла старушонка; багровые облака пухли над Волгой, термометр на наружной стене показывал 40 градусов мороза, исполинские костры, изнемогая, метались на реке, – все же неунывающий какой-то парень упрямо лез по промерзшей лестнице к перекладине над воротами – лез за тем, чтобы повесить там пустяковый фонарик и вывеску, на которой было изображено множество букв: СССР и РСФСР, и знак союза текстилей, и серп и молот, и женщина, стоящая у ткацкого станка, от которого идут лучи во все стороны.

Бабель И. Избр. – Минск, 1986. – С. 221–223.

V. ОБ ОТНОШЕНИИ К ДРУГИМ ПАРТИЯМ

15. Письмо И. В. Вардина-Мгеладзе «Об отношении к партиям мелкой буржуазии», направленное в ЦК РКП(б) и исполнительную комиссию МК РКП(б)

11 апреля 1921 г.

Партии меньшевиков и эсеров, различные группы анархистов фактически в настоящее время находятся на нелегальном положении.

Большинство эсеров, придерживаясь активистской политики, легальности не добивается. Наоборот, П(партия) С(оциалистов), Р(еволюционеров) уходит в глубокое подполье, чтобы оттуда взрывать Советскую власть.

Но среди всех перечисленных партий и групп, имеются течения и группы, враждебные активизму. Определенная, по-видимому, не очень значительная часть эсеров резко высказывается против черновско-авксентьевских авантюр. Большинство меньшевиков несомненно относятся отрицательно к новым воинственным попыткам эсеров, причем у них произошел новый откол групп, стоящих левее Мартова – Дана.

Вот эти левые группировки добиваются легальности. Член Ц. К. эсеров Донской возбудил ходатайство о разрешении им печатного органа. Меньшевики давно добиваются того же. В связи с выборами в Московский Совет встает общий вопрос: должны ли мы предоставить нашим политическим врагам известную «свободу выборов». Я полагаю, что на эти вопросы следует ответить утвердительно. Мне кажется целесообразным разрешить меньшевикам, эсерам, наиболее «приличным» анархистам издание печатных органов (еженедельники, двухнедельники). Я не понимаю, какую опасность мог бы представлять для нас Мартовский «Соц. Вестник», если бы он выходил в Москве, а не в Берлине. Ярче, сильнее он от этого не стал бы. Серьезным организационным центром для м(еньшевиков) он вряд ли мог явиться. Кооперация, например, в этом смысле м(еньшеви)ков и эсеров играет куда более важную роль.

А когда сейчас этот убогий «Соц. Вестник» проникает к нам в качестве нелегальщины, он приобретает для всех особый интерес.

Но, легализуя, вожжи, понятно, мы должны держать натянутыми. Обычно мы либо позволяем нашим врагам совершенно распоясываться, либо совершенно зажимаем им

рот. В рамке закона до сих пор мы держать их как-то не умели.

Сейчас мы это должны попытаться сделать. Нашим врагам мы должны сказать: «Господа, в пределах наших законов вы свободны.

За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к Трибуналу.

Всякая ваша попытка активно выступить против Совласти нами будет решительно пресекаться».

Мы должны это обещать им, и обещание аккуратно выполнять.

Мы можем бороться с нашими врагами в пределах наших законов. Рабочие поддержат Трибунал, который осудит м(еньшеви)ка, эсера, анархиста за призыв к новой гражданской войне, за призыв к забастовкам и т. д.

Мне кажется, что политически бороться с эсерами, м(еньшеви)ками, анархистами нам легче тогда, когда они пользуются легальностью. В наших руках сейчас огромное количество ценнейшего материала против всех наших врагов. Когда сейчас мы выступаем в печати с разоблачениями, нам мало верят, нам говорят: «У них зажат рот».

По моему мнению, крайне важно, чтобы в выборах в Совет участвовали «все партии», а не «одна партия». В Советах нам необходима оппозиция. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды.

Оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий. «Большевистская партия утверждает свое господство на систематической дезорганизации и распылении всех соседних партий», – плачется Чернов в № 3 «Рев. Россия». Реальная фракция неизбежно заражается известным духом «приспособленчества». Если относиться к оппозиции несколько более деликатно, более «парламентски», чем до сих пор, то она несомненно явится фактором «дезорганизации и распыления» в рядах партий мелкой буржуазии. Наконец, вопрос о «системе» – о Советской системе, о конституции. Когда абсолютистское правительство, посылавшее членов нашей партии на каторгу, терпело в Думе нашу фракцию, оно заботилось об интересах русской «парламентской системы», о своей конституции. Полагаю, что в настоящее время мы не можем пренебречь интересами

нашей Советской системы, авторитетом нашей конституции.

«Свободные выборы», «конституция», когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это ослабляет шансы нового Кронштадта.

Наряду с разверсткой и кооперацией нам нужно вырвать из рук наших врагов и это оружие. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

Сейчас, по-моему, мы имеем для мелкой буржуазии в общем «хорошую политику». Эсерам и меньшевикам пока остается кричать, что их еще раз «обокрали» большевики. При таких условиях, я полагаю, что было бы весьма целесообразным повторить удачный питерский опыт лета 1918 года и перед избирательной кампанией освободить демонстративно тех меньшевиков, эсеров, наиболее «приличных» анархистов, которые не обвиняются в подготовке, в призыве, в организации восстаний, забастовок и т. д. Эта мера не ослабит, а усилит нас политически.

Уполномоченный референт ВЧК
Ил. Вардин (Мгеладзе)

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – С. 48–50.

VI. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

16. Не будем проклинать изгнанье

Год 1922-й сулил радужные надежды. Тем более, что после кровавых, холодных, бездушных лет «военного коммунизма» для воспарения души многого и не требовалось. Голод 1921 года, унесший пять с лишним миллионов жизней, приучил довольствоваться самым малым: ломоть хлеба, несколько поленьев дров, жбанчик керосина... В этом же 1922 году приспущенная с идеологического поводка свобода торговли уже насытила российские рынки снедью, оживила обезлюдевшие города. В подвальных трактирчиках на Сретенке, на Мясницкой, на Рождественке, в улочках, льнущих к Охотному ряду, снова замерцали огни, замелькали тени, и по вечерам из раскрытых форточек вместе с густым извозчичьим духом выносились ожившие трели трехрядки. Гражданская война, приняв «социальный выкуп» в 13 миллионов душ, откатилась. Россия снова училась жить по часам гражданского мира.

... Ощущения интеллигенции тех лет хорошо передает Михаил Осоргин в книге воспоминаний «Времена»:

«От революции пострадав, революцию не проклинали и о ней не жалели; мало было людей, которые мечтали бы о возврате прежнего. Вызывали ненависть новые властители, но не дело, которому они взялись служить и которое оказалось им не по плечу, – дело обновления России. В них видели перерядившихся старых деспотов, врагов свободы, способных только искажать и тормозить огромную работу, которая могла бы быть – так нам казалось – дружной, плодотворной и радостной. Смотря вперед, верили или хотели верить, что все это выправится, и потому так мечтали о прекращении гражданской бойни, мешавшей успокоению и питавшей террор...»

Год 1922-й обещал быть едва ли не самым плодотворным в интеллектуальной жизни Советской России. Не отменяя декрета 1917 года о запрещении оппозиционных газет, о вводе драконовской цензуры, большевики де-факто позволили некоторое послабление для жизни духа. В основе этого послабления лежала уверенность в силе.

Москва забурлила лекциями, кружками, клубами. Центром возрождающейся интеллектуальной жизни становится Московский университет. В Богословской (ныне Коммунистической) аудитории кипят споры. Молодежь, прошедшая через окопы гражданской войны, яростно потянулась к культуре и валом валит слушать Н. А. Бердяева, Ф. Степуна, М. Осоргина. Атеисты пробуют силы в открытых диспутах с религиозными философами и монахами. Один за другим возрождаются альманахи, журналы. В 1922 г. только в Москве официально зарегистрировано 143 частных издательства. Широкое распространение получают кооперативные издательства, товарищества поэтов, художников, литераторов. Существуют несколько независимых союзов писателей. Возобновляются и многие дореволюционные журналы. Официально выходят «Былое», «Голос минувшего», «Право и жизнь». Журналы и издательства становятся центром притяжения для интеллигенции, которая, казалось, была окончательно вытеснена из общественной жизни. В новой общественной атмосфере, созданной нэпом, несмотря на огромные потери, активизируется жизнь Академии наук. В Москве работает созданная Н. Бердяевым Вольная Академия духовной культуры. Собственного помещения у нее не было, и лекции, курсы, семинары устраивались то в помещении Высших женских

курсов, то в советских учреждениях, где в руководстве было в то время еще много интеллигенции. Одно время Н. Бердяев читал лекции даже в помещении Центроспирта. Академия была официально зарегистрирована в Московском Совете.

В эту короткую оттепель 1922 г. вышел и альманах «Шиповник».

Статья Н. Бердяева «Воля к культуре и воля к жизни», появившаяся в нем, была искренней попыткой русской интеллигенции осмыслить свое место в революции, найти ключ от измененного до неузнаваемости дома.

Авторами альманаха выступили В. Ходасевич, Ф. Сологуб, М. Кузьмин, А. Ахматова, Б. Зайцев, Л. Леонов, Б. Пастернак, Ф. Степун, А. Эфрос, С. Вольский, Б. Вышеславцев, Г. Чулков...

...Никто из них не знал еще, что первый номер «Шиповника» окажется и последним.

...Политическая гибкость Советской России в этот период питает и надежды русской эмиграции на примирение. Волны нэпа, дошедшие до эмиграции, вызывают ответную волну «сменовеховства» и возвращения на родину. Эмиграция хотела поверить и поверила, что идея национального примирения, отлитая в форму нэпа, это действительно «всерьез и надолго». На родину возвращается более 120 тысяч беженцев...

... В условиях «военного коммунизма» и распределительной экономики рождалась новая каста людей, которые начинали мнить себя солью земли. Нэп для них был только помехой. В возрождении свободного рынка они безошибочно рассмотрели смертельную угрозу своим портфелям, своим пайкам, своим партийными привилегиям. Контратака была неизбежной. Но открыто атаковать нэп новый класс не решался: слишком очевидны были плоды свободного рынка. Наступление повели в той единственной сфере, где большевики мнили себя непререкаемыми, – в идеологии. Первой жертвой этого скрытного наступления на нэп стала интеллигенция...

Решение о высылке упало на их головы неожиданно. Никто не предполагал, что большевики пойдут на такую экстравагантную меру «идеологической ассенизации», как групповое изгнание лучших умов России...

В стране ликвидируются последние крохи оппозиции и воцаряется однопартийность, для которой несколькими годами спустя Сталин придумает софистскую формулу –

«сложилась исторически». Формулой этой ничтоже сумняшеся нас потчуют до сих пор...

Представляет интерес разъяснение, которое Лев Троцкий дал 30 августа 1922 г. американской журналистке Луизе Брайант, жене Джона Рида:

«Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены – все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. И мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением».

Кто же был в той интеллектуальной «посылке», которую Советская власть отправила Западной Европе? Среди изгнанных находились ректор Московского университета профессор Новиков (зоолог), ректор Петербургского университета профессор Карсавин (философ), группа математиков во главе с деканом математического факультета МГУ профессором Стратоновым, экономисты – профессора Зворыкин, Бруцкус, Лодыженский, Прокопович; теоретики и практики кооперативного движения Изюмов, Кудрявцев, Булатов; историки – Кизиветтер, Флоровский, Мякотин, Боголепов; социолог Питирим Сорокин; философы Бердяев, Франк, Вышеславцев, Ильин, Трубецкой, о. С. Булгаков...

К весне 1922 г. в стране воцарилась, выражаясь словами Г. Зиновьева, «монополия легальности». В широких масштабах идет «чистка» меньшевиков и эсеров, недавних союзников и товарищей по борьбе с царизмом. Подводя итоги первого года нэпа, XII Всесоюзная конференция РКП(б), проходившая в Москве 4–7 августа 1922 г., приняла резолюцию «Об антисоветских партиях и течениях», где все некогда существовавшие в России демократические партии, за исключением, разумеется, большевистской, объявляются «антисоветскими»...

При всей кажущейся случайности подбора лиц для высылки в нем проглядывает определенный принцип. Высылали далеко не самых активных «антисоветчиков». Изгонялись те, которые, не прибегая к насилию, к открытой борьбе, тем не менее не желали отказываться от

главного, что предопределяло принадлежность к «ордену русской интеллигенции», — от права на независимое мнение, на инакомыслие.

«Правда» объясняла по этому поводу:

«Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью... Важнейшей их цитаделью была высшая школа... Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти... Художественная литература, издаваемая в этих кругах, была также антисоветская. В области философии они проповедывали мистицизм и поповщину... Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское мнение в своей среде... Контрреволюционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области... В кооперации ту же работу вели меньшевики и эсеровские элементы...» <...>

Высылка, широко разрекламированная в советской печати, изначально была задумана как идеологическая, пропагандистская акция. «Политически ничтожных» профессоров высылали не для того, чтобы избавить страну от врагов, а для того, чтобы запугать основную массу русской интеллигенции, которая оставалась в России.

Костиков В. Не будем проклинать изгнанье... // Пути и судьбы русской эмиграции. — М., 1990. — С. 176–178.

17. Н. Бердяев. Странная мера

Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Эта была странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом... В отъезде было для меня много мучительного, приходилось расставаться со многим и многими, и впереди была неизвестность. Но мне предстоял еще длинный и интересный путь на Западе и очень творческая для меня эпоха. В моей высылке я почувствовал что-то провиденциальное. То было совершение моей судьбы.

Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. — М., 1991. — С. 217.

VII. В СТАЛИНСКОМ ОКРУЖЕНИИ

18. Из воспоминаний бывшего секретаря Сталина

Во главе военного ведомства стал Фрунзе. Надо сказать, что еще в мае 1924 г. были добавлены три кандидата в члены Политбюро: Фрунзе, Сокольников и Дзержинский.

Старый революционер, видный командир гражданской войны, Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами.

Уже в 1924 г., как председатель комиссии ЦК по обследованию состояния Красной Армии, он доложил в Политбюро, что Красная Армия в настоящем своем виде совершенно не боеспособна, представляет скорее распущенную банду разбойников, чем армию, и что ее надо всю распустить. Это и было проделано, к тому же в чрезвычайном секрете. Оставлены были только кадры – офицерские и унтер-офицерские. И новая армия была создана осенью из призванной крестьянской молодежи. Практически в течение всего 1924 г. у СССР не было армии, кажется, Запад этого не знал.

Второе глубокое изменение, которое произвел Фрунзе, – он добился упразднения института политических комиссаров в армии, они были заменены помощниками командиров по политической части с функциями политической пропаганды и без права вмешиваться в командные решения. В 1925 г. Фрунзе дополнил все это перемещениями и назначениями, которые привели к тому, что во главе военных округов, корпусов и дивизий оказались хорошие и способные военные, подобранные по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности...

Я не имел случая говорить со Сталиным по этому поводу, да и не имел ни малейшего желания привлекать его внимание к этому вопросу. Но при случае я спросил у Мехлиса, приходилось ли ему слышать мнение Сталина о новых военных назначениях. Я делал при этом невинный вид: «Сталин ведь всегда так интересуется военными делами». «Что думает Сталин? – спросил Мехлис. – Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки,

уборевичи, авксентьевские – какие это коммунисты. Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии». Я поинтересовался: «Это ты от себя или это – сталинское мнение?», Мехлис надулся и с важностью ответил: «Конечно, и его, и мое».

Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно. Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений. Что бы это могло значить? Не было ли это повторением истории с Углановым (о которой я расскажу дальше), то есть Сталин делает вид, что против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева. На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего у него со Сталиным нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 г., когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времени дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье. «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от его язвы. К тому же врачи Фрунзе операцию опасной отнюдь не считали.

Я посмотрел иначе на все это, когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой. Общеизвестна «Повесть непогашенной луны», которую написал по этому поводу Пильняк. Эта повесть ему стоила дорого.

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком – Ворошиловым. Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время.

Конечно, после смерти Фрунзе руководить Красной Армией был посажен Ворошилов. После XIV съезда он стал и членом Политбюро...

Вся сталинская военная группа времен гражданской войны пошла вверх. В ней трудно найти какого-либо способного военного. Но уже умело оркестрированная пропаганда некоторых из них произвела в знаменитости, например, Буденного...

Во время гражданской войны он «рубал» и беспрекословно слушался приставленных к нему и командовавших им Сталина и Ворошилова. После войны он был сделан чем-то вроде инспектора кавалерии. Потом Буденный стал маршалом, а в 1934 г. даже вошел в Центральный Комитет партии.

Бажанов Б. Кремль, 20-е годы. Воспоминания бывшего секретаря Сталина.Огонек.– 1989. – № 41.

VIII. ГЛАЗАМИ БЫВШИХ ВРАГОВ

19. Почему я признал Советскую власть?

Почему я признал Советскую власть?.. Одни объясняют мое признание «неискренностью», другие «авантюризмом», третьи желанием спасти свою жизнь... Эти соображения были мне чужды. Правда заключается в следующем.

Я боролся с большевиками с октября 1917 г. Мне пришлось быть в первом бою, у Пулкова[1], и в последнем, у Мозыря[2]. Мне пришлось участвовать в белом движении, а также в зеленом[3]. Мне пришлось заниматься подпольной работой и подготовлять покушения. Исчерпав все средства борьбы, я понял, что побежден. Но признать себя побежденным еще не значит признать Советскую власть. Я признал эту власть. Какие были к тому причины?

После октябрьского переворота многие думали, что обязанность каждого русского бороться с большевиками. Почему? Потому что большевики разогнали Учредительное собрание; потому что они заключили мир, потому что, свергнув Временное правительство, они расчистили дорогу для монархистов; потому что, расстреливая, убивая и

---

[1] Речь идет о походе на Петроград генерала Краснова в конце октября 1917 г.

[2] Бои у Мозыря происходили в 1920 г. во время советско-польской войны.

[3] *«Зеленое движение»* – вооруженные отряды уклонявшихся от воинской службы и прятавшихся в лесах и горах белогвардейцев, бежавших в Польшу и оттуда совершавших набеги на советскую территорию.

«грабя награбленное», они проявили неслыханную жестокость. На белой стороне честность, верность России, порядок и уважение к закону, на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека. Так я и думал тогда.

Кто верит теперь в Учредительное собрание? Кто осуждает заключенный большевиками мир? Кто думает, что октябрьский переворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы? Наконец, кому же не ясно, что мы не были «рыцарями в белых одеждах», – что мы виноваты именно в том, в чем обвиняли большевиков?

Сказанное выше не требует доказательств. И если бы дело шло только об этих, второстепенных, причинах, мы, конечно, давно бы сложили оружие и признали Советскую власть. Но мы русские. Мы любим Россию, т. е. русский народ. Мы спрашиваем, с кем же этот народ? Не захватчики ли власти большевики? Не разоряют ли они Родину? Не приносят ли они в жертву Россию Коммунистическому Интернационалу? И где завоеванная Февральской революцией свобода?

На три последних вопроса ответить нетрудно. Возьмите цифры. Сравните посевную площадь за 1916, 1922 и 1923 гг. Сравните продукцию угля, нефти, металлургии и хлопчатой бумаги за 1922 и первую половину 1924 г. Сравните производительность труда, товарооборот, заработную плату и транспорт за тот же период времени. Сравните, конечно, на основании проверенных данных. К каким выводам вы придете? Да, Россия разорена войной и величайшей из революций. Да, чтобы поднять ее благосостояние необходима напряженная и длительная работа. Но большевики уже приступили к этой работе, и страна поддержала их. Лучший пример – Донбасс. Почему же предполагать, что белые работали бы быстрее? Мы ведь знаем, как «восстанавливались» Юг и Сибирь. Нет, возлагать надежды на белых, на эмиграцию, все равно что тешить себя легендой – легендой о полном финансовом и экономическом банкротстве большевиков. Главные затруднения уже позади. Власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод – жизнеспособная и крепкая власть. Власть, которая создала армию, разрешила сложнейший национальный вопрос и защищает русские интересы в Европе – русская, заслуживающая доверия власть. О разорении страны уже не может быть речи. Речь

идет о восстановлении ее. Признаем нашу ошибку. Или мы можем мыслить современное государство только с помещиками и крупной буржуазией? Или нам снова нужны варяги, чтобы «править и володеть» Россией... «править» на фабриках и «володеть» в лесах и полях?

Я не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. При царе Россия была сильна, – и стала жандармом Европы. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя Коммунистического Интернационала. Значит ли это, что Россия приносится ему в жертву? Нет, это значит, что в глазах миллионов русских людей вчерашний жандарм, Россия, станет завтра освободительницей народов. Для меня достаточно восстановления ее. Но меня спросят: как же восстанавливать без свободы? Я на это отвечу: а если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов. Рабочий класс кровно связан с крестьянством. А генералы? С «третьим» и «пятым» снопом. Мы это видели на примерах.

Все это общеизвестно. Общеизвестно в России, но гораздо менее известно за рубежом. Эмиграция живет испугом – воспоминанием о расстрелах и нищете. Испуг – советчик плохой. Как забыть о революционном развале? Как поверить в государственное строительство рабочего класса, в строительство без на мель выброшенной буржуазии? Ведь, по эмигрантскому мнению, восстанавливать государство значит вернуться к капитализму... Но, даже поверив в творческие силы народа, неизбежно ли признать Советскую власть? Не всякое правительство идет навстречу народу, еще реже оно неразрывно спаяно с ним. И при царе народ создавал и производил. И при царе очень медленно, но поднималось благосостояние страны. Однако царь был врагом. Он был, в частности, врагом и моим. Его власть я не признавал никогда и признать бы не мог. А Советской власти я подчинился. Подчинился не потому, что большевики восстанавливают Россию, и не потому, что Россия – одно, а Коммунистический Интернационал – другое, и не потому, что диктатура рабочего класса, конечно, лучше диктатуры буржуазии. Еще раз, почему?

Я сказал, что признать себя побежденным, еще не значит признать Советскую власть. Если бы был побежден

только я, если бы был разгромлен только «Союз защиты Родины и свободы»[1], я был вынужден прийти к заключению, что лично я неспособен к борьбе. Но мы все побеждены Советской властью. Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены и в Москве, и в Белоруссии, и на Украине, и в Сибири, и на Кавказе. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и в открытых восстаниях. Побеждены не только физически – насильственной эмиграцией, но и душевно – сомнением в нашей еще вчера непререкаемой правоте. Перед каждым из нас встает один и тот же вопрос: где причина наших бедствий и поражений? В тылах? Но и у красных были тылы. В воровстве, в грабежах, в убийствах? Но и у красных вначале были грабительство и разбой. В бездарности, в неразумии? Но ведь не боги горшки обжигают... На нашей стороне был «цвет» военных людей, и «цвет» ученого мира, и «цвет» общественности, и «цвет» дипломатии. По крайней мере, мы искренно думали так. Однако красный командир из рабочих победил стратегов Генерального штаба. Однако крестьянин, член РКП, лучше понял смысл совершающихся событий, чем заслуженные и прославленные профессора. Однако рядовой партийный работник ближе подошел к трудовому народу, чем патентованные народолюбцы. Однако советские дипломаты оказались сильнее и тверже многоопытных российских послов. Прошло семь лет. Мы распылены. Мы живые трупы. А Советская власть крепнет с часу на час.

Больше года назад, за границей, я задумался над этим явлением. Больше года назад я сказал себе, что причина его должна быть простой и глубокой. Признаем нашу ошибку. Мы верили в октябре и потом долгих семь лет, что большевики – захватчики власти, что благодаря безволию Временного правительства горсть отважных людей овладела Москвой и что жизни им – один день. Мы верили, что русский народ, рабочие и крестьяне, с нами – с интеллигентской или, как принято говорить, мелкобуржуазною демократией. В этой вере было оправдание нашей борьбы... Что же? Не испугаемся правды. Пора оставить миф о белом яблоке с красною оболочкой. Яблоко красно внутри. Старое умерло. Народилась новая жизнь. Тому свидетельство миллион комсомольцев. Рабочие и крестьяне поддержива-

---

[1] «Союз защиты Родины и свободы» – контрреволюционная организация офицеров, возникшая в марте 1918 г. в Москве (с отделениями в Казани, Ярославле и других городах). Возглавлялась Б. В. Савинковым.

ют свою, рабочую и крестьянскую, Советскую власть.

Воля народа – закон. Это завещали Радищев и Пестель, Перовская и Егор Сазонов[1]. Прав или не прав мой народ, я – только покорный его слуга. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может иначе рассуждать.

Когда при царе я ждал казни, я был спокоен. Я знал – я послужил, как умел, народу: народ со мной и против царя. Когда теперь я ожидал неминуемого расстрела, меня тревожили те же сомнения, что и год назад, за границей: а что, если русские рабочие и крестьяне меня не поймут? А что, если я для них враг, враг России? А что, если, борясь против красных, я, в невольном грехе, боролся с кем? С моим, родным мне, народом.

С этой мыслью тяжело умирать.

С этой мыслью тяжело жить.

И именно потому, что народ не с нами, а с Советскою властью, и именно потому, что я, русский, знаю только один закон – волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все:

довольно крови и слез; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть.

Есть еще одно обстоятельство. Оно повелительно диктует признание Советской власти. Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется, тот в зависимости от иностранцев – от англичан, французов, японцев, поляков. Бороться без базы нельзя. Бороться без денег нельзя. Бороться без оружия нельзя. Пусть нет писаных обязательств. Все равно. Кто борется, тот в железных тисках – в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь каждый знает, что Россия снится им как замаскированная колония, самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них. И русский народ – народ-бунтовщик – в их глазах не более, как рабочая сила. А эмигранты? А те, кто не борется, кто мирно живет за границей? Разве они не работают батраками, не служат в африканских войсках, не просят милостыни, не голодают? Разве «гордый взор иноплеменный» видит в них что-либо иное кроме досадных и незваных частей из низшей, из невольничьей расы? Так неужели лучше

---

[1] *Сазонов Е.* – (Авем Яков) – член боевой организации эсеров.

униженно влачиться в изгнанье, чем признать Советскую, то есть русскую власть?

Ну а если ее не признать? За кем идти? О монархистах я, конечно, не говорю. Вольному воля. Пусть ссорятся из-за отставных «претендентов». Я говорю только о тех, кто искренно любит трудовую Россию. Неужели достойно «объединяться» в эмигрантские союзы и лиги, ждать, когда «призовут», повторять, как Иванушка-дурачок, легенды и мифы, и верить, что по щучьему велению будет свергнута Советская власть? Мы все знаем, что эмиграция болото. Для «низов» – болото горя и нищеты. Для «верхов» – болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно «спасать». Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом, своей твердостью, своей готовностью к жертвам. Не будем смешивать Россию с эмигрантскими партиями. Не будем смешивать ее с помощниками и буржуазией. Россия – серп и молот, фабричные трубы и необозримые, распаханные и засеянные поля. Но если бы даже Россия гибла, эмигрантскими разговорами ее не спасешь.

Многое для меня было ясно еще за границей. Но только здесь в России, убедившись собственными глазами, что нельзя и не надо бороться, я окончательно отрешился от своего заблуждения. И я знаю, что я не один. Не я один, в глубине души, признал Советскую власть. Но я сказал это вслух, а другие молчат. Я зову их нарушить молчание. Ошибки были тяжкие, но невольные. Невольные, ибо слишком сильная буря свищет в России, во всей Европе. Минует год, или два, или десять лет, и те, кто сохранит «душу живу», все равно пойдут по намеченному пути. Пойдут и доверятся русскому трудовому народу. И скажут:

Мы любили Россию и потому признаем Советскую власть.

Борис Савинков

Сентябрь 1924
Внутренняя тюрьма

Савинков Б. В. Воспоминания. – М.; 1990. – С. 394–399.

IX. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ 20-х гг.

20. Докладная записка заместителя председателя ВСНХ СССР Г. Л. Пятакова[1] председателю ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинскому об организации поселений заключенных в перспективных экономических районах

10 ноября 1925 г.
Секретно. Лично

Председателю ВСНХ СССР тов. Дзержинскому

При выяснении некоторых промышленных географических вопросов я пришел к заключению о необходимости организации в некоторых местах принудительных поселений в целях создания мало-мальски элементарных культурных условий работы. Вероятно, с точки зрения разгрузки мест заключения, эти вопросы точно так же имеют некоторый интерес. Я просил бы поручить ГПУ[2] заняться этими вопросами, детально выяснить условия жизни в соответствующих местностях и затем по согласованию с ВСНХ принять те или иные практические решения.

Первый район, который в этом отношении, с моей точки зрения, представляет большой интерес, — это район устья Енисея между Полярным кругом и 70-й параллелью северной широты и 55-м до 65-го меридиана восточной долготы. В этом районе мы имеем Курейское месторождение графита, ныне разрабатываемое Государственным электротрестом в целях производства из него электроуглей. В настоящее время на Курейских графитовых копях работают уже около 200 рабочих. Это месторождение находится на правом притоке Енисея, реке Курейке, впадающей в Енисей как раз около Полярного круга. Графит в этом месте прекрасного качества. Несмотря на тяжелые условия транспорта, графит из этого месторождения обходится в Москве в 2 раза дешевле заграничного.

---

[1] *Пятаков Г. Л.* (1890–1937) — деятель российского революционного движения и Советского государства в 20–30-е гг. В 1923–1926 гг. — заместитель председателя ВСНХ СССР, затем занимал руководящие посты в Госбанке СССР, снова в ВСНХ, в 1932–1936 гг. — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. В 1937 г. несправедливо обвинен, осужден и расстрелян. Г. Л. Пятаков постоянно разделял крайне левые политические позиции. Докладная записка показывает его качества как способного экономиста и государственного деятеля, но также является и свидетельством типично административного подхода в решении экономических и политических вопросов. Он далек от мыслей о людях, которые будут осваивать и обживать труднодоступные районы страны.

[2] Имеется в виду Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

При надлежащем развитии работ на этом месторождении, вероятно, можно будет поставить вопрос об экспорте этого графита. Если посмотрим на карту, то мы увидим, что на реке Курейке имеется месторождение каменного угля. Если взять район южнее, а именно район реки Нижней Тунгуски, впадающей в Енисей чуть южнее Туруханска, то в этом районе разбросаны точно так же месторождения графита и каменного угля. В районе к северу от Курейского месторождения графита, примерно в верстах 250, мы имеем знаменитое Норильское месторождение полиметаллических руд. Это месторождение находится примерно в 100 верстах к востоку от с. Дудинское у устья Енисея, в верховьях реки Пясина, у озера Пясино. В этом же районе мы имеем месторождение каменного угля. Норильское месторождение имеет, по-видимому, громадный промышленный интерес. Произведенные разведки дали, как Вам известно, поразительные результаты: руды содержат громадное количество кобальта, никеля, платины, осмия, иридия и других металлов. По произведенным в Москве анализам этих руд оказалось, что разного рода металла содержится в рудах на сумму свыше 2 руб. 50 коп. на пуд. Наши ученые говорят, что выплавка из этих руд всех остальных металлов, кроме платины и ее спутников, окупает все работы по добыче и транспортировке руд и, таким образом, платину и ее спутники мы как бы получаем даром, а содержание платины в этих рудах исключительно высокое. Этим летом нами отправлена туда разведочная экспедиция геологов. На эту экспедицию мы затратили свыше 300 тыс. рублей. По полученным мною сведениям экспедиция уже доехала до с. Дудинки и этой зимой будет энергично продолжать разведочные работы. Если данные экспедиции подтвердят промышленный характер означенного месторождения, то, несомненно, в этом районе нам нужно будет создать соответствующие промышленные предприятия. Однако дикость и некультурность этого района будет, разумеется, основным препятствием к развитию промышленной жизни.

С другой стороны, расположение района к северу от Туруханска, несомненно, представляет из себя большой интерес и с точки зрения ГПУ в отношении создания там соответствующего поселения.

Второй район, заслуживающий большого внимания, – это остров Сахалин. Данные, которые привезла наша комиссия с Сахалина после очищения русской части Сахалина от японской оккупации[1], говорят за то, что нефтяные месторождения восточного побережья Сахалина заслуживают всяческого и всемерного внимания. Если прибавить к этому, что снабжение Китая и Тихоокеанского побережья Азии нашими советскими нефтепродуктами представляет из себя большой и хозяйственный и политический интерес и что конкуренция в этом побережье, в особенности в Китае, для наших нефтепродуктов, добываемых в Баку и Грозном со стандартными[2] нефтепродуктами в высшей степени затруднительна, главным образом, благодаря высоким фрахтам, то организация нефтепромышленного предприятия на Сахалине представляется в высшей степени интересной задачей. Если добавить к этому, что нефтяная концессия, даваемая нами японцам на Сахалине, требует от нас соответствующего внимания в смысле создания там нашего государственного предприятия, то организация нашего нефтесахалинского треста является делом абсолютно необходимым. Но и на Сахалине вопрос о рабочей силе и о населенности этого острова будет, несомненно, одним из самых трудных вопросов для решения сахалинской проблемы. Под этим углом зрения следует точно так же рассмотреть вопрос о возможности соответствующего принудительного поселения на о. Сахалине.

Третий район, заслуживающий точно так же большого внимания, – это район Киргизской степи[3]. Киргизская степь отличается значительным богатством разного рода медных и полиметаллических (свинцовых, цинковых, медных) руд и многочисленностью внутри [района] больших каменноугольных бассейнов. Я думаю, что район Киргизской степи в будущем будет значительным горнопромышленным районом СССР. Географические условия в этом районе весьма благоприятны не только для горнопромышленной деятельности, но и для всякого рода деятельности

---

[1] В апреле 1920 – мае 1925 г. Северный Сахалин находился под японской оккупацией и был возвращен СССР по советско-японской конвенции 1925 г.

[2] Так в тексте. Очевидно, имеется в виду продукция «Standart Oil Company».

[3] Имеется в виду территория нынешних Алтайского края России и Казахстана.

сельскохозяйственной. Желательно было бы, чтобы одновременно с насаждением в этом районе промышленной культуры и развитием промышленной деятельности (а здесь нами уже созданы и приступили к работе два треста – Алтайполиметалл и Атбассарский медный трест) получила бы надлежащее развитие также и земледельческая культура. Для этого района можно было бы отбирать добровольцев из мест заключения с соответствующим наделением их землей в целях развития сельскохозяйственной земледельческой культуры (не только полеводства, но и огородничества, мелкого скотоводства и т. д.).

Четвертый район, который точно так же представляет большой интерес с точки зрения развития горной промышленности, – это район Нерчинска. Серебро-свинцовая промышленность в Нерчинском округе начинается с 1708 г., когда в Нерчинском округе начали действовать первые казенные заводы, выплавляющие серебро и свинец. Для обеспечения Нерчинских заводов рабочими было проведено принудительное переселение крестьянства из Енисейской и других сибирских губерний. С конца XVIII в. Нерчинский округ сделался местом ссылки. С этого времени горнозаводские предприятия Нерчинского края вступили на путь быстрого развития. Цинковые руды в это время не шли в переработку, а в отвал. Инженер Стукачев сообщает, что размеры этих отвалов столь значительны, что теперь действие крупного цинкового завода в районе г. Нерчинска может быть обеспечено на несколько десятков лет этими отвальными рудами, на которых расположена значительная часть этого города. Со второй половины XIX столетия деятельность завода стала постепенно сокращаться и приходить в упадок. Золото начинает вытеснять серебро-свинцовое дело. С 1907 г. деятельность Нерчинских рудников и заводов совершенно прекращается при наличии еще значительного количества богатейших свинцово-цинковых месторождений.

В настоящее время президиум ВСНХ поставил вопрос о возобновлении деятельности Нерчинских свинцово-цинковых предприятий, имея в виду острый недостаток в стране свинца и цинка. Недостаточность населения и общей культуры в этом округе представляет из себя большие затруднения при возобновлении промышленной деятельности. Конечно, в настоящее время в отношении Нерчинска следовало бы принять более широкие культурные и переселенческие мероприятия. Использование этого района в

целях разгрузки мест заключения и производительного использования рабочей силы заключенных могло бы, однако, содействовать возобновлению промышленной деятельности в этом районе.

Можно было бы назвать еще ряд интересных с этой точки зрения районов. Я, однако, ограничиваюсь пока этими четырьмя районами. Проведение соответствующих мероприятий натолкнется на весьма значительные трудности и поэтому следовало бы сперва ограничиться 1–2 районами, практически решить поставленную задачу и лишь после этого, если представится необходимость, переходить к решению других задач.

Г. Пятаков

На докладной записке копия резолюции Ф. Э. Дзержинского:

«т. Благонравову[1] и Фельдману[2]. Так как это может касаться только Ваших объектов (с[оциалистов]-р-[еволюционеров] и ме[ньшеви]ков туда на работы не пошлешь) и так как т. Благонравову одному ведомы, с точки зрения хозяйственной, потребные районы, а т. Фельдман должен формально обосновать такое нововведение (каторжные поселения), то прошу Вашего совместного по этому поводу заключения и доклада т. Менжинскому[3].

14.XI.25 Д[з]ержинс[кий]»

Советские архивы. – 1991. – № 4. – С. 72–74.

---

[1] *Благонравов Г. И.* (1895–1938) – государственный и партийный деятель. Член компартии с 1917 г. С 1918 г. в ВЧК. С 1921 г. начальник транспортного отдела ВЧК – ГПУ. В 1932–1934 гг. заместитель наркома путей сообщения СССР.

[2] *Фельдман М. Ф.* (1899–1978) – член компартии с 1920 г., участник гражданской войны, сотрудник ВЧК – ОГПУ. В 1928–1934 гг. – в аппарате ВСНХ СССР и Госплане СССР. В 1934–1938 гг. – в экономическом отделе ОГПУ – НКВД СССР.

[3] *Менжинский В. Р.* (1874–1934) – партийный и государственный деятель. Член компартии с 1902 г. В ноябре 1917–1919 гг. – заместитель наркома и нарком финансов, член коллегии Наркомата юстиции и НКИД, заместитель наркома государственного контроля РСФСР, нарком Рабоче-крестьянской инспекции УССР. С января 1918 г. – в составе ВЧК, с 1919 г. – член президиума ВЧК, с 1923 г. – заместитель председателя, с 1926 г. – председатель ОГПУ.

21. Три письма о Соловецком лагере 1926 г.[1]

Письмо председателя Международного Комитета Красного Креста Г. Адора председателю Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца А. С. Енукидзе

Женева 14 сентября 1926 г.

Господин Председатель!

Появившиеся за последнее время в печати различных стран разнообразные сообщения привлекли внимание МККК на положение политических заключенных обоего пола в СССР.

Как Вы, наверно, знаете, МККК постоянно интересовался этим вопросом и часто посылал своих делегатов в страны, где было основание предпринять посещения такого рода. Так, делегаты комитета посетили в разное время места заключения политических заключенных в Верхней Силезии, в Венгрии, в Ирландии, в Литве, в Черногории и в Польше. Совершенно недавно делегат МК посетил Литву и Польшу и мог отдать себе точный отчет об условиях, в которых содержатся политические заключенные в этих двух странах.

В настоящее время Международный Комитет Красного Креста желал бы осмотреть тюрьмы и концентрационные лагеря политических заключенных в СССР через посредство делегата в Москве, г. Владимира Верлина. Последний пребывает уже в течение многих лет в Советском Союзе, и комитет надеется, что Советское правительство согласится всячески облегчить ему выполнение возложенного на него поручения. Согласно этому мы обращаемся к Вам с просьбой соблаговолить взять на себя посредничество перед надлежащими властями, дабы г. Верлин получил разрешение посетить не только тюрьмы Москвы и Ленинграда, которые, как мы знаем, были осмотрены иностранными

---

[1] Слухи о тяжелом положении политзаключенных в СССР проникали на Запад. В 1924 г. Советский Союз посетил американский сенатор Кинг. На его вопросы о политзаключенных было велено отвечать, что они действительно есть, в том числе и на Соловках, но их совсем немного. Сенатору был предъявлен список на 210 человек. Спустя год, по официальной версии, лагеря для политзаключенных вообще были упразднены.

Но мир в это не поверил.

Международный Комитет Красного Креста в лице своего председателя Густава Адора обратился в сентябре 1926 г. к председателю Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР А. С. Енукидзе с просьбой предоставить возможность его уполномоченному представителю в Москве осмотреть лагеря заключенных на Соловецких островах и другие места нахождения политических заключенных.

делегатами, но равно и другие места заключения, как, например, концентрационный лагерь на Соловецких островах.

Само собой разумеется, что доклад, который МК мог бы опубликовать касательно результатов этого посещения, был бы Вам сообщен перед появлением его в печати.

В надежде на благоприятный ответ и заранее благодарю Вас за то, что Вы сочтете возможным сделать, мы просим Вас, господин Председатель, принять уверение и т. д.

Г. Адор

Письмо председателя Исполнительного Комитета Союза Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР А. С. Енукидзе председателю Международного Комитета Красного Креста Г. Адору[1]

Москва 18 декабря 1926 г.

Господин Председатель!

Я получил Ваше почтенное письмо от 14 сентября с. г., в котором Вы меня просили достать Вашему делегату в Москве г. Владимиру Верлину, которого МККК считает вполне беспристрастным лицом, разрешение посетить места заключения СССР для политических заключенных.

Я не преминул исполнить Вашу просьбу, снесясь по этому вопросу с компетентными органами своего правительства. Как выяснилось, лица, преследуемые за политические преступления и проступки, высылаются в разные места СССР на жительство и содержатся в предварительном заключении лишь во время следствия по их делу. В это время сношения их с посторонними лицами по существующим законам не разрешаются. Что касается лагеря на Соловках, то там, в настоящее время, находятся только уголовные преступники.

Оставаясь всегда в Вашем полном распоряжении по всем вопросам, в коих я могу быть Вам полезным, пользуюсь этим случаем, что и т. д.

Председатель Исполнительного Комитета Союза О[бществ] Кр[асного] Кр[еста] и Кр[асного] Пол[умесяца] СССР

Енукидзе

---

[1] Датируется по пометкам в деле.

Письмо заключенных Соловецкого концентрационного лагеря в президиум ЦИК ВКП(б) о невыносимых условиях своей жизни

14 декабря 1926 г.

Обращаемся с просьбой, которой просим уделить минимум внимания.

Мы заключенные, которые возвращаемся из Соловецкого концлагеря по болезни, которые отправлялись туда полные сил и здоровья, – в настоящее время возвращаемся инвалидами, изломанными и искалеченными морально и физически. Просим обратить внимание на произвол и насилие, царящие в Соловецком концлагере, в Кеми и на всех участках концлагеря. Такого ужаса, произвола и насилия и беззакония даже трудно представить человеческому воображению. Отправляясь туда, даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь искалеченные, сами и от нескольких тысяч людей, там находящихся, взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу. Недостаточно того, что ОГПУ бесконтрольно, без суда высылает туда даже в большинстве случаев невинных, в большинстве рабочих и крестьян (не говоря о преступниках, заслуживающих наказания). Бывшая царская каторга в сравнении с Соловками на 99% имела больше гуманности, справедливости и законности. Высылаются люди в Соловки, в большинстве пролетарии, без всякого повода и дела, имевшие несчастье в годы общей разрухи, нищеты, голода и холода попасть в водоворот борьбы за существование и совершившие преступления, за каковые в свое время наказание перед законом и обществом понесли и возвратились к честному труду, от которого временно, повторяем, уклонились. Т. е. считаем, что кошмарное прошлое с голодом и муками прошло и тихо, и мирно работали на госфабриках и заводах, и несмотря на это, большинство находящихся на Соловках сняты с работ, оторваны от честного труда и семьи. Семьи и дети брошены на произвол судьбы, увеличив тем и без этого огромные кадры беспризорных. Это не выдумка, а факты, которые всегда можно проверить. Но этого недостаточно. Пусть было бы так, раз существует такое право или закон, что людей можно невинно наказывать. Но почему нельзя дать хотя бы возможное существование, не обрекая на муки и страдание. Например: люди, имеющие деньги, устраиваются за те же деньги и вся тяжесть опять ложится на рабочих и крестьян, к несчастью не имеющих денег. И влачат жалкое сущест-

вование при непосильных работах раздетые, чуть ли не голые, питаясь падалью, так как паек выдается при непосильных работах ничтожный. Если я сапожник, то за 20–30 руб. могу быть слесарем, так же и другие примеры есть сотни и тысячи. Избиение и издевательство дошло до таких кошмарных пределов, что выразить невозможно. Люди мрут как мухи, т. е. умирая медленной, мучительной смертью. Повторяем, что все эти муки и страдания ложатся на плечи лишь пролетариату, не имеющему денег, т. е. на рабочих, имевших несчастье, повторяем, попасть в полосу голода и разрухи, сопровождавшихся после октябрьских событий, и совершив преступления, лишь спасая себя и семьи от голодной смерти, за каковые наказания в свое время понесли однажды и громадное большинство стали на честную трудовую дорогу. Теперь за прошлое, за которое вину искупили, караются снова, срываются с работ и главное, что вся тяжесть вопиющего произвола насилия и беззакония, царящего в Соловках и других участках концлагеря ОГПУ, ложится на плечи рабочих и крестьян. Другие же, как то контрреволюционеры, спекулянты и т. д., имея полный кошелек, в социалистическом государстве устраиваются и живут припеваючи. А рядом, в буквальном смысле слова, от произвола и беззакония, благодаря надзору, который сплошь состоит из отбывающих наказание агентов и сотрудников ГПУ и др[угих], погибают с голода и холода при непосильной 14–16-ти часовой работе рабочие и пролетарии, не имеющие денег.

Жаловаться или писать что-либо – «сохрани Аллах», подведут махинацию под искусственный побег или что-либо другое и расстреляют как собаку. Выстраивают на линейку голых и босых при 30-ти градусном морозе и держат по часу. Трудно описать весь тот хаос и ужас, который творится в Кеми, на Соловках и других участках концлагеря. Все приезжающие ежегодно комиссии открывают массу злоупотреблений. Но все это в сравнении с действительностью только часть того ужаса и произвола, которые случайно открывает комиссия (например, этот факт один из тысячи, который зарегистрирован в ГПУ и за который виновные понесли наказание – «заставляли есть свое испражнение»). Проверьте, «товарищи», если смеем так выразиться, этот факт, о действительности которого, повторяем, имеются в ОГПУ официальные доказательства, и посудите до какой степени доходит наглость и издевательство надзора, желающих пробить себе карьеру. Все то, что удается случайно открыть комиссии, это одна сотая доля,

так как все показывается в таком виде комиссии, как светлейший князь Потемкин показывал Екатерине II живые картины при проезде ее по Таврии в Крым. Да и комиссия бывает один раз в году, а остальное время заключенные отрезаны от всего мира: голые, голодные и стонущие от непосильных работ по 16-ти часов в сутки остаются во власти издевательств и разных унижений, не смеют ни говорить, ни жаловаться. Не преувеличивая можно сказать, что это «испанская инквизиция». Кодекс о труде и 8-ми часовой рабочий день или праздный отдых — одна фантазия. И если 50% оттуда возвращается, то в большинстве случаев (не говоря про людей, имеющих деньги, так как за деньги их хорошо устраивают) это живые трупы. А везде и всюду говорится и пишется, что советская власть не карает, а исправляет. Мы — также живые трупы, решили описать, хотя приблизительно, как умеем жизнь в соловецких концлагерях ОГПУ. И нельзя даже привести пословицу: «Это — не жизнь, а каторга», так как это сравнение, как говорят люди, бывшие в каторге, не подходит. Мы уверены и надеемся, что в партии ВКП(б), как нам сказали, есть люди гуманные и отзывчивые. Возможно, что Вы подумаете, что это наша выдумка, но клянемся вам всем, что есть для нас святого, что это только частица той кошмарной правды, так как нет никакого смысла выдумывать. Мы повторяем, будем 100 раз повторять, что, да, действительно есть и виновные, но большинство страдает невинно, как выше описано. Слово «закон» по закону в концлагерях ГПУ не существует, а есть лишь единая самодержавная воля самодуров, т. е. сотрудников, отбывающих наказание и имеющих власть над жизнью и смертью. Все вышеописанное есть правда и мы просим, сами стоящие на краю могилы за 3 года на Соловках, в Кеми и других участках, улучшить жалкое мученическое существование людей там находящихся и стонущих под игом произвола, насилия и полнейшего беззакония ОГПУ. С настоящим посылаем письмо в таком же духе в МОПР, в РКИ и (даже совестно сказать) хотим описать нашим братьям рабочим других стран о таком неслыханном произволе и беззаконии в соловецких концлагерях ОГПУ с надеждой, что справедливость восторжествует.

К сему подписываем: Г. Железнов, Виноградов, Ф. Белинский.

Отечественные архивы. — 1992. — № 6, — С. 87–90.

X. К КРИЗИСУ НЭПА

22. Из писем в ЦК ВКП(б) накануне «великого перелома»

Руководителю ВКП(б) И. В. Сталину

...Жизнь сейчас есть не что иное, как болезнь. Так жить долго нельзя! И я думаю, что нужно предпринять какие-то меры для того, чтобы дать трудящимся кое-какие возможности жить...

Мы выросли намного! Дайте нам, что обещали и обещаете уже долгое время.

Аппетиты зарвавшихся нэпманов, партийцев и спецов нужно сократить, так как такая несправедливость в пролетарском государстве нетерпима, такого мнения большинство рабочих, которые также в трудный момент для республики Советов не щадили своей головы.

Дайте работу! Дайте хлеба! Дайте справедливости!

Л. К. Хачатуров – рабочий

(г. Армавир Северо-Кавказского края, ул. Троцкого, 86).

Декабрь 1926 г.

...О ножницах между бедняком и середняком в Центральном Комитете идет ряд обсуждений, чтобы восстановить бедноту в хозяйственном масштабе. Я, бедный середняк, довожу до сведения о бедняцком и середняцком хозяйстве. Я имею лошадь, корову и 3 овцы, за что меня беднота зовет буржуем, а никто не обсудит, сколько приходится середняку работать, тяжелее, чем бедняку. Мне своего корма на содержание скота не хватает, что я должен занимать у бедняков, за что я им землю обрабатываю. А бедняцкое дело побольше поспать... Я-то и сам замечаю – пойдешь в лавчонку, смотри, идут бедные, бедным называется который только коровенку, а другой коровенки не имеет, идет стройно, чистенький, штанишки, сапожки и рубашка по форме, и фуражка, из-под которой опрятно волос торчит. Вдруг середняк побогаче меня – сапоги в грязи, голенища перекосовурились, галкам ночлег, только рубаха без пуговиц, наверное, еще в воскресенье лицо умывал, которое напоминало вид его – схватил махорку, керосину и скорее домой, чтобы лошадь не была голодной. Бедняки к заведующему – одолжите папирос на двугривен-

ный. Ту́т же садится и раскуривает, и думаю, какая привилегия есть, потом одумался, правда, налогу нет, лошадь не тратит, словом, повинностей никаких, что заработает – все на себя, а пашню я ему обработаю, но для меня обидно, что меня еще буржуем называют: у тебя лошадь, корова, но я и думаю, чего ж вы не забогатели, помещичье все вам роздано, у богатых мужиков отымали, тоже вам отданы лошади, коровы, словом, все ихнее добро, наверное, не работавши ничего не будет.

Крестьянин Курс. Стар. уезда
Кочергин.

Декабрь 1926 г.

P.S. О неправильном начислении сельхозналога, почему так, если кто сможется с натяжением всех своих энергичных сил, чтобы удержать лишнюю телочку, но тут как тут сейчас же ее и облагают сельхозом с ног до головы, хоть со двора сгоняй... Я продал и держать больше не буду, пока будут обкладывать сельхозом.

Дорогие товарищи! Я крестьянин – бедняк из глуши темной, забитой кулачеством деревушки Скрылевщина, обращаюсь к вам со своим письмом, в котором я описываю все то положение, в котором мы живем в настоящее время...

Вот я вам приведу небольшой пример, как легко достается крестьянину свободная земля. Моя деревня окружена кругом кулаками, которые давят со всех сторон и желают задушить в окончательной форме бедняка-крестьянина. С одной стороны, сын помещика Иван Снопкин, у которого 91 десятина на 10 душ, с другой стороны, братья Буевичи, которые имеют земли 86 десятин на 19 душ. Они имеют леса местного значения, сданные в их пользование, и они распоряжаются ими как хотят, кому захочут продадут, а кому и так дадут. У Мартына Буевича сыновья служат коммунистами, а он обрабатывает землю чужими руками и говорит, что я культурно умею работать, и к нему бедняк не подступится, если поймает в лесу крестьянина, собиравшегося сучья без его разрешения, начнет стрелять, и нередки случаи были избиения самосудом, и говорит, что застрелю, я имею права в лесу стрелять, и таким образом эта троица живет до сего времени и блаженствует; для них революция не сыграла никакой роли, а наша деревушка, стонущая под их игом, имеет своей

земли на 96 едоков 56 десятин, вот здесь и разводи культуру и на нас говорят: «а вы, лодыри, не умеете работать»...

Славин Павел Евстигнеевич
(дер. Скрылевщина, Хохловской волости, Смоленского уезда и губернии)
Ноябрь 1926 г.

Коммунист. – 1990. – № 5. – С. 79–81.

23. Из доклада Н. И. Бухарина об итогах Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. Социально-классовые итоги к XV съезду партии

Дальнейший нажим на кулака – продолжение нашей политической линии.

С классовой точки зрения мы к вопросу нашей деревенской политики подходим точно так же, как к вопросу о построении пятилетнего плана нашего хозяйства. Наша основная задача – социалистическое движение вперед. Как я уже сказал, на основе наших достижений мы должны повести более организованное наступление на капиталистические слои деревни на основе укрепления и упрочения союза с середняком. Тезисы, которые предложены вниманию членов партии, отмечают и общую установку, о которой я говорил, и ошибки, и извращения нашей политики...

В чем будет выражаться линия более форсированного наступления на кулака?

Во-первых, уточнение и улучшение постановки прогрессивно-подоходного обложения в смысле уловления всех доходов кулака, в смысле перехода на этот тип обложения в волости.

Во-вторых, борьба с куплей и продажей, дарением и завещанием земель, случаи чего бывают в некоторых местах.

В-третьих, сокращение сроков аренды, сокращение прав для тех, кто не возделывает сам землю, сдавать ее в аренду.

В-четвертых, прекращение выделов на отруба, если этот переход на отруба идет на пользу кулаку и сопровождается ростом отрубного хозяйства кулацкого типа.

В-пятых, строгое соблюдение кодекса законов о труде в деревенском капиталистическом, то есть в кулацком, хозяйстве и так называемых Временных правил в хозяйствах среднезажиточного типа, на которые эти правила распространяются.

Большее внимание и усиление кооперативных форм хозяйства с таким уклоном, чтобы от сбытовой кооперации, от кооперации по сбыту и снабжению сейчас в возрастающей степени развивать производственное кооперирование.

Теперешняя наша политика, намеченная последним очередным Пленумом Центрального Комитета, – это не есть пуля, случайно выпущенная, выстрел из револьвера, как пытается это представить оппозиция, а это **есть продолжение** на основе учета нового классового сочетания общественных сил, на основе того нового, что мы получили в результате двух лет, **той политической линии, которую мы имели раньше.**

Правда. – 1927. – 4 ноября.

24. Мнения ученых-аграрников о путях развития сельского хозяйства[1]

Из «Записки» А. В. Чаянова

...Из общей массы хозяйств выпали высокотоварные предприятия, что неминуемо сказалось на товарной массе сельскохозяйственных продуктов и на возможности экспорта, которые несомненно смогут быть восстановлены и даже превзойдены, однако, только путем значительного поднятия товарности массового хозяйства<...>

66 839 первичных сельскохозяйственных кооперативов, объединяющих 7.369 тыс. крестьянских хозяйств, 16 942 маслодельных, картофелетерочных, кустарных и проч. кооперативных предприятий, сотни миллионов ссуд, прошедших по кооперативному руслу через систему Ц. С. Х. Банка, около 500 племхозов и совхозов, 9800 случных,

---

[1] Перед XV съездом в начале октября 1927 г. была образована комиссия по подготовке тезисов о работе в деревне.

Комиссия (под руководством В. Молотова) обратилась к ряду известных ученых-аграрников с просьбой представить свои соображения и предложения о путях развития сельского хозяйства. Так появились «Записки», в том числе и известных российских экономистов А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева. Сопроводительные письма к «Запискам» говорят о том, что ученые имели очень мало времени на их подготовку и поэтому в них излагается лишь самая суть проблемы.

прокатных и зерноочистительных пунктов и 7 млн. пудов семенного фонда улучшенного семенного материала, – вот количественное выражение нарастания социалистических элементов в нашем хозяйстве на 1927 г. Если к этому прибавить почти монопольное, а для ряда продуктов вполне монопольное положение государственных заготовителей на рынке сельскохозяйственного сырья и во внешней торговле, то, несмотря на то, что наше сельское хозяйство представляет из себя стихию в 20 млн. мельчайших хозяйств, перед нами во многом стоит вопрос уже не о том, как над этой стихией получить государственный контроль, а о том, в каком направлении и к каким целям ввести этот контроль.<...>

Постепенное развертывание элементов общественного хозяйства должно идти по линии кредит – закупка – сбыт – вспомогательные к сельскому хозяйству предприятия – организация первичной переработки, – совместной организации тяги и совместной обработки земель и обобществление целого ряда отраслей сельского хозяйства в крупные кооперативные предприятия.<...>

При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помещений, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита, – элементы общественного хозяйства, количественно нарастают настолько, что вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств в систему общественного кооперативного хозяйства деревни, построенную на базе обобществления капитала и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения.

Место сельского хозяйства в системе индустриализации народного хозяйства СССР

Ставя индустриализацию народного хозяйства СССР как главнейшую из очередных задач экономической политики, мы должны, возможно, детальнее уточнить содержание понятия индустриализации. Было бы неправильно под индустриализацией подразумевать исключительно только развитие одной обрабатывающей промышленности и силовых установок, так как одна промышленность не может развиваться без параллельных изменений связанных с ней других отраслей сельского хозяйства. Поэтому мы должны

всегда, говоря об индустриализации, мыслить себе перестройку всего народного хозяйства в направлении более индустриального типа его сложения. Развитие удельного веса промышленности при этом должно предполагать крупнейшие видоизменения в сельскохозяйственной базе этой промышленности, в частности, развивая промышленность, мы должны совершенно видоизменить строение ее сырьевой базы как поставщика сырья и всячески развить товарные формы сельского хозяйства разделением сельскохозяйственных функций между районами, употреблением покупного посевного материала, удобрений и машинизацию сельского хозяйства как рынка других продуктов будущей индустрии.

Процесс индустриализации страны несомненно должен начаться с промышленности, и именно сюда в первые годы работы должны быть инвестированы наибольшие материальные средства. Некоторое время быстро развивающаяся обрабатывающая промышленность, транспорт и силовые установки, несомненно, могут существовать на старом сельскохозяйственном базисе, но столь же несомненно, что через несколько лет неизбежно должен будет наступить известный разрыв между уже перестроившейся индустрией, с одной стороны, и корреспондирующей ей сельскохозяйственной базой, с другой. Тогда, а надо думать, что это «тогда» наступит даже, быть может, в пределах ближайшего пятилетия, нам придется, быть может, большую часть усилий и средств употребить на организацию того сельскохозяйственного сектора индустриализованного хозяйства, который должен обеспечить прочное существование и развитие его индустриальных элементов.

Поэтому, произведя в ближайшие годы главнейшие затраты по линии обрабатывающей промышленности, транспорта и энергетики, мы должны уже теперь, в плановом порядке предвидеть отмеченный мной перелом и заранее наметить те мероприятия, которые со временем нам придется реализовать.

Чаянов А. В. Записки о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран. 6 окт. 1927 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989 – № 6. – С. 211–219.

Из «Записки» Н. Д. Кондратьева

... Коллективное сельскохозяйственное производство занимает за последние четыре года неизменно 0,8–0,9 процента всего сельскохозяйственного производства.<...> Совершенно несомненно, что коллективная форма хозяйства, рассматриваемая с социальной точки зрения как наиболее высокая форма, может иметь твердую базу для роста лишь при условии, когда она была бы в состоянии выявить все свои положительные стороны по сравнению с индивидуальным хозяйством. Положительные стороны коллективного хозяйства по сравнению с хозяйством мелким, индивидуальным могут выявиться лишь при условии высокой технической базы коллективного хозяйства и достаточно совершенной организации его. Поскольку в настоящее время последнего мы не имеем, постольку медленно развивается и процесс коллективизации. Но если процесс кооперирования, точнее, коллективизации сельскохозяйственного производства идет весьма медленно и лишь наметился, то, наоборот, процесс кооперирования крестьянских хозяйств на почве сбыта и переработки продуктов крестьянского хозяйства, а также на почве снабжения их орудиями и средствами производства и кредитом имеет колоссальные успехи.

Это видно из следующих данных:

Даты	Всех с. х. кооперативов низшей степени		Число членов		% коопериров. крестьян. дворов
	абс.	в %	абс. (в тыс.)	в %	
1924 1/I	24 217	100	1547	100	7,8
1924 1/X	31 315	129,3	2598	168,0	11,7
1925 1/X	33 520	138,4	5301	342,8	22,3
1926 1/VII	35 148	145,1	6416	414,9	26,3

Отсюда виден исключительно быстрый рост как числа кооперативов, так особенно числа пайщиков и степени кооперированности сельскохозяйственного населения.

5. Можно считать, что рост кооперирования сельского хозяйства в области сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также в области снабжения его орудиями и средствами производства будет продолжаться и в ближайшее время, хотя экспансия этого роста равным образом несколько замедлится.

6. Развитие коллективных хозяйств при современных условиях будет продолжаться, однако при наличной технической базе сельского хозяйства оно будет идти замедленным темпом, и еще долгие годы коллективное сельскохозяйственное производство не приобретет заметного значения в общем составе нашей сельскохозяйственной продукции. Усиление темпа роста здорового коллективизированного земледелия требует неизмеримо более высокой технической базы сельского хозяйства и повышенного культурного уровня населения.<...>

8. Из предыдущего ясно, что на ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего, вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства.

Ввиду огромного значения развития сельского хозяйства для снабжения индустрии необходимым сырьем и для роста нашего экспорта, а следовательно, и импорта, высказанное предыдущее положение заставляет еще раз подчеркнуть все значение условий, обеспечивающих достаточную заинтересованность сельскохозяйственных мелких производителей в развитии производительных сил сельского хозяйства и в повышении его товарности.

Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении. 8 окт. 1927 г. // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 7. – С. 187–190.

25. Из резолюции XV съезда ВКП(б) 19 декабря 1927 г. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства

5. ...Пролетариат, преодолев противосередняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника. Такова должна быть

основная классовая установка пятилетнего плана народного хозяйства.

7. ...План должен исходить из основной классовой установки партии, а именно из политики опоры на бедноту, прочного союза с середняком и наступления на кулака. План должен поэтому исходить из поддержки кооперации (решительно отвергая при этом оппозиционные предложения об изъятии капиталов у кооперации, что было бы ударом по всему кооперативному плану Ленина); он должен исходить из правильной внутрикооперативной политики (кредитование маломощных, борьба с кулацкими тенденциями, соответствующая политика в машинных товариществах и пр.); он должен далее исходить из того, что, наряду с всемерным развитием сбытовой кооперации, необходимо в настоящее время оказывать большую поддержку всем жизнеспособным формам производственного кооперирования (коммуны, колхозы, артели, производственные товарищества, кооперативные заводы и т. д.), а также советским хозяйствам, долженствующим быть поднятыми на более высокую ступень...

11. ...Развитие сельского хозяйства путем его механизации и интенсификации, перевод его на более высокие технические и социальные формы хозяйствования, кооперирование крестьянского населения, направление государственной и кредитной помощи исключительно бедняцким и середняцким хозяйствам и правильная политика цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию – все это, увеличивая доходы крестьянского хозяйства, обеспечивает постоянное повышение материального и культурного уровня жизни беднейшего и среднего крестьянства при решительном ограничении эксплуататорских тенденций кулака. Это создает базу для общего подъема культурной жизни деревни, роста просветительной и культурной работы, распространения агрономических и технических знаний среди массы сельского населения.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. – Т. 4. – С. 274, 278, 285, 288.

26. Из обращения ЦК ВКП(б) «Ко всем организациям ВКП(б)»
13 февраля 1928 г.

Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии

Месяца полтора назад, к январю 1928 г., мы имели серьезнейший кризис в хлебозаготовках. Если к январю 1927 г. мы успели заготовить 428 млн. пудов зерновых хлебов, то к январю 1928 г. заготовили зерновых хлебов едва достигши 300 млн. пудов. Мы имели, стало быть, к январю 1928 г. дефицит, нехватку в сравнении с январем 1927 г. в 128 млн. пудов. Эта нехватка составляет примерное цифровое выражение кризиса в хлебозаготовках.

Что означает кризис в хлебозаготовках, каков его смысл, каковы его вероятные результаты?

Это означает, прежде всего, кризис снабжения рабочих районов, подъем цен на хлеб в этих районах, срыв реальной заработной платы рабочих.

Это означает, во-вторых, кризис снабжения Красной Армии, недовольство среди красноармейцев.

Это означает, в-третьих, кризис снабжения льняных и хлопковых районов, спекулятивные цены на хлеб в этих районах, переход льноводов и хлопкоробов на производство хлеба, – стало быть, сокращение производства хлопка и льна, ведущее к сокращению соответствующих отраслей текстильной промышленности.

Это означает, в-четвертых, отсутствие хлебных резервов в руках государства как для нужд внутри страны (в случае неурожая), так и для нужд экспорта, необходимого для ввоза оборудования и сельскохозяйственных машин.

Это означает, наконец, срыв всей нашей политики цен, срыв политики стабильности цен на хлебные продукты, срыв политики систематического снижения цен на промтовары.

Чтобы выйти из этих затруднений, надо было наверстать потерянное и ликвидировать дефицит по заготовкам в 128 млн. пудов. А чтобы ликвидировать этот дефицит, надо было привести в движение все рычаги партии и правительства, разбить спячку в организациях, бросить лучшие силы партии сверху донизу на заготовительный фронт и поднять заготовки во что бы то ни стало, используя до дна небольшой срок, оставшийся до распутицы.

В этих именно целях и были даны две первые директивы ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках (первая – 14 декабря 1924 г. и вторая – 24 декабря 1927 г.). Ввиду того, однако, что эти директивы не возымели действия, ЦК ВКП(б) оказался вынужденным дать 6 января 1928 г. третью директиву, совершенно исключительную как по своему тону, так и по своим требованиям. Директива эта кончается угрозой по адресу руководителей партийных организаций в случае, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках. Понятно, что такая угроза может быть пущена в ход лишь в исключительных случаях, тем более, что секретари парторганизаций работают не ради службы, а ради революции. Тем не менее ЦК счел уместным пойти на этот шаг ввиду тех исключительных обстоятельств, о которых говорилось выше...

Чтоб ликвидировать кризис, надо было прежде всего поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии.

Надо было, во-вторых, обуздать спекуляцию и оздоровить рынок путем удара по спекулянту и спекулянтским элементам кулачества, используя для этого советские законы против спекуляции товарами массового потребления.

Надо было, в-третьих, выкачать из деревни денежные излишки, используя для этого законы о самообложении, крестьянском займе и борьбе с самогоном.

Надо было, в-четвертых, поставить под контроль парторганизаций наши заготовительные организации, заставив их прекратить взаимную конкуренцию и обязав проводить советскую политику цен.

Надо было, наконец, покончить с искривлением партийной линии в практической работе в деревне, сделав ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью и обязав наши парторганизации «развивать дальше наступление на кулачество» (см. резолюцию XV съезда партии «О работе в деревне»).

Теперь мы можем с полным основанием констатировать, что принятые мероприятия и развернувшаяся хлебозаготовительная кампания уже увенчались первой решительной победой партии. Поднялся темп заготовок решительно и повсеместно. Заготовки в январе превысили декабрьские заготовки вдвое. Темп заготовок за февраль дает дальнейшее повышение.<...>

По поручению ЦК ВКП(б) И. Сталин
Сталин И. В. Соч. – Т. 11. – С. 10–16.

27. Из доклада И. В. Сталина «О работе апрельского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК» на собрании актива Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г.

Вопрос о хлебозаготовках

... Есть люди, которые думают, что нэп означает не усиление борьбы с капиталистическими элементами, в том числе и с кулачеством, на предмет их преодоления, а прекращение борьбы с кулачеством и другими капиталистическими элементами. Нечего и говорить, что такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом, ибо таким людям нет места и не может быть места в нашей партии.<...>

IV. Общий вывод

Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту.

Мы имели заготовительный кризис, который уже ликвидирован. Заготовительный кризис знаменовал собой первое серьезное в условиях нэпа выступление капиталистических элементов деревни против Советской власти.

Мы имели шахтинское дело, которое уже ликвидируется и, несомненно, будет ликвидировано. Шахтинское дело знаменует собой новое серьезное выступление международного капитала и его агентов в нашей стране против Советской власти. Это есть экономическая интервенция в наши внутренние дела.

Нечего говорить, что эти и подобные им выступления как по линии внутренней, так и по линии внешней могут и, пожалуй, будут повторяться. Наша задача – иметь максимальную бдительность и быть начеку. И если мы будем, товарищи, бдительны, мы наверняка побьем наших врагов в будущем так же, как бьем их в настоящем и били их в прошлом.

Сталин И. В. Соч. – Т. 11. – С. 48, 63–64.

28. Из доклада Н. И. Бухарина «К итогам апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)» на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г.

Экономика и классы

... Прежде всего я хотел бы указать на две возможные, на мой взгляд, неправильные постановки вопроса о причинах наших хозяйственных затруднений...

Одна точка зрения видит хозяйственные формы и рыночные отношения, но не видит классов; другая – видит классы, их борьбу, но не видит рыночных отношений, хозяйственных пропорций. Обе эти точки зрения неправильны. Правильное, соответствующее действительности положение может быть формулировано таким образом: *через борьбу хозяйственных форм, через рынок, через товарные массы, через регулирование этих товарных масс, через владение этими товарными массами, через отношение производства и через отношения рынка борются классы. Нельзя отделять одно от другого: классы от экономики, экономику от классов.*<...>

Ошибки планового руководства, диспропорции, классы и затруднения заготовительного периода

Прежде всего нужно сказать, что затруднения, которые мы имели и из которых мы полностью еще не вышли, отнюдь не носят обязательного характера... Они сложились в результате запоздания с рядом мероприятий нашей экономической политики, в результате просчетов планового руководства, в результате отрыва наших парторганизаций от руководства хозяйством в связи с партийной дискуссией и борьбой партии против антипартийных и антисоветских выступлений оппозиции.<...>

Ошибки планового руководства так остро отражаются на нашем хозяйстве и потому, что мы идем вперед *с величайшим напряжением сил, с величайшим напряжением нашего государственного бюджета, наших средств,* стараемся держать самый напряженный темп хозяйственного развития, дабы догнать и перегнать капиталистические страны. Эта напряженность заставляет нас идти вперед, преодолевая величайшие препятствия и трудности.<...>

... Экономическая сторона дела *не может быть оторвана от социально-классовой стороны – и обратно:* социально-классовая не может быть оторвана от хозяйственно-

экономической стороны. Именно потому, что была создана такая экономическая конъюнктура, и были нарушены основные рыночные пропорции, *именно поэтому для кулаков, которые держали компактные массы хлеба в своих руках, – хотя отнюдь не главные массы – явилась возможность лучше маневрировать против нашей политики цен.*

Кулак, несомненно, использовал конъюнктуру, причем наши заготовительные органы не оказались на высоте положения. Они объективно, независимо от своей воли, помогали нашему противнику, поскольку не образовали единого заготовительного фронта, поскольку вместо того, чтобы сомкнуться тесными рядами, они конкурировали друг с другом и иногда прямо бешено конкурировали.<...>

Так называемые «перегибы» и дальнейшее наступление на кулачество

... Но я здесь должен указать одновременно и на то, что в теперешней обстановке имеется *кое-что существенно новое по сравнению с прошлыми годами.* Это новое мы должны внимательно проанализировать. Я хотел бы остановиться сперва на решениях XV съезда. Когда мы переходили к нэпу «всерьез и надолго», мы все время исходили из того, что новая экономическая политика никакой отмене не подлежит. И сейчас это положение остается: *нэп никакой отмене не подлежит.*<...>

... Внес XV съезд партии что-нибудь новое? Да, внес. Как можно формулировать это новое? Не в основе самой политики, не так чтобы до XV съезда была одна политика, а после него – совсем другая. Новое, что внес XV съезд в нашу экономическую политику, приблизительно, грубо-схематически (я подчеркиваю эту оговорку) нужно сформулировать так, что XV съезд сделал известный, довольно крупный шаг в сторону *усиления методов прямого регулирования,* усиления борьбы с кулачеством, усиления коллективизации сельского хозяйства.<...>

Однако решения XV съезда не снимают, конечно, того положения, что базой отношений между городом и деревней, роста производительных сил в нашей стране является пока что *товаризация сельского хозяйства.* Проблема товаризации, конечно, еще не снимается. Мы должны сказать, что рост товарооборота между городом и деревней является положительным фактом и заслуживает нашей поддержки.

Или, скажем, снимается ли такой вопрос, как вопрос об индивидуальном трудовом накоплении в сельском хозяйст-

ве? Нет, еще не снимается. Решения XV съезда нашей партии его не снимают, решения XV съезда нашей партии не ставят на этом вопросе крест, эти решения не говорят о том, что сейчас мы стоим против накопления в индивидуальном трудовом крестьянском хозяйстве. Это было бы совершенной бессмыслицей.<...>

Две тенденции

... Мы наблюдаем иногда и перелеты через определенные необходимые этапы, что выражается, скажем, в непонимании преходящего, условного характера экстраординарных мер. Иные думают, что эти меры являются почти нормальными; имеется склонность отрицать важность роста индивидуальных хозяйств или переоцениваются вообще методы административного порядка, забываются иногда различные хорошие вещи, которые необходимо всегда помнить, например, о среднем крестьянстве. Усиление коллективизации некоторыми понимается чрезвычайно примитивно, в результате чего «коллективы» организуются чуть ли не по разверстке... Эти перелеты представляют собой крупную отрицательную величину, которая должна быть изжита.<...>

Правда. – 1928. – 19 апреля.

29. Из статьи Н. И. Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года»

Наивно полагать, будто максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный темп индустриализации. Нет, длительно наивысший темп получится лишь при таком сочетании, когда промышленность подымается на активно растущем сельском хозяйстве, обеспечивающем быстрое реальное накопление. Социалистическая индустриализация – это не паразитарный по отношению к деревне процесс, а средство ее величайшего преобразования и подъема.<...>

У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы.

Правда. –1928.– 30 сентября.

30. Из заявления Л. Д. Троцкого VI конгрессу Коммунистического Интернационала[1]

Задача состоит в том, чтобы, сохраняя, вернее, возрождая определяющее влияние идей и политики большевизма на более молодые партии Коммунистического Интернационала, в то же время раскрепостить их от бюрократического командования. Эта задача неразрывно сливается с задачей изменения курса и режима в самой ВКП(б).

Исходя, таким образом, из интернациональной перспективы и основных интересов Коммунистического Интернационала, мы сосредоточиваем в настоящем заявлении наше внимание на кризисе ВКП, на ее внутренних группировках и на тех обязательствах, которые отсюда вытекают, на наш взгляд, для оппозиции.

Было бы легкомыслием не видеть величайших объективных трудностей, которые стоят и стояли бы перед ВСЯКИМ[2] руководством ВКП в сегодняшнем положении. Трудности эти вытекают прежде всего из основных причин: мелкобуржуазного характера страны и капиталистического окружения. А кроме того, ошибки руководства в течение пяти лет означали систематическую утерю темпа, которая, накопляясь, создавала новые дополнительные трудности. Ошибки можно осудить, но это не устранит их результатов, которые превратились в объективное условие. Всякому руководству пришлось бы исходить из трудного объективного положения, до последней степени осложненного упорным нагромождением ошибок.

Это значит, что простого и короткого выхода нет. Можно даже в известном смысле признать, что решительный **правый**[3] выход: расширение рамок НЭПа и сужение рамок монополии внешней торговли дал бы более скорые и непосредственные результаты, чем левый курс; только

---

[1] VI конгресс Коминтерна состоялся 17 августа – 1 сентября 1928 г. Заявление Л. Д. Троцкого – это попытка апелляции в «высшую инстанцию» и наиболее концентрированное выражение взглядов автора в конце 20-х гг., заключительного периода его пребывания в СССР до высылки в феврале 1929 г. в Турцию. Заявление отражает его точку зрения: успешное завершение социалистического строительства в СССР немыслимо без поддержки стран Европы. Троцкий критикует «правых» (лидер Н. Бухарин) и защищает свой «левый курс» на свертывание НЭПа. На документе имеется пометка И. В. Сталина: «Бухарин, читал ты эту штуку».

[2] Здесь и далее выделено автором.

[3] Полужирным шрифтом набраны в тексте слова, подчеркнутые автором.

результаты эти вели бы совсем на другой путь. Широкий ввоз иностранных товаров и капиталов как результат отмены или «ограничения» монополии, снижение промышленных цен, повышение экспорта и проч., все это означало бы на **ближайший период** смягчение диспропорции и сжатие ножниц, некоторое упорядочение рынка, «обогащение» деревни, т. е. верхов, даже временное уменьшение безработицы. Но это были бы успехи на капиталистическом пути, который через несколько коротких этапов включил бы СССР в империалистическую цепь, и в этой цепи «Россия № 2» снова оказалась бы слабейшим звеном, с вытекающими отсюда последствиями полуколониального существования. Прежде, однако, чем обнаружилось бы, что ПРАВЫЙ ПУТЬ ЕСТЬ ПУТЬ ОТСТАЛОГО КАБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА, УЖАСАЮЩЕЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ И НОВЫХ ВОЙН НА СЛУЖБЕ МИРОВЫХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВЛАДЫК, ближайшие результаты правой политики могли бы быть восприняты на время значительными массами не только деревенского, но и городского населения как некоторый выход из нынешнего экономического тупика с его бестоварьем, хлебными хвостами и растущей безработицей. В том и состоит политическая опасность правого курса, что, после тяжкого опыта центристской политики, он может дать обманно-«заманчивые» результаты на первом этапе пути, ведущего прямехонько к пропасти капитализма.

Никакого ПРОСТОГО левого рецепта для ЕДИНОВРЕМЕННОГО выхода из затруднений НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ – нет и быть не может. Преодолеть же полностью в национальных рамках затруднения, вытекающие из задержки мировой революции вообще, невозможно. Об этом надо сказать ясно, твердо, честно, по-марксистски, по-ленински.

Из нерасторжимой зависимости социалистического строительства от международной революции так же мало, однако, вытекают «пессимистические» выводы для СССР, как мало они вытекают для германской революции из того факта, что она непосредственно зависит от успехов диктатуры в СССР. Самая мысль о том, что из признания международной обусловленности нашего социалистического строительства должен вытекать пессимизм, просто постыдна для марксиста.

Но международная обусловленность революции не освобождает партию каждой страны от обязанности давать во

всех направлениях свой МАКСИМУМ. Наоборот, эта обязанность только возрастает, ибо внутренние хозяйственные ошибки в СССР не просто замедляют построение социализма в нашей стране, но самым непосредственным образом бьют по мировой революции.

Если бы своевременно, т. е. с XII съезда[1], взята была твердая хозяйственная установка на преодоление диспропорции путем правильной политики распределения народного дохода и усиленной индустриализации, положение наше было бы сейчас неизмеримо благоприятнее. И в этом случае основные трудности стояли бы, разумеется, перед нами. Но в той мировой борьбе, которую мы ведем, решают ТЕМП и СРОКИ. При более быстром темпе хозяйственного развития, а значит и при более благоприятном внутреннем соотношении классовых сил мы гораздо увереннее шли бы навстречу победам пролетариата в передовых странах.

Левый курс не может обещать самостоятельного построения «полного социализма». Он не может даже обещать преодолеть полностью внутренние противоречия, доколе существуют противоречия мировые. Но он может постепенно установить более правильное — под углом зрения строящегося социализма — регулирование внутренних классовых противоречий; ускорить темп роста путем более правильной политики распределения народного дохода; достигнуть более серьезного и систематического укрепления командных высот пролетариата; укрепить более ясную и твердую классовую линию в политике; выработать более глубокую связь с работой Коминтерна и, наконец, обеспечить марксистское предвиденье и руководство в основных проблемах революции международного пролетариата. В совокупности своей это и есть то, что нужно для победы в международном масштабе.

Левый курс предполагает глубоко продуманный большой и смелый хозяйственный замысел на ряд лет, — замысел, который не перегибался бы из стороны в сторону под ударами конъюнктурного маневрирования, совершенно необходимого, но не решающего. Левый курс предполагает величайшую выдержку руководства, способность плыть против течения; держаться генеральной стратегической линии через все ее тактические изгибы. А для этого требуется подлинный оптимизм в вопросах международной

---

[1] XII съезд РКП(б) состоялся 17–25 февраля 1923 г.

пролетарской революции — **на этой несокрушимой основе** — глубокая вера в возможность победоносного социалистического строительства в нашей стране.

Отечественные архивы. –1993. –№ 1.– с. 78–79.

31. Из личного фонда И. В. Сталина

(Шифром)

Секретарю Петропавловского окружкома т. Гринблату для бюро окружкома

Заготовки хлеба падают у Вас катастрофически. Все районы восточных областей СССР напрягают силы, а вы опять начинаете убийственно отставать. Вам остается заготовить 9 $^{1}/_{2}$ миллионов, а осталось сроку 3 $^{1}/_{2}$ месяца, а за февраль заготовлено вами всего 1426 тысяч. Это грозит форменным провалом. Терпеть дальше такое положение нет никакой возможности. Либо план будет выполнен полностью, либо Центр будет вынужден взять у вас из местных запасов хлеба. ЦК обязывает вас принять все законные меры обуздания кулацко-спекулянтских элементов и обеспечить во что бы то ни стало выполнение плана. На днях заедет к вам т. Каганович для проверки исполнения, которому и предоставьте отчет о заготовках.

Сталин

9.III.29 г. 15 ч. 15 м.

(Шифром)

Воронеж, Варейкису, Грядинскому

Заготовительная работа в ЦЧО становится совершенно неудовлетворительной. Все области стараются принять зависимые от них меры, а вы убийственно отстаете от других районов. Вам осталось заготовить еще 15 миллионов зерновых, осталось вам сроку всего три с половиной месяца, а за февраль заготовлено вами всего лишь миллион четыреста тысяч. Куда же это годится, дорогие товарищи? Намерены ли вы принять серьезнейшие меры к выполнению плана?

Сталин

6.III.29 г. 17 ч. 05 м.

Российские вести. – 1992. – № 19. – 15 июня.

XI. О КУЛЬТУРЕ 20-х гг.

32. Под пятой

Из заявления М. А. Булгакова председателю Совнаркома 24 июня 1926 г.

7 мая сего года представителями ОГПУ у меня был произведен обыск (ордер 2267, дело 45), во время которого у меня были отобраны с соответственным занесением в протокол следующие мои имеющие для меня громадную интимную ценность рукописи: «Собачье сердце» в двух экз. и «Мой дневник» (3 тетради).

Убедительно прошу о возвращении их мне.

Из дневника М. А. Булгакова 1923 г.

2 сентября. Воскресенье

...Среди моей хандры и тоски по прошлому, иногда, как сейчас в этой нелепой обстановке временной тесноты и гнусной комнате гнусного дома, у меня бывают взрывы уверенности и силы. И сейчас я слышу в себе, как взмывает моя мысль, и верю, что я неизмеримо сильнее как писатель всех, кого я ни знаю. Но в таких условиях, как сейчас, я, возможно, присяду.

3 сентября, понедельник

После ужасного лета установилась чудная погода. Несколько дней уже яркое солнце, тепло.

Я каждый день ухожу на службу в этот свой «Гудок»[1] и убиваю в нем совершенно безнадежно свой день.

Жизнь складывается так, что денег мало, живу я, как всегда, выше моих скромных средств. Пьешь и ешь много и хорошо, но на покупки вещей не хватает. Без проклятого пойла – пива – не обходится ни один день. И сегодня я был в пивной на Страстной площади с А. Толстым, Калменсом[2] и, конечно, хромым «капитаном»[3], который возле графа стал, как тень.

30 (17-го стар. ст.) сентября

Вероятно потому, что я консерватор до... «мозга костей» хотел написать, но это шаблонно, но, словом, консерватор, всегда в старые праздники меня влечет к дневнику. Как

---

[1] В газете «Гудок» М. А. Булгаков работал с конца 1922 г. Сначала литобработчиком писем, затем фельетонистом.

[2] *Калменс С. Н.* – работник московского отделения газеты «Накануне».

[3] «Хромой капитан» – один из сотрудников газеты «На вахте».

жаль, что я не помню, в какое именно число сентября я приехал два года тому назад в Москву. Два года. Многое ли изменилось за это время? Конечно, многое. Но все же вторая годовщина меня застает все в той же комнате и все таким же изнутри.

Болен я, кроме всего прочего...

Во-первых, о политике, все о той же гнусной и неестественной политике. В Германии идет все еще кутерьма. Марка, однако, начала повышаться в связи с тем, что немцы прекратили пассивное сопротивление в Руре, но зато в Болгарии идет междоусобица. Идут бои с коммунистами. Врангелевцы участвуют, защищая правительство. Для меня нет никаких сомнений в том, что эти второстепенные славянские государства, столь же дикие, как и Россия, представляют великолепную почву для коммунизма. Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части — коммунизм и фашизм.

Что будет — никому неизвестно.

Если отбросить мои воображаемые и действительные страхи жизни, можно признаться, что в жизни моей теперь крупный дефект только один — отсутствие квартиры.

В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленкой какой-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то... что я так глубоко и по-настоящему (это я) знаю мыслью и чувством...

26 октября. Пятница. Вечер

В минуты нездоровья и одиночества предаюсь печальным и завистливым мыслям. Горько раскаиваюсь, что бросил медицину и обрек себя на неверное существование. Но, видит Бог, одна только любовь к литературе и была причиной этого.

Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами... трудно печататься и жить.

Нездоровье же мое при таких условиях тоже в высшей степени не вовремя. Но не будем унывать...

Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают. Никогда. Компания исключительной сволочи группируется вокруг «Накануне»[1]. Могу себя поздравить,

---

[1] «Накануне» — русскоязычная газета, издаваемая в Берлине.

что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени. Но одно могу сказать с чистым сердцем перед самим собой. Железная необходимость вынудила меня печататься в нем. Не будь «Накануне», никогда бы не увидали света ни «Записки на манжетах», ни многое другое, в чем я могу правдиво сказать литературное слово. Нужно было быть исключительным героем, чтобы молчать в течение четырех лет, молчать без надежды, что удастся открыть рот в будущем. Я, к сожалению, не герой.

Но мужества во мне теперь больше. О, гораздо больше, чем в 21-м году. И если б не нездоровье, я бы тверже смотрел в свое туманное черное будущее.

6 ноября (24 октября). Вторник. Вечер

<...>Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать – нужно мне бросить смеяться. Кроме того – в литературе вся моя жизнь. Ни к какой медицине я никогда больше не вернусь.

Несимпатичен мне Горький как человек, но какой это огромный, сильный писатель и какие стр(ашные) и важные вещи говорит он о писателе.

Сегодня около пяти я был у Лежнева[1] и он сообщил мне две важные вещи: во-первых, о том, что мой рассказ «Псалом» (в «Накануне») великолепен, как миниатюра («я бы его напечатал») и второе, что «Накануне» всеми пре(зи)раемо и ненавидимо. Это меня не страшит. Страшат меня мои 32 года и брошенные на медицину годы, болезнь и слабость. У меня за ухом дурацкая опухоль, уже два раза опер(ированная). Боюсь, что слепая болезнь прервет мою работу. Если не прервет, я сделаю лучше, чем «Псалом».

Я буду учиться теперь. Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу. Я могу быть одним – писателем.

Посмотрим же и будем учиться, будем молчать.

1924 г.

8 января

Сегодня в газетах бюллетень о состоянии здоровья Л. Д. Троцкого. Начинается словами: «Л. Д. Троцкий 5

[1] *Лежнев И. Г.* – литератор, редактор журнала «Россия».

ноября прошлого года болел», Кончается: «Отпуск с полным освобождением от всяких обязанностей, на срок не менее двух месяцев». Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни.

Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!

Сегодня вечер у Бориса[1]. Мы только что вернулись с женой. Было очень весело. Я пил вино, и сердце мое не болит.

Червонец – 36 миллиардов.

22 января

Сейчас только что (пять с половиной часов вечера) Семка сообщил, что Ленин скончался. Об этом, по его словам, есть официальное сообщение.

25 февраля. Понедельник

Сегодня вечером я получил от Петра Никаноровича[2] свежий номер «Недра». В нем моя повесть «Дьяволиада».

Это было во время чтения моего – я читал куски из «Белой гвардии» у Веры Оскаровны[3].

По-видимому, и в этом кружке производило впечатление. В. О. просила продолжать у нее же.<...>

15 апреля. Вторник

В Москве многочисленные аресты лиц с «хорошими фамилиями». Вновь высылки. Был сегодня у Д. К. Тот, по обыкновению, полон фантастическими слухами. Говорит, что будто по Москве ходит манифест Николая Николаевича. Черт бы взял всех Романовых! Их не хватало.

Идет кампания перевыборов правлений жилищных товариществ (буржуев выкинуть, заменить рабочими). Единственный дом, где этого нельзя сделать, наш. В правлении ни одного буржуя. Заменять некого.

21 июля. Понедельник

Приехали из Самары И(льф) и Ю(рий) О(леша). В Самаре два трамвая. На одном надпись – «Площадь революции – тюрьма», на другом – «Площадь Советская – тюрьма». Что-то в этом роде. Словом, все дороги ведут в Рим! <...>

---

[1] *Земский Б. М.* – брат мужа сестры М. Булгакова.
[2] *Зайцев П. Н.* – зав. редакцией издательства «Недра».
[3] *Станевич В. О.* – литературовед.

2 августа. Суббота

Вчера получилось известие, что в экипаж Калинина (он был в провинции где-то) ударила молния. Кучер убит. Калинин совершенно невредим.

Сегодня состоялась демонстрация по случаю десятилетия «империалистической» войны. Я не был. Возвращаясь из «Гудка», видел, как к Страстной площади (шли) служащие милиции в форме и штатском. Впереди оркестр. Распоряжались порядком верховые в кепках, с красными нарукавниками-повязками. Двух видел – у обоих из-под задравшихся брюк торчат завязки подштанников.

4 августа. Понедельник

Знаменитый сатирический журнал «Красный перец» отличался несколько раз. В частности, в предпоследнем своем номере, где он выпустил рисунок под надписью «Итоги XIII съезда» (толстую нэпманшу шнурует горничная, и нэпманша говорит приблизительно так: «Что ты (душишь) меня, ведь и XIII съезд нас только ограничил». Что-то в этом роде. В Московском комитете партии подняли гвалт. Кончилось все это тем, что прихлопнули и «Красный перец», и сестру его «Занозу». Вместо них выйдет один тощий журнал.<...>

12 сентября. Пятница

Яркий солнечный день.

Новость: на днях в Москве появились совершенно голые люди (мужчины и женщины) с повязками через плечо «Долой стыд». Влезали в трамвай. Трамвай останавливали, публика возмущалась.

В Китае гремит гражданская война. Не слежу за газетами в этой области, знаю лишь, что «империалистические хищники» замешаны в этом деле и поэтому в Одессе (!) образовалось общество «Руки прочь от Китая».

В ночь с 20 на 21 декабря

Москва в грязи, все больше в огнях – и в ней странным образом уживаются два явления: налаживание жизни и полная ее гангрена. В центре Москвы, начиная с Лубянки, «Водоканал» сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена.

Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно – 8 автобусов на всю Москву.

Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза – все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть. Каждый шаг, каждое движение советского гражданина – это пытка, отнимающая часы, дни, а иногда месяцы.

Магазины открыты. Это жизнь. Но они прогорают, и это гангрена. Во всем так.

Литература ужасна.

23 декабря, вторник. (Ночь на 24-е)

<...> Для меня всегда наслажденье видеть Кремль. Утешил меня Кремль. Он мутноватый. Сейчас зимний день. Он всегда мне мил.

На службе меня очень беспокоили, и часа три я провел безнадежно (у меня сняли фельетон). Все накопление сил. Я должен был еще заехать в некоторые места, но не заехал, потому что остался почти до пяти часов в «Гудке», причем Р.О.Л. при Ароне, при П(отоцком)[1] и кто-то (еще) был, держал речь, обычную и заданную мне – о том, каким должен быть «Гудок» <...>

Когда мы расходились из «Гудка», в зимнем тумане, в вестибюле этого проклятого здания, П. сказал мне: «Молодец вы, Михаил Афанасьевич». Это мне было приятно, хотя я, конечно, ни в какой мере не молодец, пока что.

26 декабря. (В ночь на 27-е)

Только что вернулся с вечера у Ангарского – редактора «Недр». Было одно, что теперь всюду: разговоры о цензуре, нападки на нее, разговоры о «писательской правде» и «лжи». Был Вересаев, К., Никандров, Кириллов, Зайцев (П. Н.), Ляшко и Львов-Рогачевский[2]. Я не удержался, чтобы несколько раз не встрять с речью о том, что в нынешнее время работать трудно, с нападками на цензуру и прочем, чего вообще говорить не следует.

Ляшко, пролетарский писатель, чувствующий ко мне непреодолимую антипатию (инстинкт), возражал мне с худо скрытым раздражением:

– Я не понимаю, о какой «правде» говорит т. Булгаков? Почему все нужно изображать? Нужно давать чер(ес)полосицу»... и т. д.

---

[1] *Арон-Эрлих А. И., Потоцкий А. В.* – литераторы, сотрудники «Гудка».

[2] *Никандров Н. Н., Кириллов В. Т., Ляшко Н. Н., Львов-Рогачевский В. Л.* – советские писатели.

Когда же я говорил, что нынешняя эпоха – это эпоха сви(нства) – он сказал с ненавистью:

– Чепуху вы говорите...

Ничего не успел ответить на эту семейную фразу, потому что вставали в этот момент из-за стола. От хамов нет спасения.

Лютый мороз. Сегодня утром водопроводчик отогрел замерзшую воду. Зато ночью, лишь только я вернулся, всюду потухло электричество.

Больше всех этих Ляшко меня волнует вопрос – беллетрист ли я?

В ночь на 28 декабря.

Вечером у Никитиной[1] читал свою повесть «Роковые яйца». Когда шел туда – ребяческое желание отличиться и блеснуть, а оттуда – сложное чувство. Что это? Фельетон? Или дерзость? А может быть, серьезное? Тогда не выпеченное. Во всяком случае там сидело человек тридцать и ни один из них не только не писатель, но и вообще не понимает, что такое русская литература.

Боюсь, как бы не саданули за все эти подвиги «в места не столь отдаленные». Очень помогает мне от этих мыслей моя жена[2]. <...>

1925 г.

2 января, в ночь на 3-е.

Забавный случай. У меня не было денег на трамвай, а потому я решил из «Гудка» пойти пешком. Пошел по набережной Москвы-реки. Полулуние в тумане. Почему-то середина Москвы-реки не замерзла, а на прибрежном снеге и льду сидят вороны. В Замоскворечье огни. Проходя мимо Кремля, поравнявшись с угловой башней, я глянул вверх, приостановился, стал смотреть на Кремль и только что подумал «доколе, Господи», – как серая фигура с портфелем вынырнула сзади меня и оглядела. Потом прицепилась. Пропустил ее вперед и около четверти часа мы шли, сцепившись. Он плевал с парапета, и я. Удалось уйти у постамента Александру.

3 января

Сегодня у Лежнева получил 333 рубля в счет романа

---

[1] *Никитина Е. Ф.* – литературовед.
[2] *Белозерская Л. Е.* – вторая жена М. Булгакова.

«Белая гвардия», который пойдет в «России». Обещали на остальную сумму векселя. <...>

4 января

Сегодня вышла «Богема» в «Кр(асной Ниве)» № 1. Это мой первый выход в специфически-советской, топкой журнальной клоаке. Эту вещь я сегодня перечитал, и она мне очень нравится, но поразило страшно одно обстоятельство, в котором я целиком виноват. Какой-то беззастенчивой бедностью веет от этих строк. Уж очень мы тогда привыкли к голоду, и его не стыдились, а сейчас как будто бы стыдно. Подхалимством веет от этого отрывка, кажется, впервые с знаменитой осени 1921 г. позволю себе маленькое самомнение и только в дневнике, — написан отрывок совершенно на «ять» за исключением одной, двух фраз...

5 января

Какая-то совершенно невероятная погода в Москве — оттепель, все распустилось и такое же точно, как погода, настроение у москвичей. Погода напоминает февраль, и в душах февраль.

— Чем все это кончится? — спросил меня сегодня один приятель.

Вопросы эти задаются машинально и тупо, и безнадежно, и безразлично, и как угодно. В его квартире как раз в этот момент в комнате через коридор пьянствуют коммунисты. В коридоре пахнет какой-то острой гадостью. И один из партнеров, по сообщению моего приятеля, спит пьяный, как свинья. Его пригласили и он не мог отказаться. С вежливой и заискивающей улыбкой ходит к ним в комнату. Они его постоянно вызывают. Он от них ходит ко мне и шепотом их ругает. Да, чем-нибудь все это да кончится. Верую.

Булгаков М. А. Под пятой. Мой дневник.//Театр.–1990.–№ 2.

XII. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНЦА 20-х гг.

33. СССР и страны мира 1927–1929 гг.

В течение двух лет после разрыва с Великобританией в мае 1927 г., после падения китайского революционного правительства и прекращения советского участия в делах Китая во внешней политике Советского Союза наступило

затишье. Москва несколько раз делала попытки наладить отношения с правительством Великобритании, но встречала враждебный отпор. Переговоры с Францией о долгах и кредитах были прерваны, а французское правительство, хотя и не прекратило дипломатических отношений с Советским Союзом, нашло предлог, чтобы потребовать отзыва советского посла Раковского. Отношения с Германией на некоторое время также ухудшились, поскольку она подписала Локарнские договоры и вошла в состав Лиги Наций; вспышки неприязни время от времени осложняли неровное течение советско-германских отношений. Но поскольку в их основе лежали тайные военные договоры, поскольку Германия стремилась избежать исключительно западной ориентации, поскольку обе страны были враждебно настроены к Польше, отношения между СССР и Германией продолжали оставаться более тесными и более плодотворными, чем со всеми другими странами. Отношения с Польшей постоянно ухудшались с тех пор, как в мае 1926 г. Пилсудский совершил переворот; Советы боялись, что Пилсудский станет послушным исполнителем антисоветских замыслов западных держав; затем они еще более осложнились настойчивой, хотя и безуспешной, попыткой Польши сколотить и возглавить союз с другими западными соседями СССР – Финляндией, прибалтийскими государствами и Румынией. Непростые отношения сложились и с Японией – и потому, что Япония вела непонятную игру в Китае, и потому, что она через своего ставленника, китайского военачальника Чжан Цзолиня, ревностно осуществляла контроль над Маньчжурией.

Как ни странно, самым важным для советской дипломатии в то время было участие в международной жизни в Женеве. До этого отношения Советов с Лигой Наций ограничивались слабой связью с ее организацией по здравоохранению. Лига Наций всегда осуждалась в Москве, как неотъемлемая часть и детище грабительского Версальского мира, заключенного в 1919 г., и как ширма для военных приготовлений входящих в нее союзных стран. Лигу Наций предавали анафеме, но теперь, когда в нее вошла и Германия, нельзя было стоять в стороне от международных событий, иначе СССР остался бы в одиночестве. В мае 1927 г. в Женеву на международную экономическую конференцию впервые прибыла представительная советская делегация. Советская делегация принимала активное участие и в пленарных заседаниях, и в работе комиссий.

Она бичевала пороки капитализма и защищала монополию внешней торговли, но призывала к «мирному сосуществованию двух экономических систем». Несмотря на отсутствие конкретных результатов, у обеих сторон сложилось впечатление, что установлены контакты, которые в дальнейшем можно будет развивать.

Гораздо больше шума наделало появление в Женеве спустя полгода советской делегации во главе с Литвиновым, заместителем наркома по иностранным делам, которая прибыла для участия в сессии подготовительной комиссии по разоружению. Литвинов приковал к себе всеобщее внимание, выдвинув предложение о полном и всеобщем запрещении всех видов военно-морских и военно-воздушных вооружений. Это был сенсационный шаг, вызвавший всеобщее смятение. Комиссия поспешила отложить дискуссию до следующей сессии, которая должна была состояться в марте 1928 г. На ней неутомимый Литвинов выступил с переработанным предложением поэтапного разоружения. Когда рассмотрение и этого предложения было отложено, он представил альтернативный проект ограничения вооружений, менее утопичный, чем два предшествующих, который шел гораздо дальше того, о чем помышляли западные державы. К проекту с некоторым сочувствием отнеслась лишь Германия, чьи вооруженные силы были жестко ограничены Версальским договором, а также Турция, только недавно вошедшая в состав комиссии. Такое развитие событий привело в замешательство большинство делегатов, которые видели выход только в том, чтобы продолжать откладывать рассмотрение этих вопросов. С другой стороны, СССР и Литвинов как его представитель, приобрели значительную популярность в радикально настроенных кругах западных стран, которые были заинтересованы в разоружении и недовольны бесплодной работой комиссии.

Следующий важный шаг в отношениях Советов с Западом был сделан летом 1928 г. Государственный секретарь США Келлог предложил подписать международный пакт, осуждающий войну «как средство национальной политики». Советский Союз не входил в число 15 стран, которые первоначально были приглашены принять участие в подписании пакта, но когда 27 августа 1928 г. в день его подписания СССР в числе других стран, не принимавших участия в подписании пакта, получили предложение присо-

единиться к нему, оно было немедленно и благосклонно принято. Более того, когда ратификация пакта западными державами была отложена, Советский Союз выступил с предложением, адресованным своим непосредственным соседям, подписать протокол о досрочном введении в действие «пакта Келлога». Этот протокол был с большой помпой подписан в Москве 9 февраля 1929 г. СССР, Польшей, Латвией, Эстонией и Румынией, позднее к нему присоединились Литва, Турция и Иран.

Во всех этих маневрах явственно проступает почерк Литвинова. Литвинов теперь фактически заменил Чичерина на посту народного комиссара по иностранным делам, хотя официально занял этот пост только в 1930 г. Чичерин, эксцентричный отпрыск старинного рода, вступивший в партию, в свое время завоевал доверие Ленина. Но между ним и Сталиным существовала сильная взаимная неприязнь. Сталин предпочитал Литвинова с его более жестким и решительным характером. В 1928 г. Чичерин, который был к тому времени серьезно болен, удалился от дел. Эта перемена имела важное значение, потому что Чичерин не доверял западным странам, особенно Великобритании, откуда его с позором выдворили в 1918 г. и чувствовал себя уютно только в Германии. Литвинов же провел в Англии много лет, свободно говорил по-английски, и был женат на англичанке.

...Америка и Германия начинали уже обгонять Великобританию по уровню современной индустриальной технологии. Великобритания к тому же теряла свои рынки в СССР, что было для нее катастрофой, причину которой видели в разрыве отношений между двумя государствами. В конце марта 1929 г. группа из 80 английских бизнесменов отправилась с визитом в Москву. Они получили теплый прием и несколько заказов.

...После некоторого промедления к концу года отношения между двумя странами были полностью восстановлены. Но примирение это было весьма поверхностным, оно не сняло подспудного напряжения в отношениях между СССР и западным миром.

Отношения с Соединенными Штатами были двусмысленными и весьма специфическими.

...Соединенные Штаты были самой передовой страной мира в области индустриальной техники, массового произ-

водства и стандартизации; СССР стремился к созданию крупных производственных единиц, что уже было достигнуто в США, в этом смысле американский путь развития очень импонировал Советам, это сближало СССР с Америкой, как ни с одной другой страной. Опора на американскую технику и оборудование – важный фактор советской политики индустриализации. Начиная с 1927 г. Соединенные Штаты стали соперничать с Германией, как с главным поставщиком в СССР промышленных товаров.

Еще более примечательным было широкое использование в СССР американских инженеров.

...Деятельность Коминтерна, которую направляли во всех серьезных вопросах те же самые люди, что руководили советской политикой в целом, отражала трудности и двусмысленность внешней политики Советского Союза того периода. В 1927 г. в директивах Коминтерна все еще с успехом фигурировал «единый фронт», то есть сотрудничество коммунистов с другими левыми партиями и группировками в капиталистических странах.

...Начиная с 1928 г. в деятельности Коминтерна четко прослеживалась новая линия. Официальные признания того, что капиталистические страны достигли стабилизации, пусть «временной», «относительной» и «нестабильной», звучали все реже, но недоброжелательнее. Классовый антагонизм усугублялся, «класс против класса» – лозунг того периода. Появилась новая концепция единого фронта: теперь это понятие подразумевало сотрудничество рядовых членов социалистических и социал-демократических партий с целью сбросить морально разложившихся лидеров, предающих их интересы. На VI конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1928 г., – это был первый конгресс за четыре года и самый длинный из всех предыдущих – были выделены три важных этапа в истории Коминтерна. Первый, 1917–1921 гг. – время острой революционной борьбы; второй, 1921–1927 гг. – возрождение капитализма. В третьем периоде, выделенном конгрессом, растущие противоречия капитализма свидетельствовали о его неминуемом грядущем крахе, что откроет новые перспективы развития революции. Злейшим врагом коммунизма были теперь занявшие выжидательную позицию социал-демократы. Немецкие делегаты без обиняков называли их «социал-фашистами», в резолюции конгресса отмечалось, что в их программе есть кое-что от фашистской идеологии;

новая программа Коминтерна, принятая на конгрессе, заклеймила социал-демократию и фашизм как близких по духу агентов буржуазии.

...В том, что в 1928 г. был провозглашен «третий этап», падение Бухарина играло второстепенную роль. Его ссора со Сталиным касалась, в основном, экономических вопросов. Но его пребывание на официальном посту в Коминтерне ассоциировалось с примиренческой политикой единого фронта; поэтому после падения Бухарина линия резко повернула в противоположном направлении. Основным капиталистическим странам был поставлен диагноз «объективной революционной ситуации»; это было сделано до того, как начало мирового экономического кризиса могло дать хоть какие-то основания для подобного утверждения. Революционная классовая война была главной задачей всех коммунистических партий. Термин «социал-фашисты», придуманный в Германии, теперь применялся ко всем «реформистским» левым партиям, искать с ними компромисса или поддерживать их означало быть обвиненным в оппортунизме и правом уклоне. Эти указания привели в смущение коммунистические партии Западной Европы.

...Непосредственным следствием новой линии Коминтерна было ужесточение дисциплины в коммунистических партиях. Начиная с 1924 г., когда большевизация зарубежных партий была провозглашена целью Коминтерна, он время от времени пытался повлиять на выбор лидеров этих партий. После 1928 г. вмешательство Коминтерна стало прямым и постоянным. Осенью того же года ЦК Коммунистической партии Германии после финансового скандала принял решение сместить своего лидера Тельмана, который был обязан политической карьерой, в основном, поддержке из Москвы. Руководители Коминтерна отменили это решение. В начале 1929 г. Коминтерн навязал польской партии в качестве руководителей наиболее покорных ему людей; вмешательство Коминтерна привело к расколу польских коммунистов. Тогда же лидеры американской компартии после личного вмешательства Сталина были просто исключены из ее рядов. Аналогичные примеры, более или менее явные, происходили и во французской, и в английской коммунистических партиях.

...Решения Коминтерна были, по-существу, решениями ВКП(б). Их можно было навязать партиям других стран

(так оно и было), но в результате все больше и больше рабочих в этих странах отходили от Коминтерна, поскольку они не могли согласиться с насильственным и неуместным диктатом чужой и далекой от них силы. В конце 20-х годов коммунистическое движение в западных странах стало ослабевать, у него становилось все меньше сторонников, и оно теряло свое влияние.

Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М., 1990. – С. 186–190, 191–192, 193–194.

XIII. ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ 30-е гг.

34. Бурное время

Внешне в жизни страны все казалось благополучным, торжественным и деловым. С высоких трибун сообщалось, что в деревне завершилась ликвидация кулачества как класса, нэпманская городская буржуазия вытеснена из торговли и промышленности, якобы значительно улучшилось материальное благосостояние трудящихся, окрепло идейно-политическое единство партии и народа. Газеты писали об открытии Нижегородского автомобильного завода, пуске доменной печи на Магнитогорском металлургическом комбинате, закладке города Комсомольска-на-Амуре, о высокой производительности труда забойщика Горловской шахты Н. А. Изотова и т. д. Народ не только самоотверженно трудился, но и отдыхал, учился. За партами в школах ликбеза сидело около 40 миллионов человек, в кинотеатрах смотрели первые звуковые фильмы «Встречный», «Путевка в жизнь». Наряду с «техническими» романами «Капитальный ремонт» Л. Соболева, «Время, вперед» В. Катаева увидели свет «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Петр Первый» А. Толстого и другие произведения. Казалось, что народ наконец-то стал хозяином своей судьбы, раскрепостился, получил простор для всестороннего развития.<...>

Это была лишь одна сторона медали. Вторая сторона ее была накрепко скрыта от людского взора. На самом деле в начале 30-х годов «Россия во мгле» окончательно окуталась «мглой» сталинской деспотии. Под сверкающей мишурой официальной пропаганды скрывались острые противоречия, неимоверные трудности в жизни простых людей,

издержки «великого перелома», сплошной коллективизации и форсированной индустриализации. Ведь уже в 1930 г. от голода стали умирать жители разных районов страны, из сел и деревень, насильственно сколоченных колхозов началось повальное бегство крестьян. В городах и рабочих поселках усиливалось брожение недовольного своим бытием трудового люда. Роптала интеллигенция. И в партийной верхушке почти в открытую стали раздаваться голоса о пагубности «генеральной линии», несостоятельности вождя управлять партией и государством.

Чем глубже страна увязала и запутывалась в клубке общественных противоречий, тем яснее становилось ее руководству во главе со Сталиным: выход из кризиса возможен лишь на путях решительного и окончательного отбрасывания нэповских зачатков свободной экономики, демократических начал в общественно-политической жизни. А это значит, надо незамедлительно и бескомпромиссно утверждать господство, монополизм правящей верхушки во всех сферах государственного управления, народного хозяйства, идеологии, науки, да и вообще личной жизни каждого гражданина.<...>

Закономерно, что, так называемый, классовый подход, направленный на защиту и утверждение якобы единственно прогрессивного, единственно последовательного и единственно имеющего право на будущее класса пролетариев, культивировался и насаждался всякими возможными и невозможными методами, а отсюда и общечеловеческие ценности морали, чести и достоинства претерпели строго направленную метаморфозу. Все, что делалось в целях укрепления «диктатуры пролетариата», объявлялось правомерным и нравственным. Правомерно было безо всяких оснований отобрать у «кулака» избу, лошадь и корову и не принимать в суде его жалобу, «выгодно» было назначать на ответственную государственную или хозяйственную службу не по профессиональной пригодности, а по классовому происхождению, нравственно было обозвать священника нецензурным словом и безнравственно жениться на дочке нэпмана. Так вроде бы неожиданно атрибуты, способы классовой борьбы переросли в особую систему морально-этических и нравственных категорий.

В соответствующем духе претерпели оценку многие стороны общественной психологии, поведенческой культуры и т. п. Стало считаться морально оправданным всеми

доступными способами «сигнализировать» в инстанции об отступлениях от «генеральной линии» партии и ее вождей, сомнениях в отношении ее правильности, о буржуазных пережитках в быту или даже сознании того или иного человека и других подобных прегрешениях против «диктатуры пролетариата». И наоборот, уличенные в «умолчании» подвергались наказанию в уголовном порядке, а не просто общественному порицанию.

В начале 30-х годов доносительство приняло тотальный характер, стало органичной и неотъемлемой чертой формирующейся в стране системы тоталитаризма.

В течение 1931–1933 гг. по стране прокатилась массовая волна арестов специалистов, ученых, служащих, партийных работников. Большинство уголовных процессов, связанных с этими арестами, не афишировалось, осталось на долгие годы в тайне от народа. «Союзное бюро ЦК РСДРП(м)», «Союз марксистов-ленинцев», «бухаринская школа», «вредительские организации» в Наркомате почт и телеграфов, резиновой и нефтяной, текстильной, военной, рыбной, химической промышленности, Артиллерийском управлении РККА, во внешней торговле, на водном транспорте, в Наркомфине, Госкино СССР и т. д. Такова лишь незначительная часть крупномасштабного развертывания репрессий не только против инакомыслящих, недовольных, но и когда-либо связанных с троцкистами, эсерами или просто мешающих становлению деспотического режима.

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992.– Вып. I. – С. 56–59.

35. На переломе

Основными вопросами схватки с «правыми уклонистами» были пути и темпы индустриализации (что свелось в основном к обсуждению заданий первой пятилетки) и пути и темпы коллективизации. В начале 1929 г. Госплан предложил Совнаркому два варианта, которые не противопоставлялись политически, ибо отражали один и тот же подход – разница была лишь в степени напряженности. Один из этих вариантов, названный оптимальным, превосходил другой, названный отправным, примерно на 20 процентов. То есть по оптимальному можно было за пять

лет достичь тех же показателей, что по отправному — за шесть.

Председатель Госплана Кржижановский поначалу не брал на себя ответственность за оптимальный вариант и объяснял в своих выступлениях, что два варианта плана — это как бы артиллерийская вилка, так что «попадание» при выполнении плана будет в ее пределах. Он полагал, что отправной вариант будет выполнен безусловно, а если к тому же, ориентируясь на оптимальный, мы вырвемся вперед на отдельных участках, это только полезно.

Однако позднее даже само название отправного варианта употребляли все реже, именуя его «минимальным», оппортунистическим, враждебным и т. п. Совнарком после первого же рассмотрения стал рекомендовать только оптимальный вариант.

В апреле 1929 г. XVI партконференция без споров приняла оптимальный вариант на основании единых по духу докладов Рыкова, Кржижановского и председателя ВСНХ Куйбышева. Затем на основе решения конференции V съезд Советов СССР принял пятилетний план. Однако история плана на этом не кончилась. Во-первых, серией постановлений ЦК партии, Совнаркома, ЦИК СССР были повышены показатели по отдельным отраслям — чугуну, нефти, тракторам, сельхозмашинам, электрификации железных дорог (повышение задания по чугуну особо отметил в своей резолюции XVI съезд партии). Во-вторых, был выдвинут лозунг «пятилетку — в четыре года». Это стало общепризнанной целью, но позднее и ее решено было превзойти.<...> В январе 1933 г. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) объявил, что пятилетний план выполнен за четыре года и три месяца. Таким образом, если по плану отчетным годом пятилетки должен был стать 1932/33 хозяйственный (с 1 октября по 1 октября), то фактически им стал 1932 календарный год.

Оценить количественные результаты развития промышленности в годы первой пятилетки невозможно в двух словах. Из популярных учебников известно, что она была успешно выполнена за четыре года и три месяца. Несколько реже упоминается, что она была выполнена по валовой продукции промышленности на 93,7 процента. Это уже не совсем выполнение, но, учитывая сокращенный срок, — итог хороший. Однако интерпретация показателей валовой продукции требует определенной осторожности. Их значение нельзя преуменьшать, но не следует и преувеличивать. Во-первых, нам трудно определить, в какой степени сказался на этих показателях происшедший в годы пятилетки

рост оптовых цен, на который вполне определенно указывает советская экономическая литература. Во-вторых (и это может быть важнее), стоимостная оценка объема продукции по природе своей условна, особенно при той беспрецедентной ломке структуры производства, какая произошла в те годы. Целые громадные отрасли, не существовавшие в 1928 г., давали продукцию в 1932-м: автомобильная, тракторная, авиационная, сельхозмашиностроение, нефтехимия. Известно, что именно продукция машиностроения, особенно производство оборудования, станков, оказала большое влияние на итоговую цифру валовой продукции всей промышленности. О чем говорит сопоставление индексов, включающих продукцию этих отраслей, с индексами того времени, когда их не было? Главным образом, о том, что самолет как сумма валовой продукции больше, чем телега. Но надо помнить об условности валовых показателей при количественной оценке: насколько возросла валовая продукция страны, если вместо ста телег произведено сто самолетов. Между тем сама природа поставленного вопроса (как выполнен план) требует именно точной количественной оценки. Для достоверного и полного ответа на этот вопрос надо использовать не только стоимостные, но и натуральные показатели по важнейшим отраслям. <...>

Рассмотрим в качестве примера перипетии плана по чугуну. Это не наш выбор: именно чугун в политических спорах того времени оказывался на первом месте среди прочих отраслевых показателей. Металл был символом индустриальной мощи, а в стране, не накопившей металлофонд, именно чугун определял возможности металлургии. Отправной вариант предлагал выплавить в последнем году пятилетки 7 миллионов тонн чугуна, оптимальный (а значит, и первоначально утвержденный план) – 10 миллионов, повышенное задание XVI съезда – 17 миллионов. Фактически в 1932 г. выплавлено 6,2 миллиона тонн. Против 3,3 миллиона тонн в 1928 г. это было блестящим, невиданным в мире успехом, но никак не подтверждало правоту Сталина в споре о рубежах пятилетки – напротив, итог получился близким к отправному варианту.

То же произошло и со всеми прочими натуральными показателями. Пятилетний план намечал довести производство тракторов до 53 тысяч, повышенное задание – 170 тысяч, фактический итог – 49 тысяч. Соответствующие показатели по автомобилям: 100 тысяч, 200 тысяч, 24 тысячи. Электроэнергии в 1932 г. произведено 13,5 милли-

арда киловатт-часов при 22 миллиардах по пятилетнему плану. Минеральных удобрений – 0,9 миллиона тонн вместо 8 миллионов тонн.

Означает ли это невыполнение основных показателей, что оптимальный и даже отправной вариант были нереальны? Не обязательно. Рассмотрев ход пятилетки по годам, можно с большой степенью уверенности предположить, что если не полное выполнение оптимального плана, то попадание в «вилку» между ним и отправным было вполне возможным (по основным показателям объема промышленной продукции – о качественных показателях промышленности и других целях плана судить сложнее). Даже самый общий анализ показывает, что ход пятилетки был сорван после ее начала резкими толчками к ускорению по сравнению с оптимальным вариантом, и без того достаточно напряженным. Лозунги выполнения плана в четыре года и даже в три, попытка насильственного ускорения в начале и середине пятилетки привели к диспропорциям, нарушению плановости и в итоге к спаду темпов в конце пятилетки, продолжавшемуся и в начале второй пятилетки. Общий итог довоенного развития промышленности – по сравнению с тем, что, судя по опыту, может дать планомерное, пропорциональное развитие, – этот общий итог был, несомненно, снижен скачком с последующим спадом, ибо спад дал большее отклонение от средних цифр, чем скачок.

Отправной вариант предлагал высокие, но постепенно снижающиеся ежегодные приросты промышленной продукции – от 21,4 процента в первом году пятилетки до 17,4 в пятом. Это соответствовало объективным тенденциям роста в те годы. <...> Оптимальным вариантом предписан был постепенный рост – от 21,4 до 25,2 процента. Но в годовых уже со второго года началось подхлестывание, которое не дало реального ускорения, но дезорганизовало производство... <...> Вместо декретированного прироста на 31,3 процента фактический прирост в 1930 г. составил 22 процента. На третий год запланировали 45 – вышло 20,5. На четвертый план был 36 – факт 14,7. Начался неудержимый спад, который снизил прирост 1933 г. до 5,5 процента – неслыханно мало по тем временам. Но Сталин уже объявил пятилетку выполненной, пятый год в нее не попал и не испортил картину побед.

...Ясно, что если, имея материалов на один завод, начинаешь строить два, не достроишь ни одного. Так

получилось с металлургией. Когда задание пятилетки по чугуну с 10 миллионов тонн подняли до 17 миллионов, отрасль надорвалась. Год самых больших по плану темпов – 1931-й – фактически дал снижение выплавки и чугуна и стали. Затем последовал медленный рост, так что от 5 миллионов в 1930 г. дошло лишь до 7,1 миллиона в 1933-м. А потом сразу скачок до 10,4 миллиона в 1934 г., когда ускорительные тенденции перестали существовать и таких скачков от промышленности не требовали. Тут уже сработал увеличенный задел, образовавшийся тогда, когда заложили сразу много новых строек. И хотя дата выплавки первоначально намеченных 10 миллионов тонн (шестой год после начала пятилетки) как будто говорит в пользу отправного варианта, возможно, был бы реален и оптимальный, не случись еще большего ускорения. <...>

Нетрудно понять, что срыв второй половины пятилетки объяснялся именно авантюрным игнорированием материальной стороны дела. При такой напряженности и отсутствии резервов за срывом в одном месте шла цепная реакция, одна диспропорция тянула за собой другую. <...>

Все это сказалось на качественных показателях, прежде всего на себестоимости и, стало быть, накоплениях, а от их суммы зависело все, весь план, поскольку одним из краеугольных камней индустриализации был расчет на внутренние накопления. Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве за четыре года пятилетки удвоилась и в 1932 г. достигла 22,9 миллиона человек вместо 15,8 миллиона по плану. Такой избыток численности позволял компенсировать диспропорции, затыкать многие дыры в хозяйстве, но лишние миллионы трудящихся сами по себе представляют такую диспропорцию, которая способна расшатать весь народнохозяйственный организм. Так оно и вышло.

Хотя производительность труда в промышленности возросла за годы пятилетки лишь на 41 процент (планировался рост на 110 процентов), средняя зарплата за это же время удвоилась (а план предусматривал ее рост менее, чем в полтора раза). Поскольку удвоилась и численность рабочих и служащих, выходит, общий фонд зарплаты возрос вчетверо, хотя план этого не предусматривал. А производство товаров народного потребления росло, напротив, медленнее, чем намечалось. Таким образом, не плановым, а стихийным стало движение и другой важнейшей пропорции: соотношения массы денег и массы товаров.

Естественное следствие – быстрый рост розничных цен, сменивший политику низших цен, которая проводилась до 1928 г. Между тем планом предусматривался (и Сталиным был не раз обещан) рост уровня жизни. Хозяйственные органы стремились средствами плана сдержать рост цен, и они повышались не так быстро, как требовалось для сохранения равновесия на рынке. Рухнуло важнейшее завоевание нэповских времен – твердый, надежно обеспеченный рубль (оно не возвращено по сей день). Начался товарный голод. В год начала первой пятилетки была введена карточная система розничной торговли – отменили ее через два года после завершения пятилетки. Это был единственный случай, когда карточная система в целом по стране вводилась в мирное время. <...>

...Данные о валовом сборе и урожайности основных сельскохозяйственных культур начала тридцатых годов не публиковались в статистических сборниках более пятидесяти лет и появились лишь в ежегоднике «Народное хозяйство СССР», вышедшем в 1987 г. Неудобно было сообщать эти сведения. Ведь палочная коллективизация – сталинская вместо ленинской – все эти годы оправдывалась необходимостью преодолеть хлебные затруднения. Вот как их преодолели. Валовой сбор зерновых в 1932 г. составил 69,9 миллиона вместо 105,8 миллиона по плану и 73,3 миллиона тонн, полученных в 1928 г. Сбор сахарной свеклы за четыре года упал с 10,1 миллиона до 6,6 миллиона тонн. Поголовье лошадей сократилось с 31,1 миллиона до 21,7 миллиона (а планировался его рост). Поголовье крупного рогатого скота упало с 60,1 миллиона до 38,3 миллиона (в пятилетнем плане значилось – 80,9 миллиона). Поголовье свиней и овец сократилось более чем вдвое. Резко (в полтора-два раза) сократилось производство молока, мяса, шерсти, яиц.

Впрочем, только при составлении пятилетнего плана уделялось большое внимание показателям развития сельскохозяйственного производства. А в более поздних документах основное внимание сосредоточивалось на одном показателе: уровне коллективизации. Пятилетний план предусматривал охватить коллективизацией около 20 процентов хозяйств. Это задание было перекрыто уже в первый год пятилетки, а к концу ее в важнейших сельскохозяйственных районах коллективизация была в основном завершена. Таким образом, в сельском хозяйстве реакция на «ускорительство» была своеобразной. Тот показатель, кото-

рый непосредственно старались «ускорить» – процент коллективизации, – действительно быстро рос. Но в том, ради чего добивались ускорения коллективизации – в производстве, – одновременно происходило ухудшение. Цель не оправдала страшные средства, она была взорвана ими.

Л а ц и с О. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. – М., 1990. – С. 31–36, 37-39, 40, 42, 44–45, 46–47.

36. Индекс роста сельского хозяйства СССР

(1926–1929 гг.=100%)

(Во всех категориях хозяйств; в сопоставимых ценах)

Периоды	Среднегодовая валовая продукция в процентах к среднегодовой продукции за 1926–1929 гг.							
	Вся продукция сельского хозяйства		Продукция земледелия		Продукция зернового хозяйства[1]		Продукция животноводства	
	в целом	в расчете на душу населения	в целом	в расчете на душу населения	в целом	в расчете на душу населения	в целом	в расчете на душу населения
1926–1929	100	100	100	100	100[2]	100[2]	100	100
1930–1932	93	89	110	105	102	99	67	64
1933–1937	94	87	113	105	101	95	65	60
1938–1940	105	86	109	89	107	88	89	72

Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М., 1987. – С. 208; Население СССР. 1973. – Статистический сборник – М.,1975. – С. 7.

[1] В натуральном исчислении.
[2] Среднегодовые данные за 1928–1929 гг.

37. Сравнение абсолютного объема производства некоторых видов промышленной продукции в СССР и капиталистических странах

Виды промышленной продукции	СССР, в процентах			
	к США	к Англии	к Франции	к Германии
1913 г.[1]				
Электроэнергия	9	49	110	82
Добыча основных видов топлива (в пересчете на условное топливо)	8	19	106	38
Чугун	15	44	51	38
Сталь	15	63	70	38
Цемент	13	69	101	39
Хлопчатобумажные ткани	40	31	–	–
1928 г.				
Электроэнергия	4	31	34	29
Добыча основных видов топлива (в пересчете на условное топливо)	7	23	89	35
Чугун	9	49	33	24
Сталь	8	49	45	29
Цемент	6	42	44	32
Хлопчатобумажные ткани	30	–	–	–
1940				
Электроэнергия	26	121	245	132
Добыча основных видов топлива (в пересчете на условное топливо)	27	105	437	133
Чугун	35	179	405	95[2]
Сталь	29	139	415	108
Цемент	25	77	127[2]	75
Хлопчатобумажные ткани	37	134	187[2]	–

Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статистический ежегодник. – М., 1968. – С. 158–161.

[1] Россия в границах 1913 г.
[2] Данные за 1937 г.

38. Соотношение производства некоторых видов промышленной продукции в расчете на душу населения в СССР и капиталистических странах

Виды промышленной продукции	СССР, в процентах			
	к США	к Англии	к Франции	к Германии
1913 г.				
Электроэнергия	5	13	26	–
Уголь	3	3	17	4
Чугун	8	12	12	8
Сталь	8	16	16	7
Цемент	7	17	23	–
Хлопчатобумажные ткани	21	7	–	–
1937 г.				
Электроэнергия	18	30	43	29
Уголь	21	14	66	17
Чугун	30	48	46	23
Сталь	27	38	56	23
Цемент	21	21	32	13
Хлопчатобумажные ткани	26	22	46	–

Народное хозяйство СССР в 1960 г. – С. 188–189.

XIV. "В БУДНЯХ ВЕЛИКИХ СТРОЕК..."

39. Мобилизованный на прорыв... Из дневника Владимира Молодцова[1]

1930 г.

...25 октября. Четыре смены отработал в шахте, в забое. Работа физически очень тяжелая. Сильно устаю. Но это не может быть причиной тому, чтобы бежать с рудника. Наоборот, духом не падаю, сохраняю прежний подъем и твердое решение оправдать доверие ребят.<...>

[1] *В. Молодцов* (1912–1942) – вырос в Подмосковье, в 30-е гг. энергичный молодой человек откликнулся на призыв ликвидировать прорыв на угольной шахте Донбасса. Во время Великой Отечественной войны работал в Одесском подполье, был схвачен врагом и расстрелян в июне 1942 г.

29 октября. Начинаю с того, что на работе за последние дни нормы перевыполняем. Давали до 38 вагонов вместо 26. Сегодня почти не устал, хотя один гонял вагоны. Получил из стирки первый раз две пары кальсон, рубашку, носки, платки. До сего времени осаждали только блохи. Теперь начинают появляться и вши. Плохо и то, что некоторые ребята совершенно не соблюдают минимальных правил гигиены – спят в верхнем белье.

Приучился курить. Но в этом себя урезываю. В шахте не курю. Думаю не курить и перед работой. Хорошо было бы получить к Октябрьским дням комсомольский костюм. Который есть у меня костюм, в этом бы стал работать.

Предложил Мишке все заработанные деньги класть в общий котел – на одну сберкнижку. Все покупаем сообща. Буквально все. После, когда поедем домой, накопленные деньги – пополам, Мишка согласился. <...>

Сколько мы здесь живем, и каждый вечер систематически тушится электричество. Это ненормально. Надо выяснить причины. Завтра подаем заявление в производственную коммуну...

30 октября. Сегодня норму по углю выполнили с превышением – дали 30 вагонов.

В столовой обеды были мясные.

Погода плохая. Выпал снежок. Грязь...

31 октября. За нынешнюю смену уходился страх как. Изломался, гоняя вагоны. Здоровье никуда. Нетоварищеское отношение забойщика подавляет. Я сам ко всем отношусь по-товарищески и этого требую от других.

У меня сейчас нет портянок. Вот что очень плохо.

Завтра новый месяц. Дома уже не живем 15 дней и 9 дней работаем в шахте. <...>

2 ноября. Сегодня – отгульный день. Получил заборную карточку на ноябрь. Получение карточки было связано с долгим ожиданием в очереди. А когда подошла очередь, не хотели дать заборной книжки, оказывается, надо было представить расчетную, а я ее сдал для подсчета зарплаты и на руках имел только контрамарку. Но из затруднения вышел: дал членскую кооперативную книжку, на которой и сделали отметку.

С завтрашнего дня думаю перейти к другому забойщику.

С Васькой Горбачевым больше работать не хочу, потому что он из-за рвачества теряет всякую совесть...

Денег осталось всего два рубля, а жить до 5-го. Не знаю, как обойдусь. <...>

4 ноября. На производстве масса неполадок. Сегодняшнюю смену половину вразброд просидели из-за нехватки порожняка. Задержка происходила из-за несовершенства путей. То расширение, то рельса валится. Вагоны бурятся. Но и при всем этом задание перевыполнили на один вагон. Надо скорее организовать «легкую кавалерию».

Приехала бригада МК ВЛКСМ для развертывания политико-воспитательной работы. Впечатление произвела не в пользу себя — это не коммунисты, а какие-то барчуки.

5 ноября. Улыбался месяц с далекой голубой высоты, заглядывал в лицо. Но не разбудил он в сердце чувств красотами полнолуния. На душе был мрак и не имеющее краев возмущение бюрократизмом и зажимом. Переполнены мышцы желанием бороться с обсчетчиками рабочего труда.

Дело в том, что за шесть смен я получил всего 9 рублей, тогда как должен был получить рублей 30. На что же я буду еще двадцать дней жить? Духом не пал, бежать не собираюсь, но подрыв энтузиазма в работе сделан. Все же надо бороться и бороться упорно. Если правильно не рассчитают, подаем в трудсессию...

17 ноября. Бюро комсомольской ячейки шахты № 7 распущено. Я член оргбюро. Руководство коммуны распускается. Коммуна должна быть реорганизована...

Интересно, как в несоответствии находятся психология и идеология. По идеологии я сам себя мобилизовал на ликвидацию прорыва и активно работаю, а психология тянет все еще меня домой, в родную среду. Об этом говорят участившиеся за последние два дня сны, в которых вижу мать. Но идеология поднимет психологию, это должно произойти.

Из дневников современников. — М., 1965. — С. 119, 120, 121, 122–123, 124, 126.

40. Из воспоминаний В. Ю. Стеклова

На строительстве Днепровской гидроэлектростанции, которая возводилась с марта 1927 г. по октябрь 1932 г., молодежь составляла 70% рабочих. Ударные комсомоль-

ские бригады Днепростроя показывали образцы самоотверженного труда, установив ряд рекордов.

Любимым детищем комсомола стал Днепрострой, символ первой пятилетки, символ индустриализации. Ни буря, ни холод не могли сломить героическую волю строителей Днепрогэса.

В суровые морозы, когда ртуть опускалась ниже 26°, комсомольские батальоны выходили на строительство плотины, устанавливая мировые рекорды укладки бетона. Комсомольские бригады давали 200% плана... Пришедшие из деревни ребята с необычайным упорством и самозабвением осваивали сложные механизмы...

41. Из высказывания американского инженера Майкла Шировера

По сравнению с Магнитогорском гигантские стальные заводы Рура и мощные металлургические предприятия Франции, Бельгии и Англии выглядят пигмеями... История не знала еще случая, чтобы целая нация строила с таким энтузиазмом металлургический завод. В сущности, Магнитогорск создан советской молодежью: 60% рабочих этого строительства моложе 24 лет. Добровольная, но строжайшая дисциплина рабочей молодежи помогла преодолеть многочисленные трудности строительства.

Известия. – 1932. – 12 июня.

42. Из воспоминаний главного инженера Кузнецкстроя академика И. П. Бардина[1]

Работали круглые сутки. Ночью площадку освещали прожектора, ночные смены не хотели снижать выработку. Когда на половине котлована вдруг обнаружились плывуны, продолжали рыть, стоя по пояс в ледяной воде...

Вскоре страна узнала о мощных ударах отбойных молотков забойщиков Горловки. Соревнование горловских забойщиков возглавил уже известный тогда Никита Изо-

[1] В годы первой пятилетки развернулось «сражение» за металл в Сибири. Здесь строился второй (после Магнитогорского) гигант черной металлургии – Кузнецкий металлургический комбинат. Весной 1932 г. он выдал первый чугун.

тов. Он превзошел все прежние результаты: за шесть часов вырубил 240 тонн угля.

Искра, вспыхнувшая в Донбассе, разгорелась в пламя. По всей стране росло движение за высокую производительность труда. Передовые рабочие опрокидывали устаревшие нормы выработки.

Инициативу рабочих-новаторов одобрили и поддержали Центральный Комитет нашей партии и правительство. Соревнование приняло всесоюзный размах.

Правда. – 1967. – 7 июня.

43. Из письма А. М. Исаева[1] родным со строительства Магнитки

Недавно нам, в силу образовавшегося прорыва, хотели поднести рогожное знамя. Так знайте, что многие горняки плакали на собрании и поклялись не допустить позора. Я никогда не думал, что рабочий (конечно, настоящий, а не сезонник) выглядит так, как он на самом деле выглядит. Если нужно, рабочий работает не 9, а 12–16 часов, а иногда и 36 часов подряд – только бы не пострадало производство! По всему строительству совершаются тысячи случаев подлинного героизма. Это факт. Газеты ничего не выдумывают. Я сам такие случаи наблюдаю все время.

Панов В. П. Это было... – М., 1990. – С. 115.

44. Из письма молодого инженера В. Сенцова жене со строительства Уралмаша

...Оказывается, что в течение пятилетки должно быть затрачено на Урало-Кузбасс 600 миллионов. Вот работы-то! Везде грандиозный и небывалый размах! И снова приходят мысли о том, что мы живем в чудеснейшее, не сравнимое ни с каким другим время. Время индустриальных битв и побед!

Панов В. П. Это было... – М., 1990.– С. 115.

---

[1] *А. М. Исаев* – доброволец, оставивший вуз Москвы ради строительства Магнитки; впоследствии сподвижник конструктора космической техники С. П. Королева.

45. Из воспоминаний писателя И. Эренбурга о поездках на стройки пятилеток

Слово «энтузиазм», как многие другие, обесценено инфляцией; а к годам первой пятилетки другого слова не подберешь, именно энтузиазм вдохновлял молодежь на ежедневные и малоприметные подвиги.

Конечно, среди строителей были разные люди.[1] Приезжали циники, авантюристы, летуны, они кочевали в поисках, как тогда говорили, длинного рубля... Если одних подгоняли высокие чувства, то другие напрягались в надежде получить килограмм сахара или отрез на брюки...

Надежда жила рядом с отчаянием; энтузиазм и злоба, герои и летуны, просвещение и тьма – эпоха одним давала крылья, других убивала.

Конечно, я радовался, глядя на новые поселки вокруг Архангельска, на щетинную фабрику в Великом Устюге, на тракторы; но больше всего меня поражал рост сознания... Я встречал на лесозаготовках... в порту людей с широким кругозором, с большой духовной жизнью – не вечно улыбающихся ударников с Доски почета, а сложных, внутренне взрослых людей... я радовался: видел, как растет наше общество.

Эренбург И. Собр. соч. – М., 1966. – Т. 8. – С. 600, 601, 602; 1967. – Т. 9. – С. 45.

46. Из воспоминаний писательницы Е. Ржевской

Мои школьные годы и начало студенчества падают на 30-е. Оглядываясь, скажу: нет, все же не пустошь. Все же жизнь была сильнее Сталина, со своими красками, своим еще ярким импульсом, может, доставшимся от предшествующего десятилетия... Еще были общая молодость страны, надежды. Была и жадная тяга к знаниям. Не было стремления к национальной обособленности, розни...

Рядом с патологией времени была неодолимая жизнь, и ведь было много прекрасных людей – из тех, что погибали в тюрьмах, лагерях, на Отечественной. Из тех, кто выжил, из тех, кого миновали репрессии и кто пришел в наше

[1] Речь идет о строительстве Кузнецкого металлургического комбината.

время – оттуда – из своей юности, из своей жизни, павшей на 30-е годы.

Литературная газета. – 1989. – 3 августа.

47. «Грустный режим, при котором конфискуется литература»

(Испанский журналист о России начала 30-х годов)

Энрике Диас Ретж[1] – О. Н. Филипповой

В ответ на Ваше письмо сообщаю Вам, что меня ничуть не удивляет, что ни Вы, ни Деренталь, а может быть, и Ибаньес, который мне не отвечает, не получили моей книги, хотя я послал ее уже больше месяца тому назад. Я уверен, что книги были задержаны советскими властями. А так как я послал их по всем правилам международной корреспонденции, уплатив по установленному тарифу, я имею, по крайней мере, право получить обратно эти экземпляры. Советское правительство может запрещать своим подданным получать книги из-за границы, но не имеет права их задерживать, конфисковывать; оно должно возвратить их отправителю. Поэтому я хочу сделать заявление испанскому управлению, чтобы оно запросило почту СССР.

Уже известно и доказано, что в числе многих свобод, потерянных русских народом, входит также и свобода переписки и получения книг. Советский гражданин лишен этого дара природы – свободы. Как же возможно внушить русскому духу правильность коммунистического эксперимента, если ему не разрешается сравнивать, исследовать, узнавать противоположные учения, и вообще то, что происходит в остальном мире. Поэтому я думаю, что рано или поздно русский эксперимент потерпит неудачу, после ряда последовательных этапов изменений, уступок, продиктованных требованиями действительности.

---

[1] *Энрике Диас Ретж* (1883–1963) – испанский журналист, писатель. В 1931 г. побывал в СССР и по возвращении на родину по материалам своих статей в газете «Эральдо де Мадрид» подготовил и издал книгу «В России революция начинается теперь». Осуществляя во время и после поездки контакты с сотрудниками ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами), в частности, упоминаемыми в письме Деренталем, Ибаньесом и адресатом письма О. Филипповой, он выслал им свою книгу, которая не была получена. По возвращении в Испанию Ретж не только издал книгу, но и активно взялся за организацию выставки, посвященной СССР. Однако начавшиеся контакты прервались: очевидно, правдивые свидетельства журналиста об увиденной им действительности были тому причиной.

Я, как говорю об этом в своей книге, очень сочувствую русскому опыту и восхищаюсь усилиями; но вместе с тем я убежден, что чем больше Европа помогает России в промышленном, торговом и культурном отношении, тем больше она приблизится к ней, чтобы русские знали, что происходит в остальном мире, тем скорее растворится этот огромный комок соли, который представляет из себя советизм.

За 15 лет советская пропаганда ничего не могла сделать в Европе, чтобы ее убедить. Уже она нас не убедит: нужно, чтобы Европа на основе все увеличивающихся связей с Россией, опять обрела ее. Поэтому в моей стране я такой большой сторонник официальных отношений Испании с СССР, так как я уверен, что коммунизм уже ничего не может сделать в Европе, а Европа может повлиять (и уже влияет) на эволюцию и будущее благосостояние СССР.

Во всяком случае, моя книга уже пришла в ВОКС, потому что я имею подтверждение в ее получении.

Вы можете получить этот экземпляр для прочтения. «Эральдо де Мадрид» посылается регулярно в ВОКС, но я не получаю Ваш журнал регулярно: нет последних двух номеров.

Я получил телеграмму, сообщающую о киновыставке, предполагающейся на 25 мая. Я сейчас же ответил телеграммой, прося готовить материалы. Было бы неприятно, имея в своем распоряжении салон Художественного общества, если бы материалы пришли не вовремя. Я думаю, что хорошо было бы дополнить ее экспонатами культурного характера (театр, книги, туризм, фото). Могли бы Вы послать некоторые макеты промышленного характера, которые недавно были выставлены в Кремлевском Дворце по случаю партконференции. Это было бы очень эффективно.

Если напечатана какая-нибудь брошюра или книга по-русски или на других языках о втором пятилетнем плане, прошу Вас прислать мне. Я просматриваю и дополняю Ваш перевод. Я думаю, что в апреле он может быть напечатан. Тезисы второй пятилетки и статья из «Правды» о перспективах коллективизации во втором пятилетии.

То, что Вы меня спрашиваете о Гарсия Санчес, верно. Но все же я Вас уверяю, что доклады его были очень объективны и он подчеркивал то хорошее, что он видел в СССР. Я слышал три его доклада и в них не было никаких

нападок. Но действительно, он заявил, что режим его не убедил, потому что он ни в чем не видел, чтобы людям здесь было бы лучше, чем на Западе, где, несмотря на экономический кризис, несравненно лучше живется, чем в России. Это могу подтвердить и я. Когда народу в России будет лучше, чем в Европе, в особенности с точки зрения индивидуальных прав, тогда я первый начну обращаться к коммунизму. А пока я ограничиваюсь моим восхищением перед теми усилиями, которые Вы делаете, и тем бесконечным терпением, выносливостью и смирением, на которые способен только русский. Гарсия Санчес сейчас объезжает Испанию, потом поедет в Америку. Я поэтому не могу собрать все газеты, но в тех, которые Вы получаете, и в «Эральдо де Мадрид» есть сведения о его докладах.

Прошу Вас позвонить Ибаньесу и спросить, получил ли он мою книгу. Думаю, что нет. Грустный режим, при котором конфискуется литература.

Отечественные архивы. – 1993. – № 3. – С. 115–116.

XV. ПРАВДА О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

48. Цена индустриализации

С лета 1929 г. началась коллективизация сельского хозяйства, носившая в целом отнюдь не добровольный характер. С июля до конца года в колхозы было объединено около 3,4 млн. крестьянских хозяйств, т. е. 14% их общего числа; к исходу февраля 1930 г. в колхозах численность уже 14 млн. хозяйств – 60% общего числа. Зажиточные хозяйства раскулачивались, их владельцы вместе с семьями выселялись в отдаленные необжитые районы. Только в 1930–1931 гг. было выселено свыше 380 тыс. семей, т. е. около 2 млн. человек. Всего же было раскулачено значительно больше. <...>

В 1928 г. Сталин неожиданно объявил, что кулаками являются 5% всех крестьян (1,2 млн. крестьянских хозяйств и 6,2 млн. тогдашнего сельского населения), причем 2–3% из них (500–700 тыс. крестьянских дворов) – особенно зажиточные, подлежащие индивидуальному налогообложению.

Данные эти были явно завышены. Обследование 614 тыс. крестьянских хозяйств, проведенное в 1927 г., выявило, что только 3,2% из общего числа являлись

кулацкими (им принадлежало 7,5% рабочего скота, 21,7% машин и орудий). По данным комиссии СНК СССР о тяжести налогового обложения, в том же 1927 г. среди крестьянских хозяйств было 3,9% кулацких. <...>

К осени 1929 г., считает специалист по истории этого периода В. Данилов, суммарный удельный вес таких хозяйств не превышал 2,5–3%, а численность – 600–700 тыс. семей.

Раскулачено в ходе коллективизации было, однако, существенно большее число дворов. По оценке В. Данилова, тогда было ликвидировано 1–1,1 млн. хозяйств, объединявших 4–5 млн. человек.

По расчетам академика ВАСХНИЛ В. Тихонова, фактически было ликвидировано не менее 3 млн. крестьянских хозяйств, т. е. 11–12% всех дворов. «Это значит, – пишет он, – не менее 15 млн. душ осталось без крова. Около 2 млн. «пристроились» на индустриальных стройках. Остальные – в лучшем случае в переселение на сибирский лесоповал, а около миллиона взрослых трудоспособных отправилось торить дорогу в лагеря»...

Одновременно с раскулачиванием и созданием колхозов стали резко расти хлебозаготовки – началось крупномасштабное внеэкономическое изъятие прибавочного и значительной части необходимого продукта из сельского хозяйства для нужд индустриализации. <...>

В 1929 г. заготовки зерна возросли в сравнении с 1928 г. более чем в 1,5 раза, а в 1930 г. – более чем в 2 раза, причем основная часть дополнительно изъятого хлеба пошла на экспорт. Зерно все-таки было заготовлено и вывезено, и в конечном счете именно экспорт хлеба обеспечил валюту для индустриализации: в годы первой пятилетки 40% экспортной выручки дал вывоз зерна, в 1931 г. на СССР пришлось $^1/_3$ мирового импорта машин и оборудования, а 80–85% всего установленного в этот период на советских заводах оборудования было закуплено на Западе. Но индустриализация была оплачена дорогой ценой: ежегодное изъятие «лишних» 10 млн. т зерна вызвало вскоре страшный голод. Не будет преувеличением сказать, что за импортные станки советский народ расплатился не зерном, а голодом 1932–1933 гг., унесшим немало жизней. Такова была истинная цена индустриализации»[1].

Индустриализация на деле осуществлялась в полном соответствии с рецептами разгромленной незадолго до этого

---

[1] Мировая экономика и международные отношения. – 1987. – № 11. – С. 146.

«новой оппозиции» и троцкистов: за счет выкачивания средств из далеко не зажиточной деревни, экономика которой только-только к концу 20-х годов превзошла довоенный уровень. На бумаге, в официальных документах это отрицалось, но, фактически, на практике это было именно так. Н. Бухарин и его сторонники, пытавшиеся остановить введение разверстки в деревне и свертывание нэпа, в 1929—1930 гг. были сняты с ответственных постов в партийном аппарате.

В конце концов за счет принесения в жертву сельского хозяйства было достигнуто крутое перераспределение национального дохода в пользу фонда накопления. Отношение валовых капиталовложений к национальному доходу, составлявшее 27% в 1924—1928 гг., поднялось до 38% в годы первой пятилетки и оставалось на уровне 30—35% до начала второй мировой войны (в послевоенный период это соотношение изменялось в пределах 25—32%, т. е. уже никогда больше не достигало уровня 30-х годов)[1].

Но столь резкая ломка главной пропорции воспроизводства была фактически достигнута ценой разрушения хозрасчетной экономики и свертывания нэпа.

Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. — М., 1989. — С. 66–68.

49. Из личного фонда И. В. Сталина

Всем парторганизациям

(Шифром)

С мест получаются сведения, говорящие о том, что организации в ряде районов бросили дело коллективизации и сосредоточили свои усилия на раскулачивании. ЦК разъясняет, что такая политика в корне неправильна. ЦК указывает, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого является раскулачивание. ЦК требует, чтобы раскулачивание не проводилось вне связи с ростом колхозного движения, чтобы центр тяжести был перенесен на строительство новых колхозов, опирающееся на действительно массовое движение бедноты и середняков. ЦК напоминает, что только такая установка обеспечивает правильное проведение политики партии.

30.I.30 г. Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин

Российские вести. — 1992. — 15 июня.

---

[1] Мировая экономика и международные отношения. —1987.— № 11.

50. Письма М. И. Калинину

Михаил Иванович, вы, может быть, до сих пор ничего не знаете, как сосланные кулаки из Украины, Курска и других мест на севере мучаются и переживают неслыханные издевательства над ними и над их детьми. Другие страдают совершенно невинно, но если есть и виновные, так дети тут ни при чем.

Начнем с начала. Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство), потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквах и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, во вшах, в холоде и голоде, и здесь находятся тысячи детей, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания. Неудивительно, что ежедневно умирает по 50 человек и больше (только в одной Вологде), и скоро цифра этих невинных детей будет пугать людей — она теперь уже превысила три тысячи.

Мы боремся за здоровое поколение, за будущих строителей социализма и в то же время детей бросаем заживо в могилу. Разве мы мало знаем революционеров, которые происходили не только из крупных крестьян, но из помещиков, дворян и т. д. Почему Вы не можете предположить, что эти милые дети будут здоровыми, крепкими и стойкими борцами за советскую власть и за строительство социализма. А мы этих детей, нашу здоровую смену уничтожаем беспощадным образом, не оглядываясь назад и не особенно всматриваясь вперед.

А если призадуматься серьезно, что будет от этого какая-нибудь польза? Если бы прошедши через эти трупы детей, мы могли продвинуться ближе к социализму или к мировой революции, то тогда другое дело, ясно, что без жертв к социализму мы не придем, но в данном случае ни к какой цели не прийти.

Если виноваты родители, накажите их, если же невозможно детей оставить, сделайте высылку, но чтобы это безболезненно отразилось на детях.

В настоящее время в Вологде помещается 35 тыс. человек. Они находятся в ужасных условиях, благодаря чему дети беспощадно болеют разными болезнями — оспой, скарлатиной, корью и умирают. На них никто не обращает

внимания, не лечат и продолжают здоровых детей держать вместе с больными. Поэтому ничего не будет удивительного, если вы в скором времени услышите, что померли не только дети сосланных, но и все дети г. Вологды. Сейчас никаких мер к предотвращению заразных болезней не принимается, и зараза распространяется быстрым темпом, а когда хватятся, будет слишком поздно, и тогда медицинскому персоналу не справиться. Вот как мы заботимся о нашей смене.

Михаил Иванович! Ведь все люди, и зачем же с нами обращаются хуже, чем со щенятами? Чем обрекать на такие страдания, если они провинились, лучше пристрелить.

Если бы Вы взглянули, если бы Вы пожертвовали хотя 3-мя днями, оторвавшись от своей основной работы, Вы бы убедились, что мы говорим правду. Ведь это же настоящий террор. Что же будет дальше? Все это делается в свободной Советской стране.

Жители г. Вологды – рабочие и окружающие крестьяне возмущены такими неправильными действиями Правительства и скоро будут требовать: «Нормальные условия для жизни людей, в особенности детей».

У нас к Вам просьба – или же немедленно обсудите этот вопрос и выносите соответствующее постановление по данному вопросу, или, если Вы не знаете о создавшемся положении, – выезжайте в Вологду, не извещая об этом заранее местную власть, чтобы проверить факты.

На этом письмо заканчиваем и очень просим расследовать и на все это обратить внимание.

Отдельных подписей каждого мы не делаем, это не обязательно.

г. Вологда – группа рабочих и служащих.

Всесоюзному старосте
Михаилу Ивановичу Калинину

Германа Петра Леонидовича,
дер. хутора Бабич-Ляда, Бобруйского округа того же района,
Боровицкого сельсовета.

Заявление

4 апреля 1930 г.

Настоящим прошу Вас о помиловании.

Я выслан с родины с больной женой Анной 40 лет, детьми Марией 8 лет, Петром 6 лет, Павлом 3 лет, Еленой

2 лет в сибирскую тайгу на верную гибель меня и семьи за то, что в нынешнем году я платил индивидуальный налог, который был неправильно наложен.

Я имел 2 лошади, 2 коровы, 5 овец. Неужели советская власть может так бесчеловечно обращаться с теми, кто этого не заслужил.

Я сам и жена моя батраки, потому что работали все время за откуп купленной земли моим отцом. Этот выкуп 15 дес. земли я отрабатывал. Был пастухом четыре года. Разве я виноват, что мой отец купил землю, а меня за это нужно высылать на верную смерть с семейством? Разве я виноват, что у нас в сельсовете 50% выслано людей только по ябедам.

Нас пригнали в ссылку в Табаринский район, Ирбитского округа в Петровский поселок. Мы здесь погибаем с голоду, ребята мрут, хлеба и пищи нет. Работать на лесозаготовках я не могу, у меня рак желудка, поэтому должен с семейством погибнуть.

На меня наложили индивидуально нынче 185 руб. Эту сумму я выплатил, имущество мое и скарб все отняли, пусть бы на этом и кончилось, но зачем высылать, какой я преступник. Пусть советская власть немедленно берет у меня детей, они пухнут с голоду, сам и жена погибнем только за то, что мы строили советскую власть.

Перегибы в раскулачивании так велики, что ссылать надо сначала работников нашего сельсовета и РИКа. Скорей дайте помощь или давайте работы, чтобы дети не издохли, дайте земли, чтобы я на ней работал, или пусть нас устроят куда-нибудь в колонию.

Прошу Вас, т. Калинин, обратить внимание, что из 1500 семейств, которые высланы из Бобруйска, 50% невинно страдающих. Пусть кулаки страдают, которые эксплуатировали наш труд, а у меня ничего нет, я хожу в лаптях.

Адрес ссылки: Ирбитский округ, Табаринский район, пос. Петровский, Оверенский сельсовет.

Проситель – Герман.

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Вып. I. – С. 206–208, 217–218.

51. Свидетельства очевидцев о коллективизации

Письмо члена партии Мамаева,

«Правда», 9 июня 1930 г.

К XVI СЪЕЗДУ ПАРТИИ

В пункте первом тезисов тов. Яковлева сказано: «Середняк, объединившись, добровольно пошел в колхоз». Верно ли это, т. Яковлев? Вот уж тут не по-ленински... В резолюциях ноябрьского Пленума ЦК 1928 г. и в докладе тов. Рыкова об итогах ноябрьского Пленума ЦК на ленинградском активе, опубликованных в «Известиях ВЦИК» от 4 декабря 1928 г. за № 281, 282, сказано, что кулаков у нас по СССР 4,2 проц., по РСФСР – 3,8 проц. и в отдельных районах СССР доходит до 7 проц., например, на Северном Кавказе. А раскулачивание доходило весной 1930 г. до 15 проц. и лишенных избирательных прав – до 20 проц. (директива ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»). Значит, о добровольности вопрос отходит в сторону.

Тов. Сталин правильно заострил внимание всей партии в статье «Ответ товарищам-колхозникам» на насильственной коллективизации. Совершенно верно сослался на Ленина об «опасности зазнаться». Но это, к великому несчастью, было уже тогда, когда наголовотяпничали. Значит, кем-то не было предусмотрено. Невольно вытекает вопрос: у кого же закружилась голова? На деле получилось так, что к середняку применили политику, направленную против кулака. Ленин по этому вопросу 23 марта 1919 г. говорил следующее: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты Советской власти и всю ее политику...» Ноябрьский Пленум призвал к строжайшей каре за антисередняцкий уклон. Постановляем одно, а на деле проводим другое. Так нечего наводить тень на ясный день. Надо сказать о своих собственных просчетах и не учить этому низовую партийную массу. От неверного установления диагноза зависит и процесс лечения (а лечить надо) и очень многое.

Тезисы бледновато вскрывают причины середняцкого отлива из колхозов. Надо также со всей большевистской смелостью сказать и рельефнее выпятить этот вопрос.

Иначе не будет логической последовательности в дальнейших суждениях о путях коллективизации. Только ли выход обуславливается тем, что места наголовотяпничали? Нет, дело еще не в перегибах, а дело в том, что «созрели ли» мы к этому моменту, имеем ли достаточно техническую базу, которая бы стимулировала переход бедняка и середняка от примитивной обработки земли к машинному, механизированному хозяйству? Нет, мы пока еще этого не имеем. А можно ли достигнуть сплошной коллективизации без машинизации? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к документам. Постановление VIII съезда партии, пункт 4, гласит: «Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств».

И кроме того, что нет машинизированной базы, исключая МТС, в колхозах мы не смогли организационно охватить ту массу крестьян (середняков), которую согнали «в колхозы». Вот основная причина отлива.

Но нужно сказать основное – переводить те районы, которые будут машинизированы, на сплошную коллективизацию, не отказываясь от подготовки и других районов, но только подготовки – пока на первых порах.

В силу массового применения репрессивных мер к середняку и бедняку середняк варварски уничтожил не только товарный скот, но и племенной и другие виды продукции первой необходимости. Последние являлись пока еще основными источниками снабжения индустриальных центров. Это привело в данный момент к продовольственному кризису.

Низовые сельские организации в силу безавторитетного, безынициативного руководства потеряли авторитет не только перед самой массой крестьянства (крестьян-середняков), но и перед низовыми партийными организациями. Это еще усугубилось тем, что окружные и краевые грешили, а «стрелочников» судили и стращали всем, чем хочешь, за «перегибы». Выходит, «царь хорош, а чиновники на местах негодные».

Информационная сводка
Колхозцентра СССР и РСФСР

Не позднее 8 марта 1931 г.

Московская область
Бежецкий район

Когда собрали бедноту, то столкнулись с единодушием, но против колхозов, чуть ли не против Советской власти.

Собрали инициативную группу, которая также выступила единодушно против коллективизации. Собрание женщин тоже против коллективизации. На пленуме сельсовета члены сельсовета выступали один за другим против коллективизации. В чем же дело? Действительно ли беднота против коллективизации и против Советской власти? Бригада поняла, что перед нею не подлинная беднота, и после оказалось, что в данном сельсовете числились бедняками то бывший помещик, то раскулаченный кулак и т. д. Когда же была выявлена настоящая беднота, то была создана настоящая инициативная группа по коллективизации. В следующем селении, Каблуковке, после женского собрания было проведено собрание бедноты и затем организован колхоз, куда вошло 30 хозяйств (всего в селении 40 хозяйств). В с. Малая Каменка после упорной работы организован колхоз, куда вошла половина села. В с. Кононове кулачье предварительно провело работу, благодаря чему все выступили на собрании против колхоза, а потом, когда кулацкая работа была разоблачена, вынесено решение вступить в колхоз, и все присутствующие влились в колхоз.

Были выступления такого характера, как, например, выступление 70-летней крестьянки Нечаевой, которая вступила в колхоз и говорит: «Я все время стремилась в колхоз, но не могла, так как у нас очень сильные евангелисты и под их влиянием находится вся деревня».

Организован колхоз из 27 хозяйств, и из новых колхозников создана вербовочная бригада из девяти человек для вовлечения новых членов.

Плавский район. После собрания селений Сорочинки и Дюково к бригадникам приходила одна старушка и говорила: «Мы рады бы пойти в колхоз, но боимся, так как кулаки нам говорят, что, если вступите в колхоз, мы побьем вас». Но кулачье и подкулачники не только угрожают на словах, но и проводят форменный террор действием. В том же Сорочинско-Дюковском сельсовете член сельсовета Терешкин собрал банду в пять человек и избил бедняка и обещал спустить его под лед. Учительницу — активную работницу, которая выступает против кулаков, избили при всем народе и публично заявили: «Тебе, такой гадине, ожидать пробега французской мушки» (указывая на лоб), т. е. пули. Учительницу травят ежедневно, и она ночью боится выходить.

Бежецкий район. Когда в с. Малые Каменки собрание близилось к концу, кулаки сыграли такую штуку: раздался

крик «пожар», началось метание, начали давить друг друга, но затем порядок был восстановлен. В с. Малые Каменки есть красный уголок, а затем «белый клуб», где собираются противники коллективизации и выносятся решения протокольно: никому не вступать в колхоз, и скрепляется подписями: «Белый клуб». Этот «белый клуб» собирается у бедняка, через которого кулаки проводят свою работу.

Краткие выводы бригады: работа бригады сталкивалась с ожесточенной классовой борьбой в деревне. В особенности по вопросам коллективизации, но вместе с этим имеющиеся материалы говорят о том, что контрреволюционная работа кулачества и других чуждых элементов далеко не всегда находит должный отпор со стороны районных и сельских организаций, вследствие чего отмечается ряд случаев засоренности советских и других организаций, а также колхозов чуждым элементом, что, в свою очередь, отражается на их состоянии и работе.

Вотская область

Кулак Шульмин Коксинской коммуны затесался членом, за полгода пребывания в коммуне принес материальный ущерб коммуне в 2500 руб. *(Сюмсинский ерос).*

Кулаки – Красный Яр Сюмсинского ероса – неоднократно ломали и портили колхозные машины во время весеннего сева и писали угрожающие плакаты: «25 мая будет конец красноярским колхозникам». «Хватит, нахватали чужое добро, настало время рассчитываться», – был написан на особой доске плакат и прикреплен к колхозной сеялке.

В дер. Людошур Ябодинского ероса зверски расстрелян активист, председатель колхоза им. Сталина т. Широбоков.

Выводы: мы имеем сотню фактов, как кулачество ведет вне и внутри колхоза разлагательскую работу. Агитация против колхоза, вредительство внутри колхоза, убийства, избиение руководителей-колхозников, поджоги и обрез винтовки – вот методы борьбы озверевшего и обнаглевшего классового врага – кулака.

Северный край

В Виноградском районе 26 января кулаком зверски (топором) убита активная колхозница Точилова. В Гончаровском сельсовете в колхозе им. «Правды Севера» кулаками убит колхозник комсомолец Кузнецов. В Никольском

районе кулаками 6 декабря убито два колхозника. В Няндомском районе кулак Быдов убил активного колхозника Тюканова.

Пинега. В Заворожском колхозе сожжено гумно с хлебом. В Савпольском колхозе покушение на поджог сена. В Орловском колхозе поджог амбара с хлебом. Кулак, виновный в этом, привлекается к ответственности.

Устьяновский район. Кулаки у колхоза сожгли вновь построенные два дома стоимостью в 90 тыс. руб. В Черевковском районе (коммуна «Север») кулаки сожгли сено – 2 тыс. пуд. В 1928 г. в коммуне «Новая деревня» Емецкого района был крупный кулак Бельков, который был на хорошем счету «трудолюбивого старика» – секретаря партячейки. В 1928 г. по инициативе коммуниста Старицина в коммуну приглашается специалист кожевенников Бельков Федор, кулак, имеющий три кожевенных предприятия, несколько приличных домов, торговавших до 1928 г., его рекомендовал принять в коммуну Емецкий сельсовет. Кулак начинает работать: 1) первые дни пребывания в коммуне он разносил коммунарам в столовой по чарке вина; 2) продавая кожевенные товары, открыто, через коммуниста Старицына развозил по деревням кожевенные товары, использовал и кооперативный магазин при коммуне, передавая на комиссионных началах; таким путем получил доход 2 тыс. руб.; 3) заморозил невод коммунаров, чем принес коммуне убыток 400 руб.; 4) 30 штук подростков поросят (йоркшир), за которыми он ухаживал, похоронил. Лучшую корову доил по ночам и молоко носил административно высланным, из-за чего у коровы получились кровоподтеки, ее пришлось зарезать. Этот кулак не обобществил имущество, мотивируя, что он развелся с женой и ничего не имеет. Этот кулак пролез даже на краевой съезд безбожников; попадает на страницы «Правды Севера» его портрет, как активного безбожника, и этот кулак Бельков два года царствовал в коммуне.

Письмо сотрудника Академии внешней торговли, члена ВКП(б) Т. М. Сазонова в ЦК ВКП(б) о перегибах в раскулачивании

20 сентября 1931 г.

В конце августа я случайно заехал в Березовский сельсовет Новосильского района ЦЧО. За два дня своего пребывания я обнаружил следующие факты.

Идет раскулачивание середняков и даже бедняков. В колхозах нет никакой разъяснительной работы, выдача продуктов идет безобразно. Сплошное недовольство колхозников. Пьянство работников сельсовета. Разбазаривание отобранного имущества по рукам работников сельсовета.

Население запугано.

Все подробности по этим вопросам на месте можно получить у населения и колхозников.

Из письма члена ЦК ВКП(б) В. Г. Фейгина Г. К. Орджоникидзе

9 апреля 1932 г.

...Районные работники преисполнены верой в то, что совхозы и товарные фермы колхозов сумеют обеспечить страну уже в настоящем году необходимой продукцией, и выражают мысль, что с частным хозяйством колхозника вообще надо прикончить. Мне думается, что надо принять все меры к тому, чтобы росло частное хозяйство колхозника в его животноводческой части, иначе нет выхода из того периодического дефицита в продуктах, который мы имеем сейчас...

Настроение чрезвычайно скверное. В связи с голодом и с тем, что изымают последних коров по контрактации; в итоге чего колхозник не имеет ни хлеба, ни молока. Все это я видел собственными глазами и не преувеличиваю. Люди голодают, питаются суррогатами, обессиливают и, естественно, настроены при этих условиях далеко не доброжелательно. Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец по контрактации, я давно уже не видел. О фактах, подтверждающих это, сообщу при встрече. По приезде в Москву попытаюсь попасть к Сталину и об этом сообщить ему, или же, если он не сумеет урвать время, напишу ему письмо.

Ты мне говорил, кажется в 1926–1927 гг. (в Морозовке), когда оппозиция делала особенно яростные наскоки на ЦК, о том, что Сталин дальше вас всех видит. Это несомненно так... Но для того чтобы он мог дальше всех видеть, ему нужно совершенно объективно изложить те факты, которые имеют место в действительности. Попытаюсь сделать это по приезде в Москву и изложить то, что видел

собственными глазами, может быть, я делаю неверные выводы, но с фактическим положением ознакомился основательно, и мне кажется, что совершенно необходимо, чтобы этим делом занялся Сталин.

Письмо М. А. Шолохова И. В. Сталину

20 апреля 1932 г.

Тов. Сталин!

Постановление ЦК «О принудительном обобществлении скота» находится в прямом противоречии с планом мясозаготовок на 1932 г. по Вешенскому району. Судите сами: по району имеется коров в колхозном обобществленном стаде – 2025, в личном пользовании колхозников – 6787, у единоличников – 516, всего – 9328.

Овец и коз – в обобществленном колхозном стаде – 4146, у колхозников – 5654, всего – 9800. План же мясозаготовок на 1932 г. следующий: по крупному скоту – 12058 ц, по мелкому – 2256 ц. К этому надо добавить «накидку» на второй квартал, полученную из края 14 апреля, по крупному скоту – 362 головы, по мелкому (овец, коз) – 3898 голов.

Для того, чтобы выполнить мясозаготовительный план, надо будет сдать примерно 4883 коровы и 8410 овец. На 13629 дворов, имеющихся в районе, останется коров (за исключением обобществленного стада) 2420 штук, овец и коз, со всем с обобществленным поголовьем, 1390.

В конце первого квартала по району началась интенсивная покупка (заготовка) скота. И с первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запирать в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13629 хозяйств на 1 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях селькомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило 7–8–12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову.

По хуторам происходила форменная война — сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались, там дело кончалось убийством. Так, был убит колхозником Антиповского сельсовета уполномоченный сельсовета, пришедший забирать корову.

Можно с уверенностью сказать, что по числу заготовленных в марте коров (300 штук), такое же количество насчитывается в районе «битых и увечных», как со стороны покупающей, так и продающей.

После того, как до района дошло постановление ЦК от 26 марта, положение усложнилось: колхозники стали защищаться уже не только кольями, но и постановлением ЦК, ссылаясь на то, что в постановлении сказано: «...задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника была своя корова».

После получения «Правды» от 26 марта по хуторам происходило примерно то, что было после опубликования Вашей статьи «Головокружение от успехов»: за «Правдой» шли в районный центр ходоки, вброд перебираясь через взыгравшие лога и речки...

В настоящее время, в связи с севом, заготовки несколько свернулись. Но как только кончат колосовые, по колхозам опять пойдет «война» за коров. Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно. И если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, а райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор.

Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам.

С коммунистическим приветом
М. Шолохов

Из дневника крестьянина П. Н. Чивильдеева с. Гореловка Богдановского района Грузинской ССР

1930 г.

Зима была неспокойная, и наше село было обложено самооблогом, и был государственный заем облигации. Но

народ пришел в волнения, стали отказываться от всего, окромя налога. Народ волновался, правительство принимало все меры, и был объявлен бойкот. Тут эту зиму ходили в Сиротский караулить, якобы правительство намеревается обобрать. 6 февраля ночью приехали солдаты. Атаковали село, арестовали многих, была большая стрельба, но народ бег в это время в Сиротскую, и в это время была убита Лукерья И. Белоусова и четверо ранено: Василь Батурин, Груня Калмыкова, Параня Збитнева, Петро Смородин. Так и продолжалось...

1931 г.

...В этом году было у нас взято несколько семей, раскулачены. В конце мая ночью приехали солдаты, атаковали село ночью совместно с нашими партийными и выгоняли из домов стариков и больных, не было пощады никому. Было раскулачено около 26 дворов, и их угнали сначала в Ахалцих, так угнали совсем. Убит один Егор Медведев и увезен незнатно куда солдатами, и одна была ранена женщина – Настя Арищенкова, и еще угоняли других, брали по одному из семьи. Потом все эти угнавшие пробыли в Ахалцихе около трех месяцев, потом угнали в Закаспийский край в Казахстан и разогнали их там по одному и по одной семье...

1933 г.

...В России много помирало с голода, так что негде было взять хлеба. Ели собак, лошадей, кошек, лягушек – одним словом, всякую тварь, а наши духоборы, которые были в ссылке в Туркестане... Казахстане, половина почти померли с голоду, ели разную чепуху, больше макуху, потом понос, и от поносу помирали. Стали приезжать в тыл сироты, вдовы и еле живые, одним словом, нельзя подумать об этом деле, что было. Чуткая душа не могла бы вынести того положения, на котором перетерпело человечество...

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. – М., 1989. – С. 399–401, 435–439, 465, 470–473, 489–490.

Из воспоминаний М. Симашко. «Писание по Бондарю»

(Извлечение)

Мы жили уже в Одессе, на улице Свердлова, 17...[1]

Осенью в городе появились первые голодающие. Они неслышно садились семьями вокруг теплых асфальтовых котлов позади их законных хозяев – беспризорников – и молча смотрели в огонь. Глаза у них были одинаковые – у стариков, женщин, грудных детей. Никто не плакал... Сидели неподвижно, обреченно, пока не валились здесь же на новую асфальтовую мостовую. Их место занимали другие... С середины зимы голодающих стало прибавляться, а к весне будто уж вся Украина бросилась к Черному морю. Теперь уже шли не семьями, а толпами, с черными высохшими лицами, и детей с ними уже не было. Они лежали в подъездах, парадных, на лестницах, прямо на улицах и глаза у них были открыты.

Литературная газета. – 1988. – 1 июня.

XVI. ПОЛИТИКА. БОРЬБА. СОПРОТИВЛЕНИЕ

52. Из документа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» Платформа «Союза марксистов-ленинцев» («Группа Рютина»)

Режим невиданного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвленного гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей, – вот главная основа диктатуры Сталина. Вся система государственного аппарата, включая и партию, терроризируя других и в то же время сама живя под постоянным дамокловым мечом террора, вопреки сознанию каждой отдельной его клеточки, как машина, вынуждена совершать свои движения, получаемые от первоисточника, и выполнять волю главного «механика».

Но зайдя в безвыходный тупик и установив во всей стране в самых разнообразных формах господство террора,

[1] Речь идет о 1932–1933 гг.

Сталин отрезал себе и всякие пути для отступления и эволюционного выхода из кризиса. Он возвел себя на пьедестал непогрешимого папы и не может признать не только преступности своей политики, но и малейшей своей ошибки. Диктатор не может ошибаться – ошибаются только его подчиненные. Устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, таким образом, совершенно исключено.

Они всякими предлогами, с оружием в руках, пушками и пулеметами будут защищать от партии и страны свое господство.

Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно.

Надо начать действовать. Эта борьба потребует жертв. Она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина п требуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завел Сталин.

Но пугаться таких трудностей – значит перестать быть пролетарским революционером.

Задача революционного, а не контрреволюционного устранения диктатуры Сталина может быть выполнена только партией и рабочим классом, и они ее выполняют, какие бы трудности им не пришлось преодолеть и каких бы жертв это не потребовало.

Конкретно вся сумма мероприятий, необходимых для выхода партии и страны из кризиса и тупика, сводится в основном к следующему:

I. В области партийной.

1. Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.

2. Немедленная смена всей головки партийного аппарата и назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партийным аппаратом.

3. Немедленный чрезвычайный съезд партии.

4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов.

II. В области советской.

1. Немедленные новые выборы Советов с решительным и действительным устранением назначенства.

2. Смена судебного аппарата и введение строжайшей революционной законности.
3. Смена и решительная чистка аппарата ГПУ.
III. В области индустриализации.
1. Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в темпы за счет ограбления рабочего класса, служащих и деревни, за счет прямых и косвенных, открытых и замаскированных непосильных налогов и инфляции. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс.
2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны.

Реабилитация. Политические процессы 30–50 гг. – М., – 1989. – С. 434, 440.

53. Заявление Н. Угланова в ЦКК ВКП(б)

2 марта 1933 г.

Если оглянуться назад и бегло посмотреть на путь, пройденный правой оппозицией, то вот как он выглядит. Начиная с февраля 1928 г., внутри ЦК начинается борьба тт. Бухарина, Рыкова, Томского против линии, которая берется ЦК на преодоление кулачества на хлебозаготовительном фронте. Мы, тогдашние руководители Московской организации, становимся на сторону Бухарина, Рыкова, Томского – будущих вождей правой (оппозиции). Я лично переношу разрастающиеся споры внутри ЦК в руководящий актив Московской организации. Так идет весь 1928 г. до осени, когда ЦК поставил перед Московской организацией открытый вопрос о преодолении колебаний. Сменяется руководство, но борьба не кончается. Внутри ЦК она разгорается, и в Московской организации с легальной сцены переходит в нелегальную. Весь 1929 г. мы пытаемся организовывать кадры своих сторонников и производить выступления против ЦК. Особенно усиленно мы напирали на закрепление правой оппозиции в Промакадемии. К осени 1929 г. нам стало очевидным, что громадное большинство партии и Московской организации мобилизовалось вокруг лозунгов и решений ЦК. О пятилетке, индустриализации и коллективизации сторонники правой оппозиции таили, в результате на ноябрьском Пленуме ЦК партии в 1929 г. мы признали свои ошибки. Не знаю, как другие, но лично я тогда честно заявлял, что ошибся. Так велико было на меня

воздействие огромного большинства выступавших на Пленуме ЦК товарищей.

С этого момента развал рядов правой оппозиции. Прошло несколько месяцев. Начало 1930 г. Прошла массовая коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Целый ряд трудностей при осуществлении этих грандиозных мероприятий, неизбежные перегибы – это вновь среди капитулировавших правых оживляет настроения борьбы против партии. Не выступая открыто, я в личных беседах и разговорах с отдельными товарищами говорю, что генеральная линия провалилась и руководство обанкротилось и будет искать козлов отпущения. ЦКК за фракционную деятельность и дискредитацию руководства накладывает на меня взыскание и дает предупреждение. XVI съезд партии твердо потребовал от лидеров правой оппозиции сказать свое отношение к политике партии. Мы выступали, признали свои ошибки и заверяли партию, что будем работать не за страх, а за совесть. Так я по крайней мере сам был настроен в этот момент.

Осенью 1930 г., уехав на работу в Астрахань и работая там до февраля 1932 г., я старался усиленно работать и впрячься в партийную телегу. Мне много удалось, но не удалось твердо и окончательно изжить правых настроений. Проездом из Астрахани в Москву и обратно во время командировки в 1931 г. встречаюсь в Саратове с группой молодых – правых, быв. москвичей (Слепков А., Петровский П., Зайцев, Левина), которые будучи правонастроенными, как говорил Слепков, стараются вербовать себе сторонников из молодежи, и я не возражал против их действий, хотя в то же время не было никакого настроения вести борьбу против ЦК. Колебания, двурушничество разъедали нас.

1932 г. ЦК партии переводит меня обратно на работу в Москву. Принявшись за работу, ухожу в нее. Но вот встают перед партией целый ряд очередных больших вопросов, как-то: весенняя посевная кампания, развертывание ширпотреба, колхозная торговля и хлебозаготовки, требующие сложнейшего маневрирования и руководства, среди правых бывших моих сторонников начинается к осени 1932 г. движение за возобновление борьбы против ЦК.

Я вновь начинаю связываться с рядом своих старых сторонников по правой оппозиции, и, обсуждая с ними положение в партии и стране, прихожу к выводу, что руководство партии во главе с т. Сталиным не в состоянии

преодолеть тех огромных затруднений (какие, мне казалось, существуют в экономической и политической жизни страны).

Поэтому считал и указывал на это ряду своих сторонников, что необходимо к руководству партией и страной вновь привлечь бывших лидеров бывших оппозиций, как-то: Рыкова, Бухарина, Томского, Зиновьева и Каменева, Сокольникова, Смилгу.

Само собой понятно, такая передвижка должна была привести к значительному изменению политики, и в первую голову в деревне. Отчаянная борьба и саботаж остатков кулачества и других собственнических контрреволюционных элементов против мероприятий советской власти в деревне во время посевной кампании мною рассматривались не как таковые, а как всесоюзная итальянская забастовка большинства крестьянства против мероприятий партии. Из этого я делал вывод необходимости изменения политики в деревне. Такая оценка общего положения и руководства партии привела меня к тому, что я, зная о существовании группы Рютина и ознакомившись с составленной ими платформой, носящей характер явно кулацкий, контрреволюционный, будучи несогласен с ней, все же скрыл ее от партии.

Это, конечно, являлось актом недопустимого двурушничества против партии, и партия правильно и законно исключила меня из своих рядов. Но одно двурушничество и преступление тянет за собой другое. Осенью (сентябрь) 1932 г. молодые-правые (Слепков, Петровский, Марецкий и другие) съезжаются в Москву, собираются, обсуждают все политические вопросы, фактически устраивают конференцию, связываются со мною, спрашивают мое мнение по общим вопросам и целесообразности связи с другими оппозиционерами (Стен). Я не только не возражаю, но говорю, что следует связаться. Не имея постоянной политической и организационной связи после XVI съезда с бывшими лидерами правой оппозиции, с тт. Бухариным, Томским, Рыковым, в сентябре 1932 г. из одного разговора с т. Томским я понял, что он не исключает возможности выступления на борьбу против ЦК в тот или иной период. Таким образом, осенью 1932 г. начала вновь активизироваться наша борьба против партии.

Н. Угланов

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992 г. – Вып. I. – С. 61 – 63.

54. Из воспоминаний Н. С. Хрущева о XVII съезде

В 1934 г. собрался XVII съезд партии – «Съезд победителей». Никакой оппозиции уже не было ни в партии, ни на съезде. Это был первый съезд после смерти Ленина, где не было оппозиции... В то время начались пятилетки, дела пошли хорошо и все увлеклись хозяйственной работой. Это была главная деятельность. И это правильно. Она конкретно служит идеологии. Если идеология не подкреплена материально – она не укрепится, не прорастет в сознании людей.

На этом съезде я был избран членом Центрального Комитета. Вообще техника голосования в члены ЦК на меня произвела сильное впечатление своей демократичностью. Были выставлены кандидаты, их занесли в список, и бюллетени роздали делегатам съезда. Правда, возможностей для выбора и тогда было предоставлено мало. Кандидатов занесли в список ровно столько, сколько необходимо было избрать в состав членов и кандидатов в члены ЦК, членов Ревизионной комиссии, – ни одним больше. Каждому делегату только предоставлялась возможность выразить свое отношение к той или иной кандидатуре, то есть вычеркнуть или оставить в списке. После получения бюллетеней для голосования делегаты сейчас же разбредались, садились и штудировали списки, решая, кого оставить, а кого вычеркнуть.

Некоторые, я видел, довольно усидчиво занимались этим делом. Сталин же демонстративно на глазах у всех получил списки, подошел к урне и опустил бюллетень не глядя. Для меня это выглядело как-то по-особому. Потом-то я понял, что ни одной кандидатуры без благословения Сталина не было занесено в эти списки и поэтому читать их ему не было никакой необходимости.

Тогда один эпизод произвел на меня удручающее впечатление. Перед голосованием Каганович инструктировал нас, молодых, как относиться к спискам кандидатов. Все это делалось доверительно, но так, чтобы никто не знал. Он рекомендовал вычеркнуть из списков тех или иных кандидатов, в частности Ворошилова и Молотова. Это мотивировалось тем, чтобы не получилось, что Сталин получит меньше голосов, чем Ворошилов, Молотов и другие члены Политбюро. Говорилось, что все это делается из политических соображений, и мы отнеслись к таким призывам с пониманием. Но все-таки это произвело на меня плохое

впечатление: «Как же так? Член Политбюро, секретарь Центрального Комитета и секретарь Московского комитета, большой авторитет для нас и вдруг рекомендует заниматься вот такой недостойной члена партии деятельностью?»

Одним словом, прошло голосование, потом подсчет голосов. Тогда техника была такая: объявлялось количество голосующих и количество голосов, поданных за каждого кандидата. Я считал тогда, что подсчет голосов соответствует действительности. Другие по нескольку десятков и даже, по-моему, по сотне получали «против». Порядок был такой: получивший абсолютное большинство голосов считался избранным. Я помню, Сталин не получил всех голосов: шесть человек голосовали против него. Почему я хорошо это запомнил? Потому, что когда объявили: «Хрущев», – то у меня тоже шести голосов не хватало. Я чувствовал себя на седьмом небе – против меня голосовали только шесть делегатов, как против Сталина. А кто я в сравнении со Сталиным?

В период моей работы в Московском городском партийном комитете я довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получал непосредственные указания его по тем или другим вопросам. Я был буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, вниманием, его осведомленностью и заботой. Я всецело был поглощен обаянием Сталина и восхищался им.

В начале 30-х гг. Сталин был очень прост и доступен. Когда я был секретарем горкома и секретарем МК и у меня возникал какой-нибудь вопрос, то я звонил прямо Сталину. Он мне почти никогда не отказывал и сейчас же принимал или назначал время. Мои вопросы чаще всего касались резолюций, которые мы принимали, потому что Московский комитет всегда служил для других организаций авангардом и примером. Сталин нам так и говорил.

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я уже работал на Украине, приезжаешь к Сталину, чаще всего на ближнюю дачу в Волынском. 15 минут ехать из города. Приедешь, он обедает. Если это летом было, то он всегда обедал на воздухе, на веранде. Сидел обычно один. Подавали суп – русская похлебка, графинчик стоял с водкой, графин с водой, рюмочка была умеренная.

Бывало, заходишь, поздороваешься, и он: «Хотите кушать? Садитесь, кушайте...»

Вернусь к XVII съезду. В то время в партии видное место

занимал секретарь Северо-Кавказского краевого партийного комитета Шеболдаев. Шеболдаева я знал, но близко с ним знаком не был...

Как стало известно многие годы спустя, этот Шеболдаев — старый большевик с дореволюционным стажем — во время работы XVII съезда пришел к Кирову и сказал:

— Мироныч (так Кирова называли близкие люди), поговаривают старики о том, чтобы вернуться к завещанию Ленина, реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-то другой пост, а сюда выдвинуть человека, который бы более терпимо относился к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы тебя выдвинуть на пост Генерального секретаря Центрального Комитета.

Содержание этого разговора стало известно комиссии Шверника, созданной нами после XX съезда, о чем она и доложила Президиуму Центрального Комитета. Что ответил Киров на это, я не знаю, но было известно, что Киров пришел к Сталину и рассказал об этом разговоре с Шеболдаевым.

Сталин якобы сказал Кирову:

— Спасибо, я тебе этого не забуду.

Заявление, характерное для Сталина: за этим «спасибо» нельзя разобрать — благодарит ли он Кирова за сообщение или угрожает. Этот эпизод, который стал известен гораздо позднее, приоткрывает занавес над причинами организации такой мясорубки.

Комиссия Шверника проявила интерес и к тому, как проходило голосование на XVII партийном съезде. Стали искать членов счетной комиссии. Некоторые из них сохранились в живых. Мы нашли товарища Агреасьяна и некоторых других. Агреасьяна я знал хорошо, он работал секретарем райкома партии в Октябрьском районе Москвы, в то время, как я был секретарем на Красной Пресне...

Так вот эти члены счетной комиссии XVII партийного съезда доложили о том, что количество голосов, поданных против Сталина, было не шесть, как это докладывалось на съезде, а не то 260, не то 160. Обе цифры очень внушительны, особенно принимая во внимание положение Сталина, его самолюбие и его характер. А на съезде было объявлено, что против Сталина голосовали шесть человек.

Кто дал счетной комиссии директиву фальсифицировать результаты выборов? Я абсолютно убежден, что без Сталина никто бы на такое дело не пошел.

Если связать результаты голосования и беседу Шеболдаева с Кировым, о которой узнал Сталин, и учесть предупреждение Ленина, что Сталин способен злоупотреблять властью, то все становится на свои места.

Сталин был умный человек, и он понимал, что если на XVII съезде против него голосовали 260 или 160 человек, это означает, что в партии зреет недовольство. Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было предположить, что Хрущев и подобные Хрущеву молодые люди, выдвинувшиеся при Сталине, которые его боготворили и буквально в рот ему смотрели, могут проголосовать против него. Этого никак не могло быть.

А вот старые партийцы, которые работали под руководством Ленина, хорошо знали Ильича, чье завещание всегда было в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина, к XVII съезду набрал силу и перестал считаться с ними, стал проявлять черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина.

Хрущев Н. С. Воспоминания// Вопросы истории, 1990. – № 3.

XVII. ЖИЗНЬ В СССР, ПРАВА ГРАЖДАН. КОНСТИТУЦИЯ 1936 г.

55. Два взгляда из-за рубежа

Андре Жид.[1] Возвращение из СССР

(Извлечение)

Три года назад я говорил о своей любви, о своем восхищении Советским Союзом. Там совершался беспрецедентный эксперимент, наполнявший наши сердца надеждой, оттуда мы ждали великого прогресса, там рождался порыв, способный увлечь все человечество. <...>

Но ошибся ли я с самого начала? Те, кто следил последний год за событиями в СССР, скажут, кто из нас

[1] *Андре Жид* (1869–1951) – известный французский писатель, приехал в СССР, с руководством которого у него существовали наилучшие отношения, летом 1936 г. (17 июня, за день до смерти М. Горького) и пробыл в стране два месяца.

переменился — я или СССР. Под СССР я имею в виду тех, кто им руководит. <...>

Там есть хорошее и плохое. Точнее было бы сказать: самое лучшее и самое худшее. Самое лучшее достигалось часто ценой невероятных усилий. Усилиями этими не всегда и не везде достигалось то, чего желали достигнуть. Иногда позволительно думать: пока еще. Иногда худшее сочетается с лучшим, можно даже сказать, оно является его продолжением. И переходы от яркого света к мраку удручающе резки. Нередко путешественник, имея определенное мнение, вспоминает только одно или другое. Очень часто друзья СССР отказываются видеть плохое или, по крайней мере, его признать. Поэтому нередко правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь с любовью. <...>

I

Общаясь с рабочими на стройках, на заводах или в домах отдыха, в садах, в «парках культуры», я порой испытывал истинную радость. Я чувствовал, как по-братски относятся они ко мне, и из сердца уходила тревога, оно наполнялось радостью. <...>

Нигде отношения с людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая взаимная симпатия. Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы, несмотря на различие языков, нигде и никогда еще я с такой полнотой не чувствовал себя товарищем, братом. <...>

II

...Летом почти все ходят в белом. Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах, — словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. Я, может быть, преувеличиваю, но не слишком. В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть. Каждый встречный кажется довольным жизнью (так долго во всем нуждались, что теперь довольны тем немногим, что есть). Когда у соседа не больше, человек доволен тем, что он имеет. Различия можно заметить, если только внимательно присмотреться. На первый взгляд кажется, что человек настолько сливается с толпой, так мало в нем

личного, что можно было бы вообще не употреблять слово «люди», а обойтись одним понятием «масса».

Я сливаюсь с массой, погружаюсь в толпу. <...>

Продираясь сквозь толпу (или подталкиваемый ею), я обошел магазин вдоль и поперек и сверху донизу. Товары, за редким исключением, совсем негодные. Можно даже подумать, что ткани, вещи и т. д. специально изготавливаются по возможности непривлекательными, чтоб их можно было купить только по крайней нужде, а не потому, что они понравились. Мне хотелось привезти какие-нибудь сувениры друзьям, но все выглядит ужасно. Однако за последние месяцы, как мне сказали, были предприняты усилия, чтобы повысить качество, и если хорошо поискать, потратить на это время, то можно кое-где обнаружить вещи довольно приятные. Но чтобы заниматься качеством, надо добиться требуемого количества. В течение долгого времени всего было мало. <...>

Вопрос о качестве относится особенно к продуктам питания. В этой области предстоит еще много сделать. <...>

...«Стахановское движение» было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки (когда-то для этой цели был кнут). В стране, где рабочие привыкли работать, стахановское движение было бы ненужным. Но здесь, оставленные без присмотра, они тотчас же расслабляются. И кажется чудом, что, несмотря на это, дело идет. Чего это стоит руководителям, никто не знает. Чтобы представить себе масштабы этих усилий, надо иметь в виду врожденную малую «производительность» русского человека. <...>

III

В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естествен, они его не ощущают, и не думаю, что к этому могло бы примешиваться лицемерие. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался... Каждое утро «Правда» им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. И нехорошо не подчиняться общему правилу. Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не то, чтобы он буквально следовал каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он

просто не может... Надо иметь в виду также, что подобное сознание начинает формироваться с самого раннего детства... Отсюда странное поведение, которое тебя, иностранца, иногда удивляет, отсюда способность находить радости, которые удивляют тебя еще больше. Тебе жаль тех, кто часами стоит в очереди, — они же считают это нормальным. Хлеб, овощи, фрукты кажутся тебе плохими — но другого ничего нет. Ткани, вещи, которые ты видишь, кажутся тебе безобразными — но выбирать не из чего. Поскольку сравнивать совершенно не с чем — разве что с проклятым прошлым, — ты с радостью берешь то, что тебе дают. Самое главное при этом — убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливыми в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду — с заграницей). <...>

Нас восхищает в СССР стремление к культуре, к образованию. Но образование служит только тому, чтобы заставить радоваться существующему порядку, заставить думать: СССР... Ave! Spes unica![1] Эта культура целенаправленная, накопительская, в ней нет бескорыстия и почти совершенно отсутствует (несмотря на марксизм) критическое начало. <...>

Помощь, которую СССР только что оказал Испании, свидетельствует о возможности перемен.

СССР не перестает удивлять, не перестает оставаться для нас и наукой.

Поправка к моему «Возвращению из СССР»
Июнь 1937

СССР — многомиллионная страна, и «прореживание» людского поголовья осуществляется без видимого ущерба. Оно тем более трагично, что незаметно. Лучшие исчезают, лучших убирают. Лучшие не в смысле физической производительности труда, а те, кто отличается от всех, выделяется из общей массы, сила и сплоченность которой в посредственности. Посредственность же всегда стремится не вверх, а вниз. <...>

А высланные тысячами... те, которые не смогли, не захотели склонить голову, как от них требовали. <...> Это

---

[1] Единственная надежда (лат.).

жертвы – я их вижу, слышу, чувствую вокруг себя. Это их подавленные крики разбудили меня сегодня ночью, их молчание диктует мне эти строки. <...>

За них никто не вступится. Разве что правые газеты вспомнят, чтобы поносить режим, который они ненавидят. Те же, кому дороги идеи свободы и справедливости, кто борется за Тельмана, – Барбюсы и Ролланы – умолкли, они молчат. И вокруг них – ослепленные пролетарские массы.

Лион Фейхтвангер.[1] Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей

(Извлечение)

Вера в разум. Я пустился в путь в качестве «симпатизирующего». Да, я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему себе целью построить гигантское государство только на базе разума, и ехал в Москву с желанием, чтобы этот эксперимент был удачным. <...> Я глубоко убежден в том, что общественная организация, если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений. <...> Мировая история мне всегда представлялась великой длительной борьбой, которую ведет разумное меньшинство с большинством глупцов. В этой борьбе я стал на сторону разума, и потому я симпатизировал великому опыту, предпринятому Москвой, с самого его возникновения. <...>

Откровенность за откровенность. Я мог с удовлетворением констатировать, что моя откровенность в Москве не вызвала обиды. Газеты помещали мои замечания на видном месте, хотя, возможно, правящим лицам они не особенно нравились. В этих заметках я высказывался за большую терпимость в некоторых областях, выражал свое недоумение по поводу иной раз безвкусно преувеличенного культа Сталина и говорил насчет того, что следовало бы с большей ясностью раскрыть, какими мотивами руководствовались обвиняемые второго троцкистского процесса, признаваясь в содеянном. И в частных беседах руководители страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность. <...>

---

[1] *Лион Фейхтвангер* (1884–1958) – выдающийся немецкий писатель, автор известных романов «Успех», «Семья Оппенгейм», «Гойя», «Лисы в винограднике» и других, побывал в СССР в начале 1937 г.

Глава I

Будни и праздники

Удовлетворенность в Советском Союзе. Я замечал с удивлением и сначала скептически, что в Советском Союзе все люди, с которыми я сталкивался, – притом и случайные собеседники, которые ни в коем случае не могли быть подготовлены к разговору со мной, – хотя иной раз и критиковали отдельные недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом. Да, весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того – счастьем. <...>

Несмотря на это, они довольны. ...Советские люди в течение многих лет переносили крайние лишения и еще не забыли то время, когда постоянно недоставало света и воды и приходилось стоять в очередях за хлебом и селедкой. Их хозяйственные планы оказались правильными и устранили эти крупные недочеты; в ближайшем будущем исчезнут и мелкие недочеты, мешающие им сегодня. Москвичи острят над этими мелкими неполадками, их остроты добродушны, а иногда и злобны, но эти мелкие неудобства не заслоняют от них того большого, которое может дать только жизнь в Советском Союзе, и если слишком долго останавливаешься на этих небольших бытовых неудобствах, то москвичи переходят в наступление, в свою очередь задавая вопрос: как можно жить в капиталистической стране? <...>

О счастливой жизни советских граждан. ...Такие рассуждения вовсе не приводятся только в целях пропаганды; они явно основаны на внутреннем убеждении. Очевидная планомерность хозяйства и всей государственной структуры компенсирует отдельное лицо за неудобства, испытываемые им в личной жизни, если оно эти неудобства вообще замечает; яркий контраст между прошлым и настоящим заставляет забывать об этих лишениях. У кого есть глаза, умеющие видеть, у кого есть уши, умеющие отличать искреннюю человеческую речь от фальшивой, тот должен чувствовать на каждом шагу, что люди, рассказывающие в каждом углу страны о своей счастливой жизни, говорят не пустые фразы. <...>

Крестьяне прежде и теперь. Больше всех разницу между беспросветным прошлым и счастливым настоящим чувствуют крестьяне, составляющие огромное большинство населения. Они не жалеют красок для изображения этого контраста. Отцы рассказывают детям о тяжелом прошлом, о нищей и темной жизни при царе. <...>

Согласие и уверенность. Сознание того, что государство не отрывает у большинства потребительские блага в пользу незначительного меньшинства, а, наоборот, действенно помогает самыми разумными методами всему обществу, это сознание, подкрепленное двадцатилетним опытом, вошло в плоть и кровь всего населения и породило такое доверие к руководству, какого мне нигде до сих пор не приходилось наблюдать. В то время, как на Западе общество, наученное печальным опытом, питает к заверениям и обещаниям своих правительств недоверие – недоверие настолько сильное, что иногда считают, что определенный факт должен свершиться именно потому, что правительство утверждает обратное, в Советском Союзе твердо верят, что обещания властей будут выполнены в точности и к назначенному сроку. <...>

Право на труд, отдых и обеспеченную старость. Да, гарантии и преимущества, которые имеет советский гражданин по сравнению с гражданами западных государств, представляются ему настолько огромными, что перед ними бледнеют неудобства его быта. Социалистическое плановое хозяйство гарантирует каждому гражданину возможность получения в любое время осмысленной работы и беззаботную старость. Безработица действительно ликвидирована, а также ликвидирована в полном смысле слова и эксплуатация. Количество работы, которое государство требует от каждого своего гражданина, не лишает последнего возможности тратить значительную часть своих сил по своему личному усмотрению. Каждый шестой день они свободны; семичасовой рабочий день проведен; каждый работающий располагает месячным оплачиваемым отпуском. Насколько бедны частные жилища, настолько светлы, просторны и уютны многочисленные дома отдыха, предоставляемые советским гражданам по самым дешевым ценам на время их отпусков.

Государство – это мы. Чувство безусловной обеспеченности, спокойная уверенность каждого человека в том, что государство действительно существует для него, а не только он существует для государства, объясняет наивную гордость, с которой москвичи говорят о своих фабриках, своем сельском хозяйстве, своем строительстве, своих театрах, своей армии. Но больше всего они гордятся своей молодежью.

Два взгляда из-за рубежа. Андре Жид. Возвращение из СССР. Лион Фейхтвангер. Москва, 1937. – М., 1990. – С. 62, 63, 64, 65, 69, 72–73, 75, 78, 79, 97, 136, 164–165, 167, 169, 172, 173, 174–175.

56. Демократия... под надзором НКВД

Обсуждение проекта Конституции 1936 г.[1]

ЦК ВКП(б) – т. Поскребышеву (для т. Сталина)
СНК Союза ССР – т. Могильному (для т. Молотова)
Секретарю ЦК ВКП(б) – т. Кагановичу
Секретарю ЦК ВКП(б) – т. Андрееву
Секретарю ЦК ВКП(б) – т. Жданову
Сельхозотдел ЦК ВКП(б) – т. Яковлеву

Октябрь 1936 г.
Совершенно секретно

Направляю Вам спецсообщение Управления НКВД СССР по Воронежской области о неудовлетворительном проведении отчетной кампании сельсоветов, по данным на 14 октября 1936 г.

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ –
комиссар госбезопасности 2 ранга Г. Молчанов

Спецсообщение управления НКВД СССР по Воронежской области о неудовлетворительном проведении отчетной кампании сельсоветов

По данным на 14 октября 1936 г.
Совершенно секретно

Отчетная кампания сельсоветов по ряду районов Воронежской области развертывается неудовлетворительно.

Некоторые райисполкомы до сих пор не приступили к отчетам перед избирателями, несмотря на то, что срок проведения этой работы истек уже 1 октября.

Низовые партийно-советские организации в значитель-

---

[1] Официальная пропаганда с восторгом приветствовала проект самой прогрессивной и демократической в мире Конституции, принятой в 1936 г., накануне пика сталинских репрессий 1937–1938 гг. Но была и другая реакция на проект. Об этом говорят секретные «спецсообщения» областных управлений НКВД, подготовленные для секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД и предназначенные для высшего руководства.

Секретно-политические отделы были образованы в 1931 г. для борьбы с контрреволюционными элементами, сбора информации о политических настроениях населения.

Спецсообщения направлялись за подписью руководителя областного управления НКВД, указывался также телеграфный номер этого сообщения.

ном количестве районов не провели надлежащей подготовительной работы, в результате явка на собрания слабая. В Бутурлиновском, Хоботовском, Гремяченском районах по некоторым селам явка избирателей на отчетные собрания не превышает 30%.

Грачевский райисполком потерял наказ первого районного съезда советов, до сих пор не составил отчета для избирателей и не руководит подготовкой к отчетной кампании по селам.

Имели место несколько случаев срыва отчетных собраний по вине работников сельсоветов. Отмечен также ряд фактов грубого нарушения принципа советской демократии при проведении выборов делегатов на районные съезды советов.

Л.-Россошанский район. Пленум Л.-Россошанского сельсовета состоялся при наличии 7 членов из 32. Несмотря на это, выборы делегатов на районный съезд советов состоялись.

Грязинский район. В селе Петровка президиум сельсовета перед избирателями в своей работе не отчитывался. На пленум сельсовета не были приглашены учителя из опасения, что они будут отмечать недочеты в работе сельсовета. Делегаты на районный съезд были избраны по заранее заготовленному списку, который «голосовался» в целом. После окончания работы пленума участники пленума устроили в парткабинете пьянку.

Хворостянский район... Секретарь Княже-Байгорского сельсовета, чтобы повысить процент участия избирателей на отчетных собраниях, вызывал в сельсовет счетоводов колхозов, которым предложил в число участников отчетных собраний вписать колхозников, не участвовавших в собраниях. В списки были внесены лица, отсутствующие в районе в течение трех лет.

Воробьевский район. Назначенный на 28 сентября пленум Воробьевского сельсовета не состоялся, т. к. председатель сельсовета Коновалов был пьян.

В отдельных селах в результате неудовлетворительной подготовки делегатами на районные съезды советов избран чуждый и разложившийся элемент.

Клевенский район. В числе делегатов, избранных на районный съезд советов, имеются лица, скомпрометировавшие себя. На райсъезд избраны: председатель колхоза «Пробуждение» Пальчиков, пьяница, доведший колхоз до развала; председатель колхоза Коротких занимается взяточничеством, незаконно угрожал колхозникам исключе-

нием из колхоза; председатель колхоза Кожевников находится под судом за избиение пастуха.

Ламский район. На районный съезд советов Дальне-Дубровским сельсоветом делегатом избран троцкист Ларионов.

В отдельных селах на собраниях избирателей вносились к проекту Конституции СССР дополнения антисоветского характера.

Гремяченский район. На общем собрании избирателей в селе Ивановке было внесено и принято дополнение к ст. 9-й проекта Конституции следующего содержания: «Всю землю и хозяйство от совхозов изъять и передать колхозам».

Кирсановский район. В селе Николаевке при обсуждении проекта Конституции колхозники потребовали записать их требования об отмене обязательной поставки государству хлеба, мяса и молока.

Расследованием установлено, что это выступление явилось результатом контрреволюционной пропаганды группы церковников во главе с местным попом.

Участники контрреволюционной группы призывали население «воспользоваться новой Конституцией, быть организованными, чтобы легче продвигать к руководству (своих) людей».

Моршанский район. При обсуждении проекта Конституции на пленуме 2-го Питерковского сельсовета в резолюции было записано: «Проект Конституции одобрить. Благодаря сталинской Конституции во 2-ом Питерковском сельсовете не выполняются хозполиткампании».

Гремяченский район. На отчетном собрании в Яблоненском сельсовете выступила колхозница с требованием заменить записанное в Конституции «Кто не работает, тот не ест» словами: «Кто работает, тот должен есть». При этом она заявила: «Сейчас мы работаем в колхозе, а ничего не получаем, нужно, чтобы советская власть всех нас, работающих, обеспечила хлебом».

Калачеевский район. На отчетных собраниях приняты добавления к Конституции следующего содержания. В Собацком сельсовете внесен пункт: «Перевести форму колхозного хозяйства в форму государственного хозяйства». В Серяковском сельсовете принят пункт: «Установить колхозникам заработную плату на трудодень, независимо от урожая».

В ряде сел Воронежской области заметно активизировался контрреволюционный элемент, использующий отчетно-перевыборную кампанию для своей контрреволюционной деятельности, в первую очередь пытаясь скомпрометировать новую Конституцию.

Имеются факты агитации контрреволюционного элемента за выход из колхозов; это обычно мотивируется тем, что «после принятия Конституции единоличникам будет жить лучше».

В колхозе им. Карла Маркса Гремяченского района велась контрреволюционная агитация: «Зиновьев и Каменев были видные люди и пользовались уважением в народе, их выбрали бы в правительство при тайном голосовании, но, чтобы этого не допустить, власть их расстреляла».

«По новой Конституции мы имеем одинаковые права со всеми. Это изменение произошло в результате того, что на Советский Союз воздействовали иностранные государства. Скоро вообще власть переменится».

(Служитель религиозного культа в Тамбовском районе)

«Эта Конституция для крестьян невыгодна, хотя и сказано в ней, что каждый может быть избран. Нашего брата крестьянина выбирать не будут, а выберут опять коммунистов».

(Павловский район, бывший член партии эсеров)

«Новая Конституция – это бумажная Конституция. Статья «право на собственность» выгодна только коммунистам, которые захватили себе много добра за время революции и хотят его закрепить за собой. Мужику эта статья не нужна. У него нет собственности, все это было отобрано советской властью».

(Член партии социал-революционеров, Моршанский район)

Контрреволюционные элементы в ряде сел открыто призывали при проведении тайного голосования бойкотировать кандидатуры коммунистов и проводить в выборные советские органы «своих» людей.

«Теперь выборы будут тайные, и мы будем голосовать за своих людей, а не за коммунистов. За коммунистов подавляющее большинство населения голосовать не будет, и власть переменится».

(Кулак, Павловский район)

«Конституция даст возможность вернуться к старому строю. Когда утвердят новую Конституцию, мы сможем свободно требовать, что нам нужно. Нам нужно будет выбирать в правительственные органы своих людей, а не тех, которых нам будут навязывать коммунисты».

(Село Николаевка Кирсановского района)

«Хорошо, что будет тайное голосование, теперь у нас в советы не пройдут коммунисты, лучше выборы своих беспартийных людей».

(Бывший антоновец, с. Иноковка Кирсановского района)

«При перевыборах советов надо выбирать беспартийных и бывших кулаков. Эти люди умнее коммунистов и не желают чужого, а коммунисты только грабят народ».

(Бывший антоновец, с. Верхоценье Сампурского района)

«Жаль, что расстреляли зиновьевцев. Мы бы при новых выборах голосовали за них».

(Кулак, Добринский район)

Особенно активизировались в последнее время контрреволюционные элементы из числа церковников и сектантов различных толков. Ими распространяются различные контрреволюционные слухи. Призывают верующих «проваливать кандидатуры коммунистов» при выборах в советы. Имеются также попытки самовольно открыть ранее закрытые церкви и молельные дома.

В отдельных случаях служители религиозного культа, организовав верующих, произвели самовольное открытие церквей.

Рассказовский район. В селе Хуторово церковь самовольно открыта верующими, спровоцированными на это попом Сучковым. (Привлечен к ответственности.)

Церковникам сел Коптево и Арженка и членами секты молоканов поданы заявления об открытии в этих селах церквей и молитвенного дома.

Молоканин Белтор организовал сбор подписей сектантов к заявлению об открытии молитвенного дома в г. Рассказово. Обходя с подписным листом сектантов, Белтор убеждал их: «По новой Конституции все церкви и молитвенные дома должны быть открыты».

Л.-Россошанский район. Члены церковного совета Кондрашевского сельсовета – Чикмарев и Ушаков, ссылаясь на Конституцию, вели среди населения агитацию: «Церковь от государства отделена, поэтому нужно требовать у сельсовета немедленного освобождения нашей церкви от находящегося в нем хлеба». (Арестованы.)

Задонский район. Священник села Алисово Данилов агитировал за открытие церкви: «Нужно воспользоваться новой Конституцией и немедленно открыть церковь. Кто не будет бороться за церковь, тот будет проклят». (Арестован.)

О неудовлетворительном проведении отчетной кампании сельсоветов и об активизации контрреволюционных элементов в ряде сел Воронежской области информирован областной комитет ВКП(б). Дукельский, № 11283.

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Вып. II. – С. 276–281.

57. Две стороны культурной революции в СССР

С культурной революцией в Советском Союзе было связано прежде всего создание новой системы народного образования и просвещения, охватившей практически все население страны...

В дореволюционной России около 72 процентов населения в возрасте от 9 до 49 лет не умело ни читать, ни писать. Четыре пятых детей и подростков не имели возможности получать образование. На Кавказе, в Закавказье и в Средней Азии положение было намного хуже, не говоря уже о российском Севере и Дальнем Востоке. На территории нынешних среднеазиатских республик, например, численность неграмотного населения достигала 96–98 процентов. Свыше 40 народностей в стране не имели своей письменности.

Состав учащихся высших учебных заведений царской России четко отражал положение классов в обществе: в восьми университетах страны 38,3 процента студентов приходилось на дворян и выходцев из среды чиновников, еще 18,8 – на детей лиц духовного звания, купцов и так называемых почетных граждан. Студенты, происходившие из мещан и цеховых, составляли 24,4 процента, из крестьян – 12,7. Несколько лучше для выходцев из рабочих и крестьян было соотношение в высших технических учебных заведениях: в четырех вузах их доля достигала 48,3 процента[1]. В ходе первой мировой и гражданской войн значительная часть интеллигенции не вернулась с полей сражений, а массовая эмиграция еще более обеднила интеллектуальный потенциал страны. Учитывая большие масштабы намечавшихся экономических и социальных преобразований, его предстояло создавать во многом заново. Судите сами. В 1914 г. в школах России училось немногим больше 8 миллионов детей, из них в средних школах – меньше миллиона, или 12,4 процента. В специальных средних школах занималось на всю страну всего 79 тысяч человек[2]...

В декабре 1919 г. был принят декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», обязывавший все население республики в возрасте от 8 до 50 лет обучаться

---

[1] Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.).– М., 1939.– С. 126.

[2] 20 лет Советской власти. – М., 1938. – С. 81.

грамоте на родном или русском языке. Летом 1920 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности, которая добровольно или в порядке трудовой повинности привлекла к преподаванию около 200 тысяч человек. К концу года в стране работали 55 педагогических вузов, в то время как до революции их было два десятка. Только в течение первого года действия декрета грамоту освоило около трех миллионов человек, а к концу 1927 г. ликвидировали неграмотность примерно 10 миллионов взрослых[1]...

Если в 1928/29 учебном году в начальных и средних школах обучалось 12,6 миллиона человек, то в 1936/37 учебном году – 28,8 миллиона, доля учащихся средних школ возросла с 29,5 до 62 процентов. По всей стране всеобщее начальное образование было обязательным, а в городе семилетнее обучение стало правилом. Число занимавшихся в средних специальных школах увеличилось с 206 тысяч до 770 тысяч, в высших учебных заведениях – со 177 тысяч до 542 тысяч. В 1914 г. в России было 91 высшее учебное заведение, в 1937 г. в СССР – 638; работали почти 3,5 тысячи техникумов и других средних специальных учебных заведений[2]...

Бурно развивалась сеть профессиональной подготовки рабочих и крестьян в соответствии с требованиями производства. На 1 октября 1936 г. на каждые сто рабочих крупной промышленности (под этим термином понимались современные по масштабам производства и технической вооруженности предприятия всех отраслей промышленности – от добывающих до текстильной) приходилось 40 прошедших техучебу и 24 обучающихся. Рабочие кадры готовили школы фабрично-заводского обучения, различные кружки и курсы. Только школы ФЗУ за годы второй пятилетки дали 1,4 миллиона квалифицированных рабочих.

Главная роль в росте технических знаний трудящихся отводилась обучению в ходе самого производства... С начала второй пятилетки развернулось массовое движение рабочих за овладение техминимумом и сдачу общественно-технического экзамена на знание современной техники.<...>

Приток техники в сельское хозяйство потребовал массо-

---

[1] История социалистической экономики СССР. – М., 1976. – Т. 1. – С. 409, 412; Т. 2. – С. 466.

[2] 20 лет Советской власти. – М., 1938. – С. 81, 82.

вой подготовки необходимых для ее использования и обслуживания кадров. С 1934 по август 1937 г. работе на тракторах было обучено почти 1200 тысяч человек, на комбайнах – 139 тысяч, на автомашинах – 84,5 тысячи.

Процесс повышения образовательного уровня населения шел одновременно с его приобщением к культуре, более того, оба процесса оказывали друг на друга взаимообогащающее влияние. Ныне не без основания сожалеем, что в годы становления социалистического государства во многом была утрачена преемственность с культурой прошлого, что из нашей жизни надолго ушли замечательные произведения литературы, изобразительного искусства, музыки. Это горькие потери, которые сейчас восполняются с опозданием.<...>

Большое значение для общества имело создание широкой сети общественных библиотек. В 1937 г. их насчитывалось порядка 70 тысяч против 12,5 тысячи до революции. Число книг и журналов в библиотеках быстро увеличивалось и в 1937 г. достигло 127 миллионов экземпляров, в то время как пятью годами раньше было немногим больше 90 миллионов[1]...

Чем же загружены были полиграфические мощности, какую духовную пищу давали они читателям?

Ассортимент печатной продукции не мог не соответствовать политической обстановке в стране, усилению культа личности ее руководителя. К 1939 г. за несколько месяцев с момента своего первого появления «Краткий курс истории ВКБ(б)» вышел тиражом 13,7 миллиона экземпляров. Он должен был вытеснить, заменить все предшествовавшие публикации по истории партии. В одном только 1938 г. тираж работ Сталина составил почти 27 миллионов, в то время как ленинские произведения были изданы в количестве 7,2 миллиона экземпляров, а труды Маркса и Энгельса – 3,2 миллиона.

Но в то же самое время большими тиражами выходили произведения, которые ныне составляют классику советской литературы. Именно в эти годы были написаны лучшие книги Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Александра Фадеева, Николая Островского, Константина Паустовского, Валентина Катаева, Ильи Ильфа и Евгения Петрова и многих других замечательных художников слова,

---

[1] 20 лет Советской власти. – С. 85; История социалистической экономики СССР. – Т. 4. – С. 500.

которые писали о том, что пережили их современники в недавнем прошлом, о том, чем они жили в их настоящем.<...>

Известно, что из культурного богатства советского общества на многие десятилетия были вычеркнуты произведения А. Платонова, М. Булгакова, И. Шмелева, И. Бабеля, десятков других художников слова. То же происходило и в других областях искусства.

Нельзя не учитывать и то, что уровень общей культуры рабочих и крестьян и даже новой, советской интеллигенции был недостаточен для того, чтобы понять общечеловеческие ценности, содержащиеся, скажем, в поэзии Гумилева, Цветаевой, Бальмонта, Волошина или Хлебникова, в полотнах и рисунках «мирискусников». Новая культура еще не впитала в себя подлинные сокровища старой. Для этого нужно было время.

Вместе с тем уже в 20–30-е годы высокообразованный или стремящийся к этому читатель мог наслаждаться великолепными произведениями, выходившими в издательстве «Academia», в сериях «Классики мировой литературы» и «Сокровища мировой литературы». Именно в это время вышли или начинали выходить снабженные богатым справочным материалом собрания сочинений А. Пушкина, Л. Толстого, Стендаля. Для любителей живописи и скульптуры открылись музеи-дворцы, собравшие в свои залы шедевры, хранившиеся в частных коллекциях. Любителей музыки и театра волновала русская и мировая классика в исполнении великолепных оркестров, выдающихся солистов-певцов, пианистов, скрипачей. В нотных тетрадях Якова Глиэра, Дмитрия Шостаковича, Александра Прокофьева, Арама Хачатуряна, Дмитрия Кабалевского рождалась советская музыкальная классика. Всеми шедеврами мирового и советского искусства, являвшимися народным достоянием, мог воспользоваться каждый человек по мере того, как созревала его потребность в приобщении к ним, тем более что возможности для этого с каждым годом становились все шире и шире. Например, в 1913 г. в России было всего 177 профессиональных театров, а в 1940 г. – 908. До революции было немало народных театров, организовывавшихся интеллигенцией, но и их число не могло сравниться с огромным количеством театральных кружков и самодеятельных театров при десятках тысяч Домов культуры и клубов по всей стране. Число музеев за то же время увеличилось со 180 до 990. По нынешним меркам не так уж много, но ведь все познается в сравнении.

Панов В. П. Это было... – М., 1990. – С. 62–64, 65, 66-68, 69–70.

XVIII. РЕПРЕССИИ ТОТАЛИТАРИЗМА

58. Из документа «Показания Эйсмонта Николая Болеславовича, данные СПО ОГПУ»[1]

24 ноября 1932 г.

Происходит с Урала, отец лесничий, женат, имеет 2 детей, высшее образование без государствен. экзаменов, член ВКП(б) с 1907 г.

Трижды привлекался и один раз был выслан в дореволюционное время.

Примерно с 1928-29 г. у меня были сомнения по вопросу темпов индустриализации Союза. В 1930 и последующие годы я считал, что достигнуть тех результатов развития нашего хозяйства по городу и селу можно было с гораздо меньшими жертвами, если бы ЦК ВКП своевременно и твердо пресекал извращения, в частности, по коллективизации.

Я считаю, что если бы не было допущено целого ряда ошибок со стороны местных руководящих партийных органов и если бы эти ошибки были своевременно предотвращены ЦК ВКП, то мы бы не имели теперь таких результатов, как, например, такое падение поголовья стада, которое мы имеем сегодня.

Эти мои настроения и старая дружба сближали меня с А. П. Смирновым, который резко критиковал ряд мероприятий партии, в частности, методы коллективизации, считая, что количественные успехи не обеспечивают хозяйственного качества коллективизации и приводят к тому, что мы имеем опять-таки с падением поголовья скота.

С нашей со Смирновым А. П. точкой зрения солидаризировался В. Н. Толмачев. Мы – я, Александр Петрович Смирнов и Толмачев – довольно часто встречались на даче у Смирнова в Серебряном бору, вели на вышеуказанные темы политические разговоры.

Также я бывал у А. И. Рыкова, но всегда один, и с ним подобных разговоров вести мне не приходилось.

Больше ни с кем из ответственных работников таких

---

[1] Приведенные «Показания...» – один из документов возникшего в 1932 г. дела об антипартийной группировке Эйсмонта Н. Б., Толмачева В. Н. и Смирнова А. П. по одному из писем И. В. Сталину об участии Н. Б. Эйсмонта в «антипартийных» разговорах на вечеринке у него дома, о дискредитации руководства ЦК партии, о необходимости «убрать» Сталина.

интимных близких отношений и политических разговоров, как со Смирновым и Толмачевым, у меня не было.

Последний раз я был вместе с Толмачевым у А. П. Смирнова, кажется, 8 или 12 ноября, рассказывал ему о поездке моей по СКК и, обменявшись втроем, считали, что неуспехи хлебозаготовок в СКК и Украине объясняются старыми ошибками по сельскому хозяйству.

Я по-старому считаю, что, если бы не было в прошлом ряда ошибок, как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, мы бы не имели тех трудностей, которые имеем сейчас, и хотя последние решения ЦК о второй пятилетке, по-моему, исправят положение, это можно было и нужно было сделать раньше.

Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992.– Кн. 1. – С. 80–81.

59. Из протокола судебного заседания Военной Коллегии Верховного суда о заявлении Рудзутака

...Его единственная просьба к суду – это довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем неповинных людей признавать себя виновными. Что проверка обстоятельств обвинения отсутствует и не дается никакой возможности доказать свою непричастность к тем преступлениям, которые выдвинуты теми или иными показаниями разных лиц. Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем неповинных людей, не говоря уже о самом подследственном. Просит суд дать ему возможность все это написать для ЦК ВКП(б). Заверяет суд, что лично у него никогда не было никакой плохой мысли против политики нашей партии, так как он всегда полностью разделял всю ту политику, которая проводилась во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 37.

60. Письмо Г. Е. Зиновьева И. В. Сталину 16 декабря 1934 г.

(Написано во время производства у него на квартире обыска)

Сейчас (16 декабря в 7 $^{1}/_{2}$ веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явились ко мне на квартиру и производят у меня обыск.

Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно, что с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу.

Ничего, кроме старых архивов (все, что скопилось за 30 с лишним лет, в том числе и годов оппозиции), у меня нет и быть не может.

Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина.

Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 154–155.

61. Из закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока»

...Допрошенный в связи с раскрытыми террористическими группами Зиновьев на следствии 23–25 июля 1936 г. признал следующее:

«Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 г.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь, убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 198.

62. Репрессии и армия

С каждым годом репрессии усиливались. Им подвергались миллионы людей, реальных и потенциальных противников единоличной власти Сталина. <...>

Данные генерал-лейтенанта А. И. Тодоровского (ныне покойного) свидетельствуют, что из общего числа 733 высших командиров и политработников (начиная с комбрига и бригадного комиссара и до Маршала Советского Союза) было репрессировано 579 и осталось в Красной Армии только 154. По другим данным, с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры дивизий и бригад, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков. Среди безвинно погибших командиров и политработников были крупнейшие опытные военачальники: М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Е. И. Ковтюх, И. Ф. Федько, И. С. Уншлихт, П. Е. Дыбенко, Р. П. Эйдеман, Я. Б. Гамарник (покончил жизнь самоубийством) и многие другие. Таких потерь командного состава в столь короткий срок наша армия не несла даже в период войны.

В результате к началу войны только 7 процентов командиров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях. Состояние командного состава того времени усугублялось еще и тем, что большинство из репрессированных военачальников хорошо знали немецкую военную организацию и военное искусство, а заменившие их кадры не обладали такими знаниями. И это было известно политическому и военному руководству фашистской Германии. Начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал Ф. Гальдер, выслушав доклад вернувшегося из Москвы в мае 1941 г. германского военного атташе полковника Кребса, записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты». Это был серьезный просчет немецкого генерального штаба относительно перспектив укрепления советского офицерского корпуса. Но, бесспорно, что нашей стране фактически пришлось воссоздать офицерский корпус уже в условиях начавшейся войны.

Репрессии причинили огромный вред советской военной науке, которая в предыдущие годы быстро и интенсивно развивалась. Она правильно определила влияние новой военной техники и вооружений... разработала соответству-

ющую тактику, оперативное искусство и стратегию, организацию Вооруженных Сил. Результаты военно-научных исследований составили основное содержание Полевого устава Красной Армии 1936 г., который более соответствовал характеру войн того времени, чем уставы зарубежных армий и другие боевые уставы. Однако разработка военной истории и теории во второй половине 30-х годов приостановилась. <...> Многие крупные советские военные теоретики и историки были репрессированы. Среди них такие выдающиеся, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, А. А. Свечин, Я. Я. Алкснис, С. М. Белицкий, А. М. Вольпе, А. В. Голубев, Г. С. Иссерсон, В. А. Меликов, А. И. Корк, Н. Е. Какурин, Р. П. Эйдеман, А. Н. Лапчинский, А. И. Верховский, Г. Д. Гай и многие другие.

Труды репрессированных военных ученых изымались из пользования как «вражеские». Учитывая то, что погублены были и многие военачальники, которые усвоили советскую военную науку, образовался своего рода обрыв как в разработке военной науки, так и в ее усвоении. Достоянием военных кадров, готовившихся непосредственно перед войной и во время войны, становилось лишь то, что было закреплено в уставах. Изъятие трудов репрессированных военных ученых сдерживало развитие военного мышления у командиров всех рангов. Оно обогащалось в основном эмпирически в процессе боевой практики.

В период войны делалось много в области изучения и обобщения военного опыта. Но так как теоретический уровень людей, занимавшихся этим, был невысок, публиковавшиеся тогда работы носили прикладной характер, были преимущественно описательными. Им была присуща преувеличенная оценка роли «полководческой» деятельности И. В. Сталина, его высказываний по вопросам военного дела.

К у л и ш В. М. Об уроках и правде истории. //Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. — М., 1989. — С. 283–285.

63. Из книги Ю. В. Домбровского «Факультет ненужных вещей»

...Мировая война уже фактически началась. Она шла на огромных пространствах — от пустынь Абиссинии до пустынь Монголии. Уже пылала Испания. Над Европой висела кровавая лапа Гитлера. В этих условиях люди

верили в шпионаж, верили в возможность измены, диверсий. В такие времена все возможно... Не забывайте и другое: в 1936 г. произошел арест и процесс наших видных военачальников. Я слушал заграничное радио и знал поэтому, что говорит об этом немецкая пропаганда. Она, как помнится, признавала существование «кремлевского заговора». Только теперь из записок Бенеша и немецких мемуаров мы узнали, как были зверски уничтожены, погублены наши лучшие люди. Тогда же все было совершенно неясно. Историческая ограниченность сознания современников — факт неприятный, но, к сожалению, бесспорно существующий.

Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. — М., 1989. — С. 707–708.

64. Из статьи «Приговор суда — голос народа»

Закончен процесс антисоветского троцкистского центра. Военная Коллегия Верховного Суда СССР вынесла семнадцати подсудимым троцкистским шпионам, диверсантам и убийцам трижды заслуженный ими приговор соответственно степени вины каждого из них перед советским народом. Они изменили Родине. А по Конституции СССР нет более тяжкого преступления, чем государственная измена.<...>

И вот наступил час возмездия подлейшим из подлых за все их кровавые преступления против народов советской земли: за измену родине и провокацию войны против СССР, за сверхпредательство и вероломство, за взрывы, поджоги социалистических предприятий и крушения поездов, за вредительство и террор, за пролитую ими кровь рабочих, красноармейцев и детей.

Тринадцать подсудимых, как организаторы и непосредственные исполнители этих преступлений, приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Сокольникова и Радека, «как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности, — к заключению в тюрьме сроком на 10 лет каждого; Арнольда — к заключению в тюрьме на 10 лет; Строилова — к заключению в тюрьме на 8 лет.

Приговор троцкистской шайке, вынесенный Верховным судом, — это приговор всего советского народа, это воля и

гнев народа, ярко выраженные им во все дни процесса. Как только известны стали все злодеяния троцкистских мерзавцев, как только начал распутываться клубок чудовищных преступлений банды злейшего врага народа Троцкого, по всей советской стране разнесся голос миллионов рабочих, колхозников, красноармейцев, интеллигенции – голос народа, требующего уничтожить и обезвредить троцкистскую свору бешеных собак капитализма.<...>

Чем более росли и множились победы социализма в СССР, тем злее, тем бешеней становились троцкистские псы контрреволюции. И на закончившемся процессе всему миру предстали не только отпетые троцкистские шпионы, вредители и убийцы, но и предстал живой труп троцкизма, с которого сорвали все одежки и маски, за которым нет и не может быть ничего, кроме гнуснейшего отребья человеческого, кроме самых разнузданных сил германских и японских поджигателей войны. Троцкизм разбит и убит в нашей стране, и в лице участников троцкистского центра сойдут в могилу главари троцкистской шайки в СССР. Иуда-Троцкий, злейший враг советского народа и всего трудящегося человечества, еще плетет на японские и германские деньги сети измен, провокаций, шпионажа, но уже мертв троцкизм.

От всей троцкистской нечисти прекрасную советскую землю очищает Народный комиссариат внутренних дел во главе с новым, славным руководителем своим, твердым большевиком т. Ежовым. Очищает и очистит до конца! Можно не сомневаться, что ни одна контрреволюционная гадина – троцкистского, правого или какого-нибудь иного пошиба – не уйдет от советского правосудия.

Процесс троцкистского центра еще раз показал, сколь необходима величайшая бдительность сейчас, в преддверии войн, которые готовят, провоцируют империалисты, в первую очередь германские и японские. Именно к началу войны задумывали враги народа – Троцкий и его свора шпионов и убийц развернуть, по заданию германских и японских хозяев, наиболее острую, подрывную, диверсантскую деятельность, особенно в оборонной промышленности и на транспорте. Недаром и до приговора вопит и клевещет по поводу процесса печать германского и японского фашизма; ведь поимка троцкистской банды лишила их важнейшего отряда разведчиков, шпионов, диверсантов, провокаторов и зачинщиков новой кровавой империалистической бойни.

Трудящиеся массы СССР единодушно одобрят приговор Верховного суда, который является выражением воли и желаний всего советского народа. Это единодушное одобрение масс отчетливо видно из первых откликов рабочих в ночных сменах, куда быстро дошла весть о приговоре. На гнусные злодеяния троцкистов по подрыву мощи СССР массы отвечают и ответят быстрейшей ликвидацией последствий троцкистского вредительства, новым большим подъемом народного хозяйства, новыми рекордами производительности труда, новым, еще более широким размахом социалистического соревнования.

Троцкистская свора, с благословения своих фашистских хозяев, хотела убить вождей советского народа, чтобы убить социализм. Советский народ отвечает на эти замыслы теснейшим сплочением вокруг нашей партии Ленина—Сталина, вокруг ЦК нашей партии, руководимого товарищем Сталиным, который привел Родину к победе социализма. Эта победа завоевана навсегда; нет и не будет той силы, которая могла бы сломить народы СССР, сломить социализм в СССР, повернуть нашу страну и наш народ назад, к капитализму.<...>

У главарей и мастеров троцкистских подлых дел в СССР вырваны ядовитые жала приговором Военной Коллегии Верховного суда. Но еще творит свою подлейшую работу кровавый фашистский пес, враг народа СССР и всего человечества – Иуда-Троцкий. Он еще носится с факелом войны по миру, провоцируя и подготовляя новые войны, гибель в них сотен тысяч людей.

Интересы государств, искренне желающих мира, интересы всего передового и прогрессивного человечества требуют решительного прекращения этой поджигательной, злодейской деятельности Троцкого. Чтобы сохранить мир между народами, надо во всем мире покончить с троцкизмом и фашизмом, сеющими ядовитые семена войн.

Правда. – 1937. – 30 января.

65. Из статьи «Капиталистическое окружение и его агентура»

Великая пролетарская революция уничтожила царскую Россию – величайший резерв западного империализма – и создала свободную и независимую Советскую страну. Она лишила западноевропейских империалистов их вложений

в русскую промышленность, отменила царские долги, закрыла для капитализма выгодный рынок сбыта и приложения капиталов.

Чем более обострялись противоречия империалистов, тем чаще обращались взоры международной буржуазии в сторону СССР: а нельзя ли развязать кровавый клубок этих противоречий за счет Советского Союза?<...>

Известно, что открытая интервенция провалилась.

Но, несмотря на крах интервенции, мировая буржуазия не оставила надежды осуществить ее при более «благоприятных» условиях.

Прежде всего империалисты пытались сыграть на трудностях Страны Советов: на обострении классовой борьбы в связи с наступательной политикой советской власти на капиталистические элементы города и деревни, на сложности международной обстановки. Они ставили свою ставку на кулачество и его идеологов. Для осуществления своих реставраторских замыслов империалистические хищники использовали реакционные элементы старой технической интеллигенции, недовольные советским режимом. Кроме того, они стремились использовать и те слои интеллигенции, которые заколебались под влиянием воплей троцкистов и правых оппортунистов о «гибели» политики партии, о «крахе» советской власти.

На сцену выступили интервенционистские упования буржуазной интеллигенции и в связи с этим вредительство как метод классовой борьбы.

В различные периоды социалистического строительства оно проявлялось в разных формах. Вредительство как метод классовой борьбы впервые было вскрыто «шахтинским процессом» над вредителями угольной промышленности (1928 г.).

Методом вредительства действовали и кулацко-эсеровская группа Чаянова–Кондратьева в Наркомземе и Наркомфине и «инженерная» группа Рамзина.

Процесс «промпартии» (1930 г.), а затем меньшевистской организации Громана и К° (1931 г.), связанной со II Интернационалом, показал, что все три группы – и меньшевики, и эсеры-чаяновцы, и «инженерная» группа Рамзина – связались с империалистической буржуазией европейских стран, ставящей те же цели вооруженной интервенции.

Платформой, на которой объединились все три контрреволюционные группировки, было: а) восстановление капиталистических отношений в СССР; б) ставка на интервен-

цию как на единственно возможный путь к свержению советской власти; в) вредительство как основной метод контрреволюционной работы внутри СССР и дезорганизаторская работа в армии.

Но вредительство и шпионаж – не единственные средства борьбы капиталистического окружения в эти годы. Империалисты хотели «прощупать» СССР, спровоцировать его на войну. Отсюда – нападения на советские посольства в Пекине, попытка взрыва посольства в Варшаве, нападение на «Аркос» в Лондоне, убийства советских послов (т. Войкова), разрыв дипломатических отношений с Англией, наконец, вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (1929 г.), когда нашей Красной Армии пришлось проучить зарвавшихся китайских империалистов.

Используя сопротивление ликвидируемого кулачества, империалисты провоцируют убийства и отравления рабочих. Наглядно это показал процесс 48 вредителей-«снабженцев» в 1930 г., которые орудовали на фронте общественного питания. Известно, что кулацкий саботаж и вредительство в колхозах в районах Кубани в 1932 г. поднимала «на щит» вся фашистская и белоэмигрантская печать. Известно, что украинские националисты, продавшиеся германским и польским контрразведкам, всячески стремились усиливать и осложнять трудности реорганизационного периода в сельском хозяйстве.

С победой социализма в нашей стране капиталистическое окружение лишилось своей социальной (классовой) базы внутри СССР. Победа индустриализации и колхозного строя, ликвидация эксплуататорских классов развеяли в прах надежды международной буржуазии и ее агентуры на «социальный переворот», на реставрацию капитализма с помощью кулачества и вредительства старой интеллигенции. Уже в 1931 г., под влиянием побед социализма, наметился определенный поворот в сторону советской власти даже той части интеллигенции, которая ранее сочувствовала вредительству.

Теперь, когда трудящиеся нашей страны объединены общими интересами строительства социализма, кадры вредителей и реставраторов капитализма империалисты могут найти только среди отбросов нашего общества, в осколках разгромленных классов.

Процесс антисоветского троцкистского центра показал, что империалисты нашли себе агентуру в лице троцкистско-

зиновьевской банды, ставшей знаменосцем капиталистической реставрации в СССР, превратившейся в сборный пункт всех враждебных социализму сил.

Десятилетиями боровшаяся против большевиков, никогда не верившая в возможность построения социализма в одной стране, в социалистический характер нашей революции, троцкистско-зиновьевская свора хотела превратить советское хозяйство в «придаток» капиталистического мира. Уже в 1922 г. Иуда-Троцкий предлагал разрешить нашим предприятиям закладывать советское имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам. Сокольников, настаивая на сохранении хозяйственной отсталости нашей страны, был явным сторонником ее дауэсизации,[1] то есть закабаления мировым империализмом...

И они «искали» соглашения на основе роспуска колхозов и совхозов, восстановления кулацкой кабалы, на сдаче промышленных предприятий в частную собственность и концессии капиталистам, наконец, на разделе территории СССР и распродаже ее германским и японским фашистам. Троцкистская программа реставрации капитализма в нашей стране была основой соглашения Троцкого и его сообщников с Гессом, с генеральными штабами Японии и Германии.

Заключая соглашение «о борьбе с большевизмом», японские и германские фашисты, готовясь к походу против СССР, стремились создать фашистский отряд внутри СССР. И они нашли этот отряд в мерзком отребье троцкистско-зиновьевского и «параллельного» центров.

Пятаков показывал на суде, что отправным пунктом троцкистского «варианта» пораженчества было содействие фашизму в нападении на Советский Союз. Троцкий и его банда понимали, что внутри страны нет такой силы, на которую они могли бы опереться, поэтому они делали ставку на войну и пораженчество. В беседе со своим подручным – Пятаковым, Иуда-Троцкий называл даже дату новой войны – 1937 год.<...>

Троцкистско-зиновьевская банда в полном согласии и при материальной поддержке иностранных разведок подготовляла террористические акты против руководителей Советского государства, в первую очередь против вождя народа товарища Сталина и его соратников.

---

[1] *Дауэсизация* – осуществление плана Дауэса (по имени американского банкира Ч. Дауэса) – плана восстановления германской экономики после первой мировой войны 1914–1918 гг. Действовал в период 1924–1929 гг.

Негодяям из троцкистско-зиновьевской банды удалось убить незабвенного Кирова.

На почве диверсий, вредительства, шпионажа, террора полностью слилась и переплелась деятельность троцкистов-зиновьевцев с фашистами, с контрразведчиками. Всякие различия между шпионами-контрразведчиками и троцкистами давно исчезли.<...>

Еще не все враги народа изловлены, еще не все они разоружены, но как бы они ни старались подорвать мощь социализма, их попытки реставрировать капиталистические отношения в СССР окажутся тщетными. Родина наша неуязвима и непобедима. И если империалистические, фашистские государства осмелятся поднять новую контрреволюционную войну против СССР, то эта война окажется самой опасной для фашизма войной.<...>

Комсомольская правда. – 1937. – 2 февраля.
Враги народа. К итогам процесса антисоветского троцкистского центра. М., 1937. – С. 51–54, 84–91.

66. Из личного фонда И. В. Сталина

(Шифром)

Нац. ЦК, крайкомам, обкомам

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюции о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должен быть окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июля.

11.VI. 37. 16 ч. 50 м. Секретарь ЦК Сталин

Секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий

За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против Советской власти путем целой системы издевок и глумлений над ними.

ЦК считает существенным недостатком руководства в

деле разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.

Считаю совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, – ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райЗО, предРИКа, секретари РК и т. п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати.

3.VIII.37. 20 ч. 40 м. Секретарь ЦК ВКП(б) Сталин

(Шифром)

Москва ЦК ВКП(б)
Тт. Сталину, Ежову из Канска

25 августа произошел пожар на Канском мелькомбинате, сгорело все оборудование. В зернохранилище комбината хранилось 5 тысяч тонн зерна, 3 тысячи тонн муки. По неточным подсчетам погибло не менее 30% зерна, муку отстояли полностью. Личной проверкой и проверкой НКВД установлена исключительная засоренность комбината врагами. Предварительное следствие показывает очевидность диверсии. Следствие форсируем, результаты сообщу дополнительно.

27.VIII.37. 9 ч. 35 м. Соболев

Красноярск. Крайком
Соболеву

Поджог мелькомбината, должно быть, организован врагами. Примите все меры к раскрытию поджигателей. Виновных судить ускоренно. Приговор – расстрел. О расстреле опубликовать в местной печати.

27.VIII. 37. 17 ч. 10 м. Секретарь ЦК Сталин

(Шифром)

Москва ЦК ВКП(б) тов. Сталину

24 августа в Андреевском районе выездная сессия спецколлегии облсуда приступила к слушанию дела контр-

революционной банды вредителей, орудовавших в сельском хозяйстве Андреевского района. Интерес к процессу большой. В зале суда присутствует свыше 500 человек колхозников из всех сельсоветов и колхозов района. 24 августа во всех сельсоветах района и большинстве колхозов проведены митинги, собрания и читки материалов о процессе. Ежедневно выпускается газета-многотиражка. Для массовой работы в сельсоветы и колхозы направлен районный актив. В колхозах выделены чтецы и беседчики о процессе. Поступает много резолюций от трудящихся районов с требованием применения к вредителям высшей меры наказания. Колхозники берут конкретные обязательства – повышение революционной бдительности, досрочная сдача хлебозаготовок и госпоставок, быстрейшее окончание озимого сева, обработки льна, усиление подписки на заем и т. д.

26-го вечером ожидается приговор.

И. о. Секретаря запобкома Коротченков
27.VIII.37. 9 ч. 45 м.

Смоленск. Обком
Коротченкову

Советую приговорить вредителей Андреевского района к расстрелу, а о расстреле опубликовать в местной печати.

27.VIII.37. 17 ч. 00 м. Секретарь ЦК Сталин.

Российские вести – 1992. – № 17. – 9 июня.

67. Глазами человека моего поколения

Так же, как большинство, наверное, людей, во всяком случае, большинство молодых людей моего поколения, я думал тогда, что процесс над Тухачевским и другими военными, наверное, правильный процесс. Кому же могло понадобиться без вины осудить и расстрелять таких людей, как они, как маршалы Егоров и Тухачевский, заместитель наркома, начальник Генерального штаба, – о других я имел меньше представления, чем о них, но они в моем юношеском сознании были цветом нашей армии, ее командного состава, кто бы их арестовал и кто бы их приговорил к расстрелу, если бы они были не виноваты? Конечно же, не приходилось сомневаться в том, что это был какой-то страшный заговор против Советской власти. Сомневаться

просто не приходило в голову, потому что альтернативы не было — я говорю о том времени: или они виноваты, или это невозможно понять.<...>

Наверное, разбираясь в тогдашних представлениях людей моего поколения, вернее, пробуя в них разобраться, и, прежде всего, конечно, в своих собственных представлениях, надо провести какие-то грани между в одних случаях полною верою в правильность происходившего, а в других — полуверою, инстинктивными сомнениями — большими и меньшими.

В военный процесс я верил, ничего другого, кроме того, что так оно и было в действительности, представить себе не мог. Публичные процессы вызывали чувство некоторой оторопи — от той готовности все рассказать о себе и все признать, которая переходила из показания в показание. Вроде бы странно и сомневаться в том, что говорят о себе эти люди, — все это, в общем, выстраивалось в казавшуюся по тем временам довольно стройной и последовательной картину. И в то же время почему же все-таки все они признавались, все считали себя виноватыми, никто не отрицал своей вины или, наоборот, никто не настаивал на том, что он считал себя вправе поступать так, как он поступил?..

Главные же сомнения стали возникать просто-напросто от массовости происходящего. Хотя надо учитывать, что это сейчас мы, вспоминая то время, говорим о массовых незаконных репрессиях, когда чем дальше, тем больше все происходило не в судах, а просто решалось где-то, в каких-то тройках, о которых кто-то и откуда-то слышал, и люди исчезали. И, конечно, я с моим кругозором, с тем, что я знал, с тем, кого знал, — я имел представление, может быть, о том, как исчезал один человек из очень, очень многих сотен, а про других я ничего не знал, так же, как другие не знали про других. Но даже при этом условии ощущение массовости происходящего возникало, возникало чувство, что все это быть не может правильным, происходят какие-то ошибки. Об этом иногда говорили между собой. Потом, когда Ежов стал из наркомвнудела наркомом водного транспорта, а затем и вовсе исчез, справедливость этих сомнений подтвердилась как бы в общегосударственном масштабе...

Очевидно, Сталина с какого-то момента устраивало, чтобы все происшедшее в предыдущие годы связывалось поначалу с Ягодой, а потом главным образом с его

преемником Ежовым. Его устраивало, что все это прикреплялось к слову «ежовщина»...

Итак, в нашем сознании Сталин исправлял ошибки, совершенные до этого Ежовым и другими, всеми теми, кто наломал дров. Для исправления этих ошибок назначен был Берия. Когда уже при нем, при Берии, в тридцать девятом году были арестованы и исчезли Мейерхольд и Бабель, то, скажу честно, несмотря на масштаб этих имен в литературе и в театре и на то потрясение, которое произвели эти внезапные – уже в это время – аресты, внезапные и, в общем, в этой среде уже единичные, именно потому, что они были единичные, и потому, что это было уже при Берии, который исправлял ошибки, совершенные при Ежове, – было острое недоумение: может быть, в самом деле вот эти люди, посаженные уже в тридцать девятом году, в чем-то виноваты? Вот другие, посаженные раньше, при Ежове, многие из них, наверное, были не виноваты, неизвестно, как все это было, но эти, которых при Ежове никто не трогал, а когда стали поправлять происшедшее, их вдруг арестовали, может, к этому были действительные причины?

Не знаю, как у других, у меня такие мысли были в то время, и я не вижу причин забывать о том, что они были. Это было бы упрощением сложности духовной обстановки того времени. <...>

И все же первые корни двойственного отношения к Сталину – там, в тридцатых годах. Осознанные, неосознанные, полуосознанные, но все-таки где-то в душе произраставшие.

Дело не в том, что ровно ничего не знали, а в том дело, что, ощущая и, в какой-то мере, зная о том дурном, что делается... гораздо больше знали о хорошем. Я сознательно употребляю эти два очень общие, неконкретные слова – «дурное» и «хорошее», потому что в другие не вместишь то, что под этим подразумевалось в то время.

Что же хорошее было связано для нас, для меня в частности, с именем Сталина в те годы? А очень многое, почти все, хотя бы потому, что к тому времени уже почти все в нашем представлении шло от него и покрывалось его именем. Проводимой им неуклонно генеральной линией на индустриализацию страны объяснялось все, что происходило в этой сфере. А происходило, конечно, много удивительных вещей. Страна менялась на глазах. Когда что-то не выходило – значит, этому кто-то мешал. Сначала мешали

вредители, промпартия, потом, как выяснилось на процессах, мешали левые и правые оппозиционеры. Но, сметая все на пути индустриализации, Сталин проводил ее железной рукой. Он мало говорил, много делал, много встречался по делам с людьми, редко давал интервью, редко выступал и достиг того, что каждое его слово взвешивалось и ценилось не только у нас, но и во всем мире. Говорил он ясно, просто, последовательно; мысли, которые хотел вдолбить в головы, вдалбливал прочно, и, в нашем представлении, никогда не обещал того, что не делал впоследствии.

Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война...

А за этим стояло многое из того, что делал Сталин для армии. То, что он занимался армией, вооружением ее, снабжением, отдавал ей много времени и сил, придавал ей должное значение, готовил страну к борьбе, вооруженной борьбе в трудных условиях, было для нас несомненно. Поэтому в итоге, несмотря на некоторые неприятные для нашего сознания неожиданности, мы высоко ценили его деятельность в этом направлении...

К этому кругу «хорошего», связанного в нашей жизни с тогдашними представлениями о Сталине, относилась еще и Арктика – спасение экипажа «Челюскина», высадка на Северном полюсе Папанина с товарищами, перелеты Чкалова и Громова. За организацией всего этого, за всеми этими смелыми предприятиями в нашем ощущении стоял Сталин, к нему приезжали, ему докладывали об этом. А связанные с этим торжества приобретали характер всенародный, и это сближало всех нас, за редким исключением, с в общем-то далекой, отъединенной фигурой Сталина.

Симонов К. Глазами человека моего поколения. – М., 1988. – С. 65, 66, 68–69, 70, 74–76.

XIX. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

68. Сталин и Горький

В дореволюционной России Горький пользовался репутацией защитника угнетенных и мужественного противника самодержавия. В дальнейшем, несмотря на личную дружбу с Лениным, он в первые годы революции нападал на него, осуждая в своей газете «Новая жизнь» красный террор и беря под защиту преследуемых «бывших людей».

Задолго до смерти Горького Сталин пытался сделать его своим политическим союзником. Те, кому была известна неподкупность Горького, могли представить, насколько безнадежной являлась эта задача. Но Сталин никогда не верил в человеческую неподкупность. Напротив, он часто указывал сотрудникам НКВД, что в своей деятельности они должны исходить из того, что неподкупных людей не существует вообще. Просто у каждого своя цена.

Руководствуясь такой философией, Сталин начал обхаживать Горького.

В 1928 г. ЦК партии начал всесоюзную кампанию за возвращение Горького в СССР.

Под влиянием этих призывов Горький вернулся в Москву. С этого момента начала действовать программа его задабривания, выдержанная в сталинском стиле. В его распоряжение были предоставлены особняк в Москве и две благоустроенные виллы – одна в Подмосковье, другая в Крыму. Снабжение писателя и его семьи всем необходимым было поручено тому же самому управлению НКВД, которое отвечало за обеспечение Сталина и членов Политбюро. Для поездок в Крым и за границу Горькому был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон. По указанию Сталина, Ягода стремился ловить на лету желания Горького и исполнять их. Вокруг его вилл были высажены его любимые цветы, специально доставленные из-за границы. Он курил особые папиросы, заказываемые для него в Египте. По первому требованию ему доставлялась любая книга из любой страны. Горький, по натуре человек скромный и умеренный, пытался протестовать против вызывающей роскоши, которой его окружали, но ему было сказано, что Максим Горький в стране один.

Как и было обещано, он получил возможность проводить осень и зиму в Италии и выезжал туда каждый год (с 1929 по 1933). Его сопровождали два советских врача, наблюдавшие за состоянием его здоровья во время этих поездок.

Вместе с заботой о материальном благополучии Горького Сталин поручил Ягоде его «перевоспитание». Надо было убедить старого писателя, что Сталин строит настоящий социализм и делает все, что в его силах, для подъема жизненного уровня трудящихся.

С первых же дней пребывания писателя в Москве Ягода принял меры, чтобы он не мог свободно общаться с населением. Зато он получил возможность изучать жизнь народа на встречах с рабочими различных заводов и

тружениками подмосковных образцово-показательных совхозов. Эти встречи тоже организовывались НКВД. Когда Горький появлялся на заводе, собравшиеся приветствовали его с восторгом. Специально выделенные ораторы выступали с речами о «счастливой жизни советских рабочих» и о великих достижениях в области образования и культуры трудящихся масс. Руководители местных парткомов провозглашали: «Ура в честь лучших друзей рабочего класса – Горького и Сталина!»

Ягода старался так заполнить дни Горького, что у того просто не оставалось времени на самостоятельные наблюдения и оценки. Его возили на те же зрелища, какими гиды Интуриста потчевали иностранных туристов. Особенно заинтересовали его две коммуны, организованные под Москвой, в Болшеве и в Люберцах, для бывших уголовников. Те привыкли встречать Горького бурными аплодисментами и заранее заготовленными речами, в которых благодарность за возвращение к честной жизни выражалась двум лицам: Сталину и Горькому. Дети бывших преступников декламировали отрывки из горьковских произведений. Горький бывал так глубоко растроган, что не мог сдержать слез. Для сопровождавших его чекистов это было верным признаком, что они добросовестно выполняют инструкции, полученные от Ягоды.<...>

Горький взялся также опекать различные культурные начинания, в помощь писателям-самоучкам организовал журнал «Литературная учеба». Он участвовал в работе так называемой ассоциации пролетарских писателей, во главе которой стоял Авербах, женатый на племяннице Ягоды. Прошло несколько месяцев со дня приезда Горького в СССР – и он уже был так загружен, что не имел свободной минуты...

Зная горьковскую отзывчивость, Ягода подготовил для него своеобразное развлечение. Раз в год он брал его с собой инспектировать какую-нибудь тюрьму. Там Горький беседовал с заключенными, предварительно отобранными НКВД из числа уголовников, которых намечалось освободить досрочно. Каждый из них рассказывал Горькому о своем преступлении и давал обещание начать после освобождения новую, честную жизнь. Сопровождавший чекист – обычно это был не лишенный актерских задатков Семен Фирин – доставал карандаш и блокнот и вопросительно взглядывал на Горького. Если тот кивал, Фирин записывал имя заключенного и давал распоряжение охране

освободить его. Иногда, если заключенный был молод и производил особенно хорошее впечатление, Горький просил чтобы этому юноше предоставили место в одной из образцово-показательных коммун для бывших уголовников. <...>

В счастливом неведении Горький оставался до той поры, пока сталинская коллективизация не привела к голоду и страшной трагедии осиротевших детей, десятками тысяч хлынувших из сел в города в поисках куска хлеба. Хотя окружавшие писателя люди всячески старались преуменьшить размеры бедствия, он был не на шутку встревожен. Он начал ворчать, а в разговорах с Ягодой открыто осуждал многие явления, которые заметил в стране, но о которых до поры до времени помалкивал.

В 1930 или 1931 г. в газетах появилось сообщение о расстреле сорока восьми человек, виновных будто бы в том, что они своими преступными действиями вызвали голод. Это сообщение привело Горького в бешенство. Разговаривая с Ягодой, он обвинил правительство в расстреле невинных людей с намерением свалить на них ответственность за голод. Ягода с сотрудниками так и не смогли убедить писателя, что эти люди действительно были виновны.

Некоторое время спустя Горький получил из-за границы приглашение вступить в международный союз писателей-демократов. В соответствии с инструкцией Сталина Ягода заявил, что Политбюро против этого, потому что некоторые члены союза уже успели подписать антисоветское обращение к Лиге защиты прав человека, протестуя против недавних казней в СССР. Политбюро надеется, что Горький вступится за честь своей страны и поставит клеветников на место.

Горький заколебался. В самом деле, в «домашних» разговорах с Ягодой он мог брюзжать и протестовать против жестоких действий правительства, но в данном случае речь шла о защите СССР от нападок мировой буржуазии. Он ответил международному союзу писателей-демократов, что отказывается от вступления в эту организацию по такой-то и такой причине. Он добавил, что вина расстрелянных в СССР людей представляется ему несомненной.

Между тем сталинские щедроты сыпались на Горького как из рога изобилия. Совет Народных Комиссаров специальным постановлением отметил его большие заслуги перед русской литературой. Его именем было названо несколько предприятий. Моссовет принял решение переименовать главную улицу Москвы — Тверскую — в улицу Горького.

В то же время Сталин не делал попыток лично сблизиться с Горьким. Он виделся с ним раз или два в году по случаю революционных праздников, предоставляя ему самому сделать первый шаг. Зная горьковскую слабость, Сталин прикинулся крайне заинтересованным в развитии русской литературы и театра и даже предложил Горькому должность наркома просвещения. Писатель, однако, отказался, ссылаясь на отсутствие у него административных способностей.

Когда Ягода с помощниками решили, что Горький уже полностью под их влиянием, Сталин попросил Ягоду внушить старому писателю: как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине...

Сталину не терпелось, чтобы популярный русский писатель обессмертил его имя. Он решил осыпать Горького царскими подарками и почестями и таким образом повлиять на содержание и, так сказать, тональность будущей книги.

За короткое время Горький удостоился таких почестей, о которых крупнейшие писатели мира не могли и мечтать. Сталин распорядился назвать именем Горького крупный промышленный центр – Нижний Новгород. Соответственно и вся Нижегородская область переименовывалась в Горьковскую. Имя Горького было присвоено Московскому Художественному театру, который, к слову сказать, был основан и получил всемирную известность благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко, а не Горькому. Все эти сталинские щедроты отмечались пышными банкетами в Кремле, на которых Сталин поднимал бокал за «великого писателя земли русской» и «верного друга большевистской партии». Все это выглядело так, словно он задался целью доказать сотрудникам НКВД правильность своего тезиса: «У каждого человека своя цена». Однако время шло, а Горький все не начинал писать книгу про Сталина.

Я сидел как-то в кабинете Агранова. В кабинет вошел организатор знаменитых коммун из бывших уголовников – Погребинский, с которым Горький был особенно дружен. Из разговора стало ясно, что Погребинский только что вернулся с подмосковной горьковской виллы. «Кто-то испортил все дело, – жаловался он. – Я уж и так подходил к Горькому, и этак, но он упорно избегает разговора о книге». Агранов согласился, что, по-видимому, кто-то действительно «испортил все дело». На самом же деле Сталин и руководство НКВД просто недооценили характер Горького.

Горький не был так прост и наивен, как им казалось. Зорким писательским глазом он постепенно проник во все, что делается в стране. Зная русский народ, он мог читать по лицам, как в раскрытой книге, какие чувства испытывают люди, что их волнует и беспокоит...

Но больше всего терзала Горького все усиливающаяся травля старых большевиков. Многих из них он лично знал с дореволюционных времен. В 1932 г. он высказал Ягоде свое горькое недоумение в связи с арестом Каменева, к которому относился с глубоким уважением. Услышав об этом, Сталин распорядился освободить Каменева из заключения и вернуть его в Москву. Можно припомнить еще несколько случаев, когда вмешательство Горького спасало того или другого из старых большевиков от тюрьмы и ссылки. Но писатель не мог примириться уже с самим фактом, что старых членов партии, томившихся в царских тюрьмах, теперь вновь арестовывают. Он высказывал свое возмущение Ягоде, Енукидзе и другим влиятельным деятелям, все больше раздражая Сталина.

...Отношения между Горьким и Сталиным становились натянутыми. К началу 1934 г. стало окончательно ясно, что столь желанной книги Сталину так и не видать.

Изоляция Горького стала еще более строгой. К нему допускались только немногие избранные, отфильтрованные НКВД. Если Горький выражал желание увидеться с кем-то посторонним, нежелательным для «органов», то этого постороннего старались немедленно услать куда-нибудь из Москвы... Мнение самого Горького уже больше не принималось во внимание... Будучи знаменитым советским писателем, он принадлежал государству, поэтому право судить, что ему на пользу, а что нет, стало прерогативой Сталина.

«С паршивой овцы — хоть шерсти клок»... Не получилось с книгой, решил Сталин, пусть напишет хотя бы статью. Ягоде было приказано передать Горькому такую просьбу. Приближается годовщина Октября и хорошо бы, чтоб Горький написал для «Правды» статью «Ленин и Сталин». Руководители НКВД были уверены, что на этот раз Горький не сможет уклониться от заказа. Но он вновь оказался принципиальнее, чем они рассчитывали, и обманул ожидания Ягоды.

Вскоре после этого Сталин предпринял еще одну и, насколько мне известно, последнюю попытку воспользоваться авторитетом Горького. Дело происходило в декабре

1934 г. Только что были арестованы Зиновьев и Каменев, которым намечалось предъявить обвинение в организации убийства Кирова. В эти дни Ягода передал Горькому задание написать для «Правды» статью с осуждением индивидуального террора. Сталин рассчитывал, что эту статью Горького в народе расценят как выступление писателя против «зиновьевцев». Горький, конечно, понимал в чем дело. Он отклонил просьбу, услышанную от Ягоды, сказав при этом: «Я осуждаю не только индивидуальный, но и государственный террор!»

После этого Горький опять, на этот раз официально, потребовал выдать ему заграничный паспорт для выезда в Италию. Конечно, ему вновь было отказано. В Италии Горький мог, чего доброго, действительно написать книгу, но она была бы совсем не та, какую мечтал иметь Сталин. Так писатель и остался сталинским пленником до смерти, последовавшей в июне 1936 г.

После смерти Горького сотрудники НКВД нашли в его вещах тщательно припрятанные заметки. Кончив их читать, Ягода выругался и буркнул: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!»

Заметки Горького по сей день остаются недоступны миру.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Книга комиссара НКВД, в 1933 году вместе с семьей тайно оставшегося в США. – М., 1991. – С. 259–261, 262–265, 266–267.

69. Справка из архива НКВД об А. Платонове[1]

А. Платонов – сын рабочего и сам бывший рабочий, получил незаконченное высшее техническое образование и работал в системе ВСНХ как инженер-консультант по электростроению. За последнее время работает в тресте точной механики, где как изобретатель электрических весов премирован. На получаемое жалованье с этой своей работы Платонов и живет. Литературные доходы были относительно значительны в прошлом, но за последние два-три года он фактически не печатается и никаких гонораров не получает. Живет бедно.

---

[1] Этот документ обнаружен недавно группой, изучавшей следственные дела писателей. Он открывал папку с делом А. Платонова. Автор «Справки» – оперуполномоченный 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Шиваров. Дело заведено в 1933 г., когда у А. Платонова была изъята папка с замыслом «Технического романа».

Среду профессиональных литераторов избегает. Непрочные и не очень дружественные отношения поддерживает с небольшим кругом писателей. Тем не менее среди писателей популярен и очень высоко оценивается как мастер. Леонид Леонов и Б. Пильняк охотно ставят его наравне с собой, а Вс. Иванов даже объявляет его лучшим современным мастером прозы.

Из опубликованных произведений Платонова наиболее известны: «Рождение мастера» – первая повесть писателя; «Епифанские шлюзы» – основная идея в аналогии между Петровской эпохой и эпохой соцстроительства в СССР; «Впрок» – сатира на колхозное строительство.

За опубликование повести «Впрок» редакция журнала «Красная Новь» получила выговор, и фактически только после этого Платонова начали прорабатывать и перестали печатать. Платонов тогда говорил: «Мне все равно, что другие будут говорить. Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), а этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует».

Написанные после повести «Впрок» произведения Платонова говорят об углублении антисоветских настроений Платонова. Все они характеризуются сатирическим, контрреволюционным по существу подходом к основным проблемам социалистического строительства.

Платонов пытался опубликовать полностью или отрывками некоторые из этих произведений, убеждая, что опубликование их не только допустимо, но и необходимо в интересах партии. «...Нет ведь ни одного писателя, имеющего такой подход в тайники душ и вещей, как я.

Добрая половина моего творчества помогает партии видеть всю плесень некоторых вещей больше, чем РКИ».

Платонов читает свои произведения только своим ближайшим друзьям: А. Новикову и И. Сацу, и не пускает свои рукописи по рукам».

Справка об авторе А. Платонове // Огонек. – 1990. – № 40.

70. Ученый и власть

В начале сентября 1934 г. Петр Леонидович Капица, директор Мондовской лаборатории при Кембриджском университете, член Лондонского королевского общества и тогда еще только член-корреспондент АН СССР, приехал в Ленинград, чтобы повидать родных и друзей и принять

участие в Международном конгрессе, посвященном 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева. Это было его шестое посещение родной страны, с тех пор, как в 1921 г. он начал работать в Англии у знаменитого Резерфорда в кавендишской лаборатории.

25 сентября ему позвонили в Ленинград из Совета Народных Комиссаров и попросили срочно приехать в Москву. Заместитель Председателя СНК В. И. Межлаук сообщил ученому, что на этот раз поехать в Англию он не сможет. Это решение Политбюро... Так Капица впервые столкнулся вплотную с Государственной Властью.

Анна Алексеевна, его жена, одна уехала в Кембридж к малолетним сыновьям Сергею и Андрею. Петр Леонидович остался. Продолжать исследования в области сильных магнитных полей и низких температур, которые он вел в Кембридже, ученый теперь не мог, для этого требуются сложнейшее оборудование и работники очень высокой квалификации. Ни того, ни другого пока нет в стране. И будущий Нобелевский лауреат решается... в знак протеста прекратить исследования в области физики. Это был вызов Власти, начало борьбы, которая продолжалась всю долгую жизнь академика Капицы. Он боролся не за себя – за достоинство Ученого, за Науку.

Тогда, в 1934-м, Власть уступила. В середине декабря Советское правительство обещает Капице купить все научное оборудование его кембриджской лаборатории. В. М. Молотов подписывает постановление СНК СССР о строительстве в Москве Института физических проблем. Несколько дней спустя газеты сообщат, что директором нового института назначен профессор П. Л. Капица.

12 февраля 1937 г. на следующий день после того, как в Ленинграде был арестован молодой талантливый физик-теоретик В. А. Фок, Капица отправляет письмо Сталину. «Такое обращение с Фоком, – писал он Сталину, – вызывает как у нас, так и у западных ученых внутреннюю реакцию, подобную, например, (реакции) на изгнание Эйнштейна из Германии».

Поразительно, но после этого вызывающего письма Фок был немедленно освобожден! Ученый выиграл у Власти и второй раунд...

Рассказывают, что однажды на Красной площади Сталин попросил показать ему Капицу. Хотел увидеть того, кто, судя по письмам, его не боялся. Но встретиться с ученым лицом к лицу не пожелал...

Белецкая В., Рубинин П. Ученый и власть //Огонек. – 1989. – № 28.

71. Из писем П. Л. Капицы И. В. Сталину

12 февраля 1937 г.

...2. Арест Фока есть акт грубого обращения с ученым, который так же, как и грубое обращение с машиной, портит его качество. Портить же работоспособность Фока – это наносить ущерб всей мировой науке. 3. Такое обращение с Фоком вызывает как у нас, так и у западных ученых внутреннюю реакцию, подобную, например, (реакции) на изгнание Эйнштейна из Германии. 4. Таких ученых, как Фок, у нас немного, и им Союзная наука может гордиться перед мировой наукой, но это затрудняется, когда его сажают в кутузку...

28 апреля 1938 г.

Товарищ Сталин.

Сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л. Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком – самые крупные физики-теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лучеиспускания...

Нет сомнения, что утрата Ландау как ученого для нашего Института, как и для советской, так и для мировой науки, не пройдет незаметно и будет сильно чувствоваться...

У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я прощал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недостатках в характере, мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-то нечестное.

Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам[1].

Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. – М., 1989, – С. 126, 174–175.

---

[1] Приказ об исключении Л. Д. Ландау из списков сотрудников Института физических проблем Капица подписал лишь 3 мая 1938 г. По-видимому, он надеялся, что его обращение к Сталину окажется столь же действенным, как и в случае с В. А. Фоком, и Ландау будет быстро освобожден. Этого не случилось. В. И. Межлаук, который помог освободить Фока, сам сидел в тюрьме как «враг народа». 29 июля 1938 г. он был расстрелян.

72. Пятая симфония

Еще весной 1937 г. дал Шостакович оркестру для разучивания свою Четвертую симфонию... Написал еще одну симфонию – Пятую. И эту симфонию мы имели возможность услышать вечером 21 декабря 1937 г. В сравнительно небольшом зале – бывшем зале Ассоциации камерной музыки – собрался цвет интеллигенции Ленинграда. Было много писателей и поэтов, музыкантов и артистов, ученых и военных. Зал был набит битком. Молодежь стояла в проходах у стен. При помощи наших ленинградских знакомых мы получили много билетов, и человек тридцать из нас, вахтанговцев, присутствовали на концерте. Помню, в первом отделении превосходный оркестр Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского играл Вагнера. Так как всю предыдущую ночь в вагоне поезда я играл с товарищами в шахматы и совершенно не спал, то мне большого труда стоило не заснуть в кресле под звуки «шелеста леса» из оперы «Зигфрид» и «смерти Изольды». Но вот после антракта опять поднялся Мравинский на дирижерскую эстраду, поднял палочку и начал первое в мире исполнение Пятой симфонии Шостаковича.

Когда я потом старался понять причину того потрясающего впечатления, которое произвела эта превосходная симфония на меня и на весь зал, то для меня становится бесспорным, что одних музыкальных ее достоинств оказалось бы для этого недостаточно, как бы ни были они велики сами по себе. И, конечно, понадобился целый комплекс событий, фактов и настроений, чтобы прекрасная музыка Пятой симфонии вызвала у слушателей ее такой взрыв восторга, такую невероятную овацию, такую бурю чувств, какие разразились в Ленинградском концертном зале 21 декабря 1937 г. Лишь только замолк последний аккорд финальной части симфонии, весь зал дрогнул от аплодисментов и встал. И стоя, аплодировали бесконечно долго, ни на мгновение не ослабляя аплодисментов. Шостакович выходил на авансцену кланяться бесчисленное количество раз: 10, 20, 40 раз. Он просто ходил, не останавливаясь, от середины рампы до выходной двери на эстраду и сейчас же должен был поворачиваться и идти обратно к рампе. Через полчаса я вышел с моим другом из зала, а овации все продолжались, и Шостакович все выходил и выходил на авансцену.

Долго ходили мы по берегу Невы, потрясенные только что пережитым. Идти в гостиницу спать мы не могли. До сна ли было нам! Конечно, этот небывалый триумф подготовило талантливому композитору само Советское правительство своей полуторагодичной травлей его и своей невежественной критикой его творчества. И собравшиеся в зале представители русской интеллигенции устроили грандиозную демонстрацию – искреннюю и восторженную – не только в знак своего восхищения симфонией, но и как выражение своего глубокого возмущения нажимом на свободное искусство, как знак солидарности с опальным композитором и сочувствия ему.

Когда мы с моим другом возвратились в отель «Астория», где обычно все мы останавливались, было уже около двух часов ночи. Войдя в вестибюль, мы услышали оживленные голоса и стук тарелок из соседнего ресторанного зала. Мы пошли в ресторан. За длинным, нарядно сервированным столом сидели многие из выдающихся представителей московской и ленинградской художественной интеллигенции. Банкет, судя по всему, начался совсем недавно и все его участники явно находились под властью тех же самых чувств, которые владели мною и моим другом. Сидевший во главе стола знаменитый ленинградский артист В. постучал ножом по тарелке и поднялся с полным бокалом. Все замолчали.

– Позвольте, товарищи, мне произнести тост, – начал он, – ...и хотелось бы мне всю мою совесть – совесть человека, тридцать пять лет жизни отдавшего искусству, все мои чувства, все мои идеалы, все мое сердце хотелось бы мне вложить в этот мой тост. Бывают, товарищи, большие художники, великие артисты, творческий путь которых усыпан розами и которые легко и свободно идут вперед к успехам и славе. Но есть и другие художники. Путь их тяжел, препятствия поджидают их на каждом шагу, дорога перед ними усыпана терниями. Но несмотря ни на что, идут они все вперед и вперед к самым сверкающим вершинам настоящего большого искусства. Я предлагаю тост за замечательного советского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича!

Присутствующие поднялись со своих мест и с волнением подняли свои бокалы. Но не успели их еще осушить, когда раздался голос Кузы:

– И за другого большого художника – гордость и славу советского театра – за Всеволода Эмильевича Мейерхольда!

После фурора, произведенного симфонией, опала Шостаковича кончилась. Так было выгоднее для правительства.

Шостакович был объявлен перестроившимся. В Пятой симфонии критики нашли обильные залежи и социализма и реализма. Поистине музыка – дело темное! И кто мог определить с полной достоверностью, что именно хотел Шостакович изобразить в этом, по существу, трагическом произведении, полном внутренних противоречий и глубоких конфликтов? Были ли это чувства восторга перед победой социализма в одной стране или что-нибудь совсем другое?

Как бы там ни было, но с начала 1938 г. Шостакович больше не разделял с Мейерхольдом высочайшей немилости.

Елагин Ю. Неустанная забота партии об актерах //Огонек. – 1990. – № 43.

XX. О ХАРАКТЕРЕ ПОСТРОЕННОГО ОБЩЕСТВА

73. Ф. Раскольников. Открытое письмо Сталину[1]

Я правду о тебе
порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Сталин, Вы объявили меня «вне закона». Этим актом Вы уравняли меня в правах – точнее в бесправии – со всеми советскими гражданами, которые под Вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю Вам входной билет в построенное Вами «царство социализма» и порываю с Вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол Вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата.

Вам не поможет, если награжденный орденом уважаемый революционер-народоволец Н. А. Морозов подтвердит, что именно за такой «социализм» он провел 20 лет своей жизни под сводами Шлиссельбургской крепости.

Стихийный рост недовольства рабочих, крестьян, интеллигенции властно требовал крутого политического маневра, наподобие ленинского перехода к НЭПу в 1921 г. Под напором советского народа Вы «даровали» демократичес-

---

[1] Приводится с небольшими сокращениями.

кую Конституцию. Она была принята всей страной с неподдельным энтузиазмом.

Честное проведение в жизнь демократических принципов Конституции 1936 г., воплотившей надежды и чаяния всего народа, ознаменовало бы новый этап расширения советской демократии.

Но в Вашем понимании всякий политический маневр – синоним надувательства и обмана. Вы культивируете политику без этики, власть без честности, социализм без любви к человеку.

Что Вы сделали с Конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего Вашей личной власти, Вы растоптали Конституцию, как клочок бумаги, а выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями Вы бесшумно уничтожаете «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяин земли советской не Верховный Совет, а Вы. Вы сделали все, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того, чтобы пойти по линии намеченного Конституцией поворота, Вы подавляете растущее недовольство насилием и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом Вашей личной диктатуры, Вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдет под именем «эпохи террора».

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза – все в равной мере подвержены ударам Вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

Как во время извержения вулкана огромные глыбы с треском и грохотом рушатся в жерло кратера, так целые пласты советского общества срываются и падают в пропасть.

Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, потом перешли к истреблению старых большевиков, затем уничтожили партийные и беспартийные кадры, выросшие в гражданской войне и вынесшие на своих плечах строительство первых пятилеток, и организовали избиение комсомола.

Вы прикрываетесь лозунгом борьбы с «троцкистско-бухаринскими шпионами», но власть в Ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без Вашего разрешения.

Кто насаждал так называемых «врагов народа» на самые ответственные посты государства, партии, армии и дипломатии?

– Иосиф Сталин.

Кто внедрял так называемых «вредителей» во все поры советского и партийного аппарата?

– Иосиф Сталин.

Прочитайте старые протоколы Политбюро: они пестрят назначениями и перемещениями только одних «троцкистско-бухаринских шпионов», «вредителей» и «диверсантов», а под ними красуется подпись: И. Сталин.

Вы сковали страну жутким страхом террора, даже смельчак не может бросить Вам в лицо правду.

Волны самокритики «невзирая на лица» почтительно замирают у подножия Вашего пьедестала.

Вы непогрешимы, как папа! Вы никогда не ошибаетесь!

Но советский народ отлично знает, что за все отвечаете Вы, «кузнец всеобщего счастья».

С помощью грязных подлогов Вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые Вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, что М. Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезда под откос.

Зная, что все ложь, Вы поощряете своих клевретов:

– Клевещите, клевещите, от клеветы всегда что-нибудь останется.

Как Вам известно, я никогда не был троцкистом. Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях. И сейчас я не согласен с политической позицией Троцкого, с его программой и тактикой. Принципиально расходясь с Троцким, я считаю его честным революционером. Я не верю и никогда не поверю в его сговор с Гитлером и Гессом.

Вы – повар, готовящий острые блюда: для нормального человеческого желудка они несъедобны.

Над гробом Ленина Вы произнесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить, как зеницу ока, единство партии. Клятвопреступник, Вы нарушили и это завещание Ленина.

Вы оболгали, обесчестили и расстреляли многолетних соратников Ленина: Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и др., невиновность которых Вам была хорошо известна. Перед смертью Вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы.

А где герои Октябрьской революции? Где Бубнов? Где Крыленко? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко?

Вы арестовали их, Сталин.

Где старая гвардия? Ее нет в живых.

Вы расстреляли ее, Сталин.

Вы растлили и загадили души Ваших соратников. Вы заставили идущих за Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей.

В лживой истории партии, написанной под Вашим руководством, Вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных Вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги.

Вы уничтожили партию Ленина, а на ее костях построили новую «партию Ленина – Сталина», которая служит удачным прикрытием Вашего единовластия. Вы создали ее не на базе общей программы и тактики, как строится всякая партия, а на безыдейной основе личной любви и преданности Вам. Знание программы новой партии объявлено необязательным для ее членов, но зато обязательна любовь к Сталину, ежедневно подогреваемая печатью. Признание партийной программы заменяется объяснением любви к Сталину.

Вы – ренегат, порвавший со своим вчерашним днем, предавший дело Ленина. Вы торжественно провозгласили лозунг выдвижения новых кадров. Но сколько этих молодых выдвиженцев уже гниет в Ваших казематах? Сколько из них Вы расстреляли, Сталин?

С жестокостью садиста Вы избиваете кадры, полезные и нужные стране. Они кажутся Вам опасными с точки зрения Вашей личной диктатуры.

Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин.

Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили институт политических комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль.

Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

Пользуясь тем, что Вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной Вами воде, в изобилии подбрасывают Вам подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

В созданной Вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Народного комиссариата внутренних дел, которому Вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному» документу верят – или притворяются, что верят, – как неоспоримому доказательству.

Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, «внутренняя линия» РОВСа в лице капитана Фосса добилась разгрома нашего полпредства в Болгарии от шофера М. И. Казакова до военного атташе В. Т. Сухорукова.

Вы уничтожаете одно за другим важнейшие завоевания Октября. Под видом борьбы с текучестью рабочей силы Вы отменили свободу труда, закабалили советских рабочих и прикрепили их к фабрикам и заводам. Вы разрушили хозяйственный организм страны, дезорганизовали промышленность и транспорт, подорвали авторитет директора, инженера и мастера, сопровождая бесконечную чехарду смещений и назначений арестами и травлей инженеров, директоров и рабочих как «скрытых, еще не разоблаченных вредителей».

Сделав невозможной нормальную работу, Вы под видом борьбы с «прогулами» и «опозданиями» трудящихся заставляете их работать бичами и скорпионами жестких и антипролетарских декретов.

Извращая теорию Ленина об отмирании государства, как извратили всю теорию марксизма-ленинизма, Вы устами ваших безграмотных доморощенных «теоретиков», занявших вакантные места Бухарина, Каменева и Луначарского, обещаете даже при коммунизме сохранить власть ГПУ.

Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Под видом борьбы с «разбазариванием колхозной земли» Вы разоряете приусадебные участки, чтобы заставить крестьян работать на колхозных полях. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, отличающих Вашу тактику, Вы сделали все, чтобы дискредитировать в глазах крестьян ленинскую идею коллективизации.

Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли», Вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает. Неистовость запуганной Вами цензуры и понятная робость редакторов, за все отвечающих своей головой, привели к окостенению и параличу советской литературы. Писатель не может печататься, драматург не может ставить пьесы на сцене театра, критик не может высказать свое личное мнение, не отмеченное казенным штампом.

Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь Вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспевает Вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность».

Бездарные графоманы славословят Вас, как полубога, «рожденного от Луны и Солнца», а Вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести.

Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных русских писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Михаил Кольцов? Где Тарасов-Родионов? Где Галина Серебрякова, виновная в том, что была женой Сокольникова?

Вы арестовали их, Сталин.

Вслед за Гитлером Вы воскресили средневековое сжигание книг.

Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащих немедленному и безусловному уничтожению. Когда я был полпредом в Болгарии, то в 1937 г., в полученном мною списке обреченной огню запретной литературы, я нашел мою книгу исторических воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году». Против фамилии многих авторов значилось: «Уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа становится невозможной.

Самоуверенные невежды интригами, склоками и травлей не дают работать ученым в университетах, лабораториях и институтах.

Выдающихся русских ученых с мировым именем, академиков Ипатьева и Чичибабина Вы на весь мир провозгласили «невозвращенцами», наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доведя до сведения всей страны и мирового общественного мнения постыдный для Вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из Вашего рая, оставляя Вам Ваши благодеяния: квартиру, автомобиль, карточку на обеды в совнаркомовской столовой.

Вы истребляете талантливых русских ученых.

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин!

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Всеволод Мейерхольд не занимался политикой. Но Вы арестовали Мейерхольда, Сталин.

Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат, Вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат народного комиссариата иностранных дел.

В грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза, когда борьба за Данциг и война в Китае – лишь подготовка плацдарма для будущей интервенции против СССР, когда главный объект германо-японской агрессии – наша Родина, когда единственная возможность предотвращения войны – открытое вступление Союза Советов в Международный блок демократических государств, скорейшее заключение военного и

политического союза с Англией и Францией, Вы колеблетесь, выжидаете и качаетесь, как маятник между двумя «осями».

Во всех расчетах Вашей внешней и внутренней политики вы исходите не из любви к Родине, которая Вам чужда, а из животного страха потерять личную власть. Ваша беспринципная диктатура, как гнилая, лежит поперек дороги нашей страны. «Отец народа», Вы предали побежденных испанских революционеров, бросили их на произвол судьбы и предоставили заботу о них другим государствам. Великодушное спасение жизни не в Ваших принципах. Горе побежденным! Они Вам не нужны.

Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, Вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов.

Как все советские патриоты, я работал, на многое закрывая глаза. Я слишком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с Вами, не с Вашим обреченным режимом, а с остатками старой ленинской партии, в которой я пробыл без малого 30 лет, а Вы разгромили ее в три года. Мне было мучительно больно лишаться моей Родины.

Чем дальше, тем больше интересы Вашей личной диктатуры вступают в непрерывный конфликт и с интересами рабочих, крестьян, интеллигенции, с интересами всей страны, над которой Вы измываетесь, как тиран, добравшийся до единоличной власти.

Ваша социальная база суживается с каждым днем. В судорожных поисках опоры Вы лицемерно расточаете комплименты «беспартийным большевикам», создаете одну за другой привилегированные группы, осыпаете их милостями, кормите подачками, но не в состоянии гарантировать новым «калифам на час» не только их привилегии, но даже право на жизнь.

Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго.

Бесконечен список Ваших преступлений. Бесконечен список имен Ваших жертв! Нет возможности все перечислить.

Рано или поздно советский народ посадит Вас на скамью подсудимых как предателя социализма и революции,

главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов.

17 августа 1939 года — Федор Раскольников

Возвращение к правде. Реабилитирован посмертно. – М., 1988. – Выпуск первый. – С. 198.

74. Из воспоминаний Г. К. Жукова

Шел 1937 г. Двадцать лет существования Советской власти, двадцать лет тяжелой борьбы и славных побед...

За годы довоенных пятилеток было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий, создана новая мощная индустриальная база на востоке страны, которая так пригодилась нам в годы Великой Отечественной войны...

...Для нас, захвативших и дореволюционные годы, в этих цифрах заложено многое. Мы их изучали, знали наизусть, гордились ими. Вероятно, прежде всего потому, что в них была наша жизнь, был вложен наш труд, порою граничивший с самоотречением, всегда сопровождавшийся истовой убежденностью, что от твоих усилий зависит всеобщее благо...

...Мощная база обороны страны была создана. Как же выглядела наша армия после технической реконструкции, проведенной в предвоенные пятилетки?

В целом она превратилась из технически отсталой в передовую, современную армию. По соотношению видов и родов войск, по своей организационной структуре и техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических стран.

Были построены десятки и сотни оборонных предприятий. Мы помним, что после гражданской войны страна не имела специальных заводов, производящих танки, самолеты, авиационные двигатели, мощные артиллерийские системы, средства радиосвязи и другие виды современной боевой техники и вооружения. Почти во всем приходилось начинать на пустом месте. В связи со сложностью международной обстановки, растущей возможностью агрессии со стороны империалистических государств партия намечает на годы первой и второй пятилеток более высокие темпы развития оборонной индустрии, чем всех других отраслей промышленности. <...>

Практически по каждому виду вооруженных сил и роду войск создаются крупные военно-конструкторские бюро, лаборатории и научно-исследовательские институты. Родились десятки талантливых конструкторских коллективов, горячо взявшихся за дело...

В 1938 г. на вооружение принимается первый отечественный крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина, который отличался своими боевыми качествами. В 1939 г. армия получает новый станковый пулемет системы В. А. Дегтярева...

Быстро возрастал выпуск танков. За первую пятилетку было произведено 5 тысяч, к концу второй армия располагает уже 15 тысячами танков и танкеток. Все эти машины отличались высокой огневой мощью, быстроходностью...

В 1930–1931 гг. выпускалось ежегодно 2 тысячи орудий, в 1938 г. – уже более 12 с половиной тысяч. В 1937 г. создается 152-мм гаубица-пушка и совершенствуется 122-мм пушка, в 1938 г. появляется 122-мм гаубица...

В годы второй пятилетки стрелковые войска получили минометы калибра 50 миллиметров. Задолго до войны очень способным конструктором Б. И. Шавыриным были созданы минометы калибра 82 и 120 миллиметров. Подлинное оснащение армии минометным оружием произошло позднее.

Техническая реконструкция преобразила наши Военно-Воздушные Силы. Авиационная промышленность освоила массовое производство различных отечественных типов самолетов. Военные летчики получили двухмоторные скоростные бомбардировщики СБ, тяжелый бомбардировщик ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия, скоростные маневренные истребители И-15 и И-16.

Кто не помнит легендарных полетов М. Громова, В. Чкалова, В. Коккинаки? Они совершались на отечественных самолетах. В 1937 г. наши летчики установили около 30 международных рекордов на дальность, высоту и скорость полета. Стало быть, в те годы технический уровень советской авиации был не ниже зарубежного. К сожалению, экономические возможности не позволили тогда перейти к массовому производству этих замечательных образцов. Что же касается количества, то авиационная промышленность, отвечавшая требованиям времени, в 1938 г. выпустила уже почти 5 с половиной тысяч самолетов против 860 в 1930 г.

Успехи социалистической индустриализации позволили значительно повысить технический уровень и боеспособ-

ность Военно-Морского Флота. С 1929 г. по 1937 г. было построено 500 новых боевых и вспомогательных кораблей различных классов...

Вообще, для того времени был характерен большой внутренний подъем. Если говорить о стране в целом, экономика, культура бурно развивалась, жизнь заметно улучшалась, тысячи энтузиастов устанавливали трудовые рекорды в промышленности, в сельском хозяйстве. Мы помним, как гремели их имена по всей стране.

Великому, большому народу всегда нужны великие идеи и большие имена, чтобы было во что верить и за кем идти.

В армии господствовало желание учиться, хорошо овладеть своим делом...

К 1937 г. Красная Армия стала армией сплошной грамотности. Ее ряды пополнялись молодыми людьми, которые уже имели специальности трактористов, комбайнеров, шоферов и т. д. <...>

Одним словом, дела шли хорошо. Правда, Советский Союз пока строил новый мир один, находился во враждебном, капиталистическом окружении, иностранные разведки не жалели сил и средств, чтобы помешать нашему народу. Но страна и армия быстро крепли год от года, пути экономического и политического развития были ясны, всеми приняты и одобрены, в массах господствовал трудовой энтузиазм.

Тем более противоестественными, совершенно не отвечавшими ни существу строя, ни конкретной обстановке в стране, сложившейся к 1937 г., явились необоснованные аресты, имевшие место в армии в тот год.

Были арестованы видные военные, что, естественно, не могло не сказаться в какой-то степени на развитии наших Вооруженных Сил.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. – С. 141–142, 143–144, 146, 147.

75. Из книги Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»

> Я делал духовное усилие стать выше борьбы сторон, очиститься от страстей, увидеть не только ложь, но и правду коммунизма. Наблюдая настроения русской эмиграции, я почувствовал, что я один из немногих людей, свободных от ressentiment[1] в отношении к коммунизму и не определяющих своей мысли реакцией против него.
>
> Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии.

Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны — явление русское и национальное.

Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному миросозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции. Если остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевизму, не узнали своих собственных черт в тех, против кого они восстали, то это историческая аберрация, потеря памяти от эмоциональной реакции. Старая революционная интеллигенция просто не думала о том, какой она будет, когда получит власть, она привыкла воспринимать себя безвластной и угнетенной, и властность, и угнетательство показалось ей порождением совершенно другого, чуждого ей типа в то время как то и было их порождением. В этом парадокс исхода русской интеллигенции, ее трансформирования после победоносной революции. Часть ее превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, другая же часть ее не приняла социалистической революции, забыв свое

---

[1] Неприятие (лат.).

прошлое. Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устроение жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это – мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме...

Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было ressentiment по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести. Этим многое психологически объясняется. Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа...

Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушье. XIX век в России не был целостным, он был раздвоенным, он был веком свободных исканий и революции. Революция создала тоталитарное коммунистическое царство, и в этом царстве угас революционный дух, исчезли свободные искания. В царстве этом делается опыт подчинения всего народа государственному катехизису. Русский этатизм имел всегда обратной стороной анархизм. Коммунистическая революция воспользовалась в свое время анархическими инстинктами, но она пришла к крайнему этатизму, подавляющему всякое проявление русских анархических инстинктов...

Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике. Мы, например, видим, что советское правительство гораздо более сейчас интересуется связями с французским правительством, чем связями с французскими коммунистами. Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной

стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим конструктивному национальному периоду коммунистической революции. В советской России сейчас говорят о социалистическом отечестве и его хотят защищать. Во имя него готовы жертвовать жизнью. Но социалистическое отечество есть все та же Россия, и в России, может быть, впервые возникает народный патриотизм. Этот патриотизм есть факт положительный, но национализм может принять и отрицательные формы. Опасность со стороны Японии и Германии укрепляет русский патриотизм. Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ.

Пятилетний план, столь поражающий многих людей Запада, есть очень элементарная и прозаическая вещь. Россия – страна, индустриально отсталая. Необходимо во что бы то ни стало ее индустриализировать. На Западе это происходило под знаком капитализма, и так должно быть по Марксу. Но в России индустриализация должна проходить под знаком коммунизма. При коммунистическом режиме это можно сделать, лишь создав энтузиазм индустриализации, превратив ее из прозы в поэзию, из трезвой реальности в мистику, создав миф о пятилетке. Но все это происходит не только при помощи энтузиазма, поэзии, мистики и мифотворчества, но и путем террора и ГПУ. Народ поставлен в крепостную зависимость по отношению к государству. Коммунистический строй переходного периода есть строй крепостной... Для индустриализации России под коммунистическим режимом нужна новая мотивация труда, новая психическая структура, нужно, чтобы появился новый коллективный человек. Для создания этой новой психической структуры и нового человека русский коммунизм сделал огромное усилие. Психологически он сделал больше завоеваний, чем экономически. Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способным с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение...

Но пятилетний план не осуществляет все-таки царства социализма, он осуществляет государственный капитализм. Высшей ценностью признаются не интересы рабочих, не ценность человека и человеческого труда, а сила государ-

ства, его экономическая мощь. Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть. Всякой власти присущ инстинкт самосохранения, который может стать главной целью. Сталин – государственник восточного, азиатского типа.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Страницы книги// Юность. – 1989. – № 11. – С. 81, 85–86, 89, 90.

76. Л. Троцкий. Иосиф Сталин. Опыт характеристики

...Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам; теперь он боялся их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что если бы СССР в союзе с демократами вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы нации.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось

объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер — сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии — собирается не меньше и не больше как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его — иные. Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 г., во время прошлой войны 1917 г. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклонение перед ним.

По рассказам бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 г. в рядах собственной партии.

— Вот это вождь! — сказал московский медлительный диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс «самой демократической в мире Конституции», наконец, нынешнее вторжение в Польшу — все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля — иногда, впрочем, и его противники — пытаются установить аналогию между союзом Сталина — Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 г. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого, как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником...

Что касается нынешнего пакта, то он заключен при

наличии Советской Армии в несколько миллионов; непосредственная задача его – облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом «освобождения» 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти – мотив мести. В 1920 г. Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с Лембергского направления на Люблин, чтобы поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 г.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом, все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унизительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение «великую Украйну», завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И Сталин и Гитлер нарушали ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними?

Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. «Спасайся кто может!» — станет лозунгом правительств, наций, классов.<...>

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 г.
Койокан.

Троцкий Л. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 408–411.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

К документу 1

Какие возможные пути исторического развития открывались перед страной в начале 20-х гг. и о каком из них говорит В. Короленко в своем письме?

К документам 2–4

Каким образом характеризуется состояние общества, какие мотивы выдвигаются в пользу изменения политики?

Какие отраженные в документах черты хозяйственной политики, на ваш взгляд, могут быть отнесены и к нашему времени?

В чем, по материалам раздела, вы видите прогрессивный характер введенных НЭПом мер и в чем состоит их ограниченность?

К документу 5

Как автор оценивает "единодушие" принятия НЭПа?

Какие отношения к НЭПу высказывают деятели партии, описанные в воспоминаниях? Как вы считаете, какие настроения господствовали, почему?

Попробуйте проанализировать этот отрывок с точки зрения поисков причин неизбежного свертывания НЭПа в будущем? Каковы они?

Какими вы увидели здесь некоторых руководителей партии, например, В. И. Ленина, Л. Троцкого?

Как бы вы оценили значение в преобразованиях общества взятой теоретической модели и реальных потребностей жизни? Насколько, по-вашему, эта проблема актуальна в наше время?

К документам 6–12

Проанализируйте и покажите, что вы видите общего в высказываниях руководителей по поводу экономической политики и каковы различия в их взглядах по таким проблемам: цели, способы проведения НЭПа, отношение к крестьянству, перспективы новой политики (в чем главные расхождения в позициях В. И. Ленина и Н. Бухарина с Л. Троцким и др.).

Какие, на ваш взгляд, в приведенных высказываниях заложены предпосылки крушения НЭПа?

Проследите по документам, какие изменения принесла новая экономическая политика в жизнь страны и какие противоречия содержала в себе?

К документам 13–14

Что вы узнали нового о политике советской власти по отношению к религии и духовенству?

К документу 15

Как определялась политика по отношению к другим партиям и чем вы могли бы объяснить возникновение подобного документа?

К документам 16–17

Как вы ощутили изменения в жизни общества в начале 20-х гг.? Каково ваше отношение к объяснению властей о причинах высылки интеллигенции из страны в 1922 г.?

К документу 18

Что вы узнали об отношениях и способах борьбы внутри партии в 20-е гг.? Какое сложилось у вас мнение о названных в тексте деятелях?

К документу 19

Как вы относитесь к мотивам, высказанным Б. Савинковым в пользу признания им советской власти, насколько они вам кажутся искренними, убедительными?

К документам 20–21

Охарактеризуйте по документам отраженные в них черты политики советского правительства. Какое они вызывают у вас отношение?

К документу 22

О каком отношении к НЭПу свидетельствуют письма рабочих и крестьян в конце 20-х гг.? О каких спорах в обществе они говорят?

К документу 23

Проанализируйте, в чем автор усматривает основное условие социалистического движения вперед; охарактеризуйте выстроенную автором линию наступления на кулака: ее основные черты, какой характер она носила – экономический, политический, административный; что можно сказать по данному фрагменту об отношении автора к различным видам кооперации и их развитию; как вы понимаете смысл последнего абзаца: о продолжении какой «политической линии» идет речь.

К документам 24–25

Какие дополнительные штрихи к картине развития сельского хозяйства во второй половине 20-х гг. дают оба приведенных фрагмента? Что отмечается как достижения?

Какие общие положения из записок Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова вы бы отметили? В чем состоит единое направление мысли ученых? (взгляд на кооперацию, темпы развития, понимание индустриализации, пропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, отношение к индивидуальному хозяйству, роль товарообмена, условия коллективизации и т. д.). Предшествующий фрагмент из доклада Н. И. Бухарина, очевидно, опирался на выводы ученых — в чем вы видите это созвучие.

Проследите по документу: из какой основной «классовой установки» рекомендуют исходить Директивы? (25). Что, по-вашему, вкладывается в понимание «правильной внутрикооперативной политики»?

К документу 26

В чем генеральный секретарь ЦК партии И. В. Сталин видит самое острое проявление хлебозаготовительного кризиса? Как он объясняет его смысл и вероятные результаты?

Какие меры предлагаются автором для выхода из кризиса? Чем объясняется необходимость «исключительных случаев»?

Обратили ли вы внимание на даты: когда были даны первые директивы? Свидетельствуют о чем-либо эти даты?

Проанализируйте предлагаемые меры для ликвидации кризиса: на какую линию «делается ударение», в каком соотношении с рынком могли находиться эти меры?

К документу 27

О каком методе борьбы с кулаком рассказывает данный фрагмент?

В чем суть понимания И. В. Сталиным НЭПа, выраженная в данном фрагменте?

Каково главное объяснение И. В. Сталиным причин трудностей, переживаемых страной? Почему здесь объединены по смыслу заготовительный кризис и шахтинское дело?

Какой по этому выступлению представляется перспектива развития страны?

Сформулируйте ваше отношение к высказанным автором идеям.

К документу 28

Как автор объясняет свое понимание классовой борьбы в тех экономических и социальных условиях?

Назовите те причины (по крайней мере – три), которыми Н. И. Бухарин объясняет трудности развития страны в тот период. Чем отличаются его объяснения от объяснений И. В. Сталина?

Проанализируйте высказывания Бухарина о НЭПе, его сути и развитии (с точки зрения существования рынка, его соотношения с государственным регулированием хозяйства, «товаризации экономики», отношения к индивидуальному трудовому крестьянскому хозяйству и т. д.). В чем видны различия со сталинским пониманием НЭПа?

Каким вы видите по отрывку отношение автора к чрезвычайным мерам и их применению в коллективизации. Есть ли отличия от отношения И. В. Сталина к подобным мерам?

В чем вы видите сходство проблем того времени со сложностями сегодняшних преобразований в сельском хозяйстве?

К документу 29

В чем состоит суть рассуждений Н. И. Бухарина о повышенных темпах развития промышленности и их влиянии на сельское хозяйство. На чем, по мнению автора, должно быть основано хозяйственное развитие страны? Сопоставьте данный фрагмент с отрывком из предшествующего документа Н. И. Бухарина: с какими положениями того доклада перекликается содержание фрагмента?

К документу 30

Как вы оцениваете позиции Л. Д. Троцкого по отношению к НЭПу? В чем автор видит выход из трудной ситуации в стране?

К документу 31

Какое отношение к свертыванию НЭПа имеют шифровки И. В. Сталина? Какой вывод можно сделать о политике партии и ее руководителей по этим документам?

К документам 16, 17, 32

Что вы можете сказать о жизни, положении различных представителей интеллигенции в 20-е гг.?

Как вы представляете себе по дневнику М. Булгакова отдельные картины жизни Москвы 20-х гг.?

К документу 33

Видите ли вы отличия в характеристике международного положения СССР в конце 20-х гг., данной английским историком Э. Карром, от привычных нам описаний этого периода? В чем они выражаются?

Обобщите, что внесли нового документы этого раздела в ваши представления о нашей стране в 20-е гг.

К документам 34–38

Что вам представляется самым существенным в характеристике 30-х гг. и почему?

Какие вы видите альтернативы исторического развития страны к началу 30-х гг. Почему победил осуществленный вариант?

Насколько помогают статистические данные узнать о хозяйственных процессах в 30-е гг.: какие достижения, какие промахи вы можете отметить; каково ваше отношение к приведенным показателям?

К документам 39–44

Как вы относитесь к воспоминаниям участников и очевидцев строек первых пятилеток? Чем объясняется выраженный в документах энтузиазм и оптимизм этих людей?

Какие проблемы больше всего волновали молодого рабочего, судя по дневнику? Как думаете, были ли они характерны лишь для этой шахты или типичны для строек страны?

Опишите, в каких условиях приходилось жить и трудиться рабочим (жилье, одежда, оплата труда и использование зарплаты, питание, условия труда в забое, отношения людей к труду и т. д.)

Объясните, что заставило молодого рабочего из спокойных условий жизни приехать в этот ад? Как понимаете последнюю запись от 17 ноября о "несоответствии психологии и идеологии"?

Вы смогли бы так работать? Если да, то при каких условиях? Почему молодежь проявляла такое рвение, энтузиазм в создании нового?

Как вы относитесь к оценкам американского инженера о размахе строительства в СССР, доверяете ли им, сопоставляя с другими текстами?

Что общего в приведенных отрывках? Как они характеризуют время, его дух, отношение людей к трудностям?

К документам 45–46

В чем И. Эренбург видит главный рост советского общества в 30-е гг.? Как понимаете его выражение "люди с большой духовной жизнью»?

Каково ваше отношение к эпохе, охарактеризованное писателем так: "Эпоха одним давала крылья, других убивала"?

Каким основным словом и почему определяется суть эпохи первых пятилеток?

Что, по-вашему, означают слова Е. Ржевской "все же жизнь была сильнее Сталина..." В чем эта сила?

К документу 47

О какой стороне жизни страны вы узнали из данного документа? Как она отразилась на дальнейших событиях нашей истории?

К документу 48

Что авторы называют "истинной ценой индустриализации"?

Назовите последствия проведенного способа индустриализации.

Какие тексты данной книги подтверждают выводы авторов?

К документу 49

В чем, как вам кажется, заключается смысл документа – в заботе о раскулачиваемых или в чем-то другом?

К документу 50

Чем вы объясните появление подобных писем и возможность их публикации только в последние годы?

К документу 51

Проанализируйте документы по вопросам о коллективизации. Кто и кого обвинял в несостоятельности политики коллективизации; почему крестьяне высказывают самые

разноречивые взгляды на изменения в деревне; по каким направлениям расходились политические директивы и реальная жизнь на селе; почему Шолохов назвал это «форменной войной на хуторах»? «Коллективизация» и «голод» – как связаны эти понятия?

К документам 52–54

Как вы думаете, почему и с чьей стороны оказывалось сопротивление режиму сталинщины?

Как в документе (52) оценивается политическая деятельность Сталина-руководителя и суть его борьбы с оппозицией? Как оценивает автор его "слово" и "дело"?

Какие пути выхода из кризиса предлагает М. Рютин? Согласны ли вы с ними? К каким результатам они могли бы привести?

Как бы вы оценили внутренний пафос приведенных выше фрагментов из воспоминаний (39–46) и этого документа? Что их так резко отличает, почему?

В чем, по документам, состояла суть внутрипартийной борьбы, чем она закончилась?

Какое впечатление на вас произвел отрывок из воспоминаний Н. С. Хрущева? Какими вы увидели Сталина, Кирова, автора?

К документам 55–56

Какие противоречия вы видите в данных документах, чем их объясните? Как они характеризуют установившийся политический режим?

К документу 57

Как вы оцениваете достижения культуры 20–30-х гг. (успехи, просчеты, недостатки)?

К документу 58

Каково отношение автора к проблемам индустриализации и коллективизации? Считает ли он свои настроения преступными?

Что по этому отрывку можно сказать об особенностях общественного сознания в 30-е гг.?

Сравните этот документ с приведенными уже воспоминаниями? Что их сближает, что разделяет? Какие исторические процессы с разных сторон характеризуют эти документы эпохи в совокупности?

К документам 59–62

Как характеризуют установившийся режим приведенные документы? Чем вы объясните столь резкое изменение позиции Г. Зиновьева (60–61)? К каким последствиям привели репрессии в стране, в частности, в армии?

К документу 63

Какие черты того времени отмечает Ю. Домбровский?

Как вы относитесь к его выражению: "историческая ограниченность сознания современников – факт неприятный, но, к сожалению, бесспорно существующий". Можно ли и почему отнести его и к нашему времени?

Что внутренне объединяет все три отрывка в оценке 30-х гг., какие общие настроения интеллигенции отражаются в них?

К документам 64–65

Помогли ли материалы печати того времени представить психологическую атмосферу в обществе? Проследите, как мотивировались репрессивные действия, как объяснялись народу необходимость борьбы с «врагами», их ликвидация. С чем вы согласны в этой мотивировке, что вызывает у вас активное противодействие?

К документу 66

О каком отношении к своему народу и методах управления государством свидетельствуют документы?

К документам 67–72

Что можно сказать о судьбах деятелей культуры 30-х гг., об их отношениях с властью и достижениях советской культуры этого периода?

К документу 73

За что наиболее резко осуждает Ф. Раскольников И. В. Сталина в «Открытом письме Сталину»? Чем вы объясните такую резкость? Сравните письмо Ф. Раскольникова с документом Рютина (52): что их объединяет, что отличает эти документы и их авторов?

К документам 67,74

О каких сложностях в формировании сознания людей 30-х гг. говорят воспоминания К. Симонова, Г. Жукова?

Как воспоминания К. Симонова отражают сознание

людей его поколения? Что было для него главным, характерным?

В чем автор видит "сложность духовной обстановки того времени..."?

Чем, по Симонову, вызывалась "двойственность" отношения к Сталину, к тому времени?

Как характеризуют внутренний мир человека подобные размышления? Были ли они типичны, по-вашему, для людей того времени? Легко ли жить и действовать, неся бремя таких размышлений и ответственность за время и за себя? Могут ли подобные размышления объяснить что-то в судьбах многих талантливых представителей того поколения?

Как Г. К. Жуков, спустя много лет, относится к 30-м гг.? Что вспоминается ностальгически? Почему?

Чем для Жукова бесспорны достижения индустриализации?

Как Г. К. Жуков объясняет "большой внутренний подъем" 30-х гг., несмотря на знание трагического характера многих сторон жизни того времени?

Как вы думаете, какие черты характера укрепили в полководце 30-е гг., в чем и как они проявились в будущем?

К документу 75

Как вы понимаете слова Н. Бердяева «вся история русской интеллигенции подготовила коммунизм»?

Разделяете ли вы мнение Н. Бердяева о преемственности «духовной конструкции» «коммунистического царства» с «московским православным царством»? Если нет, почему?

Каково ваше отношение к характеристике Н. Бердяева первого пятилетнего плана: какие утверждения разделяете, что не принимаете, почему?

К документу 76

Как Л. Д. Троцкий описывает предвоенную обстановку в нашей стране? Как вы думаете, в чем его предсказания оправдались и в чем нет? Чем вы объясняете такое внимание Л. Д. Троцкого к личности И. Сталина и к положению в СССР?

Как документы данного раздела повлияли на формирование ваших представлений о жизни страны в 30-х гг.?

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Берия Л. П. (1899–1953) – бывший нарком (министр) внутренних дел СССР, первый заместитель председателя Совета Министров СССР, член Президиума ЦК КПСС. В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС за преступные, антипартийные и антигосударственные действия вывел его из состава ЦК, исключил из партии. Он был снят со всех постов 23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило Л. П. Берия к расстрелу.

Буденный С. М. (1883–1973) – Маршал Советского Союза; в годы гражданской войны – командующий Первой Конной армией, затем занимал ряд высших постов в Советской армии.

Бухарин Н. И. (1888–1938) – социал-демократ с 1906 г., большевик. С 1917 г. – член ЦК и МК РСДРП(б), редактор московской большевистской газеты «Социал-демократ». С 1918 по 1929 гг. – главный редактор «Правды». Расстрелян по ложному обвинению. Реабилитирован в 1988 г.

Ворошилов К. Е. (1881–1969) – деятель Коммунистической партии и Советского государства, Маршал Советского Союза; в 1925–1940 гг. – нарком по военным и морским делам, в 1953–1960 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Дзержинский Ф. Э. (1877–1926) – социал-демократ с 1895 г., деятель социал-демократии Польши и Литвы, большевик. С 1917 г. – член ЦК РСДРП(б), в октябрьские дни – член Петроградского РВК. С декабря 1917 г. – председатель ВЧК (ГПУ, ОГПУ); в 1921–1924 гг. – нарком путей сообщения; в 1924–1926 гг. – председатель ВСНХ СССР.

Зиновьев Г. Е. (Радомысльский, 1883–1936) – социал-демократ с 1901 г., большевик, участник революции 1905–1907 гг. В 1908–1917 гг. (по апрель) –в эмиграции. В июне 1917 г. – член ВЦИК от большевиков. После Октября 1917 г. – председатель Петроградского Совета. В 1919–1926 гг. – председатель Исполкома Коминтерна. В 1912–1927 гг. – член ЦК партии. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Осужден и незаконно репрессирован в 1936 г. Реабилитирован в 1988 г.

Калинин М. И. (1875–1946) – социал-демократ, с 1898 г. большевик, агент «Искры», участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде; с марта 1919 г. – председатель ВЦИК, с декабря 1922 г. по март 1946 г. – председатель Президиума Верховного Совета СССР; с января 1926 г. – член Политбюро ВКП(б).

Каменев Л. Б. (1883–1936) – социал-демократ с 1901 г., большевик, член ЦК партии. После Октября 1917 г. – председатель ВЦИК. Протестовал против создания однопартийного правительства. Участвовал в брестских переговорах. С марта 1918 г. – председатель Моссовета, с 1922 г. – заместитель председателя Совнаркома. Расстрелян по ложному обвинению. Реабилитирован в 1988 г.

Киров С. М. (Костриков, 1886–1934) – социал-демократ с 1904 г., большевик, участник Октябрьской революции и гражданской войны; с 1926 г. – секретарь Ленинградского губкома (затем – обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б); с 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1934 г. – одновременно секретарь ЦК ВКП(б), убит в Ленинграде в Смольном.

Литвинов М. М. (Валлах, 1876–1951) – социал-демократ с 1898 г.; агент «Искры»; после Октября – на дипломатической работе, в 1921–1930 гг. заместитель наркома, затем нарком иностранных дел СССР.

Луначарский А. В. (1875–1933) – в революционном движении с 90-х гг. XIX в., с 1903 г. большевик. С Октября 1917 г. по 1929 г. нарком просвещения. После получения из Москвы первых сведений о разрушении памятников культуры в ходе октябрьских боев подал в отставку, но затем взял свое заявление обратно.

Мехлис Л. З. (1889–1953). В 1934 г. редактор газеты «Правда».

Микоян А. И. (1895–1978) – социал-демократ с 1915 г., большевик, участник борьбы за Советскую власть на Кавказе; в 1937–1964 гг. – зам. председателя СНК (Совета Министров) СССР; в 1935–1966 гг. – член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

Молотов В. М. (Скрябин, 1890–1986) – социал-демократ с 1906 г., большевик; в Октябрьские дни 1917 г. – член Петроградского Военно-революционного комитета; в 1921–1930 гг. – секретарь ЦК партии; в 1926–1957 гг. – член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

Орджоникидзе Г. К. (Серго, 1886–1937) – социал-демократ с 1903 г., большевик; в июле 1917 г. принимал участие в организации перехода В. И. Ленина в подполье; участник Октябрьской революции в Петрограде, один из руководителей борьбы за Советскую власть на Кавказе; в годы гражданской войны – на военной работе; впоследствии – на партийной и государственной работе; с 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1932–1937 гг. – нарком тяжелой промышленности СССР.

Радек К. Б. (1885–1939) – деятель российского и международного коммунистического и рабочего движения. В 1925–1927 гг. – ректор Университета народов Востока в Москве. XV съезд ВКП(б) исключил его из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Осужден и расстрелян на основе ложных обвинений. В 1990 г. реабилитирован.

Рид Джон (1887–1920) – деятель американского рабочего движения, журналист, с августа 1917 г. – корреспондент американских социалистических газет в России, автор книги об Октябрьской революции «10 дней, которые потрясли мир» (1919). Один из основателей коммунистической партии США. Умер в Москве.

Рудзутак Я. Э. (1887–1938) – социал-демократ с 1905 г., большевик, участник борьбы за Советскую власть в Москве; с 1920 г. член ЦК РКП(б), член президиума ВСНХ и генеральный секретарь ВЦСПС, в 1921–1924 гг. – председатель Средне-Азиатского бюро РКП(б); в 1923–1924 гг. – секретарь ЦК РКП(б); 1924–1930 гг. – нарком путей сообщения; с 1926 г. – зам. председателя СНК и СТО СССР; с 1932 г. – председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР; в 1927–1932 гг. – член Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован на основе фальсифицированных обвинений в 1937 г.; реабилитирован в 1988 г.

Рыков А. И. (1881–1938) – социал-демократ с 1899 г., большевик. В 1918–1920 и 1923–1924 гг., – председатель ВСНХ. С 1921 г. – заместитель председателя СНК и СТО. После смерти В. И. Ленина возглавлял СНК СССР (до 1930 г.) и СНК РСФСР (до 1929 г.). В 1931–1936 гг. – нарком связи СССР; в 1922–1930 гг. – член Политбюро ЦК. В 1938 г. приговорен к расстрелу на основе фальсифицированных обвинений. Реабилитирован в 1988 г.

Савинков Б. В. (1879–1925) – член партии эсеров, один из руководителей Боевой (террористической) организации партии. Летом 1917 г. комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего, управляющий Военным министерством. Посредник в переговорах А. Ф. Керенского и Л. Г. Корнилова; во время корниловского мятежа – военный генерал-губернатор Петрограда. После Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии. С 1919 г. – в эмиграции. Арестован при нелегальном переходе границы СССР; в тюрьме покончил с собой (согласно официальной версии) или был убит.

Сталин И. В. (Джугашвили, 1879–1953) – социал-демократ с 1898 г., большевик, в 1917 г. член ЦК РСДРП(б), после Октябрьской революции нарком по делам национальностей. С 1922 г. по 1934 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б), с 1940 г. одновременно – председатель Совнаркома СССР.

Стучка П. И. (1865–1932) – социал-демократ с 1895 г., председатель ЦК латышской социал-демократии. После Февральской революции – член ЦК РСДРП(б), член Исполкома Петроградского Совета. С ноября 1917 г. заместитель наркома, затем нарком юстиции. В 1918–1920 гг. – глава советского правительства Латвии.

Томский М. П. (Ефремов, 1880–1936) – социал-демократ с 1904 г., большевик. После Февральской революции работает в Петроградском комитете партии, после победы Октября – работает в профсоюзах, в 1918–1921, 1922–1929 гг. возглавляет ВЦСПС; с 1919 по 1930 гг. – член Политбюро ЦК. В 1931–1936 гг. – руководитель Огиза. Против него были выдвинуты необоснованные политические обвинения; он покончил жизнь самоубийством в 1936 г. Реабилитирован в 1988 г.

Троцкий Л. Д. (1879–1940) – социал-демократ с 1897 г., в 1903–1904 гг. меньшевик, затем нефракционный социал-демократ, сторонник восстановления единства РСДРП, с 1917 г. большевик, член ЦК РСДРП(б). С сентября 1917 г. – председатель Петроградского Совета. После Октябрьской революции – нарком иностранных дел, в 1918–1924 гг. – нарком по военным делам и морским делам, председатель Реввоенсовета. В 1929 г. выслан из СССР. Убит агентом НКВД в Мексике.

Уншлихт И. С. (1879–1938) – социал-демократ с 1900 г., большевик, в октябре 1917 г. – член ВРК Петрограда, Исполкома Петроградского Совета, ВЦИК, с декабря 1917 г. – член коллегии НКВД; в 1919–1921 гг. до осени 1923 г. – заместитель председателя ВЧК-ГПУ, в дальнейшем на военной и партийной работе.

Фрунзе М. В. (1885–1925) – социал-демократ с 1904 г., большевик; в годы гражданской войны и интервенции – командующий Южной группой Восточного фронта, командующий Восточным, Туркестанским и Южным фронтами, после гражданской войны – командующий войсками Украины и Крыма, уполномоченный Реввоенсовета в УССР; в 1925 г. – председатель Реввоенсовета Республики и нарком по военно-морским делам, с 1924 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б).

Чичерин Г. В. (1872–1936) – участник революционного движения в России с 1904 г., социал-демократ с 1918 г., большевик, советский дипломат; в 1918 г. заместитель наркома иностранных дел, в 1918–1930 гг. – нарком иностранных дел.

Ягода Г. Г. (1891–1938) – в партии большевиков с 1907 г., в 1934–1937 гг. председатель ОГПУ, нарком НКВД. С 1936 г. – нарком связи СССР. В 1938 г. был предан суду по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» и расстрелян.

Ярославский М. И. (Губельман, 1878–1943) – социал-демократ с 1898 г., большевик; участник первой русской революции; участник борьбы за Советскую власть в Москве; после Октября – на руководящей партийной и советской работе; историк партии, академик АН СССР (с 1939 г.).

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ[1]

Книги

Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. – М., 1988. – С. 291–449.

Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. – М., 1989. – С. 291–339, 507–566, 631–651.

Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988. – С. 84–303.

Урок дает история: Сб. статей. – М., 1989. С. 91–267.

Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. – М., 1989. – С. 88–253.

Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. – М., 1989.

Кулешов С. В., Волобуев О. В. и др. Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. II.– М., 1991.– С. 164–378.

Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. – М., 1992.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. – М., 1992. – С. 148–266.

Горинов М. М. Нэп: поиски путей развития. – М., 1990.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М., 1989.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. – М., 1990. – Кн. 1. – С. 107–584.

Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. – М., 1989.

Возвращенные имена: Сб. публицистических статей: В 2 кн. – М., 1989.

Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989.

Бухарин: человек, политик, ученый /Под общей ред. В. В. Журавлева/ Сост. А. Н. Солопов. – М., 1990.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. – М., 1988.

Старцев В. Л. Д. Троцкий. Страницы политической биографии. – М., 1989.

[1] В списке не указывается литература, фрагменты из которой включены в данную книгу.

Васецкий Н. А. О Троцком и троцкизме. – М., 1989.

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. – М., 1990.

Дискуссии

«Круглый стол»: Советский Союз в 20-е годы //Вопросы истории. – 1988. – № 9.

«Круглый стол»: Советский Союз в 30-е годы //Вопросы истории. – 1988. – № 3.

Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна: Сб. статей. – М., 1989. – Ч. I.

Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна: Сб. статей. – М., 1990. – Ч. II.

Статьи в журналах

Шмелев Н. Авансы и долги //Новый мир. – 1987. – № 6.

Клямкин И. Какая улица ведет к храму? //Новый мир. – 1987. – № 11.

Карякин Ю. Стоит ли наступать на грабли. Открытое письмо одному Инкогнито //Знамя.– 1987. – № 9.

Шмелев Г. «Не сметь командовать»: Об экономическом развитии страны в 20–30-е годы //Октябрь. – 1988. – № 2.

Кожанов В. Правда и истина // Наш современник. – 1988. – № 4.

Николаев А. Развитие дипломатических связей Советского государства //Политическое образование. – 1988. – № 12.

Ципко А. С. Истоки сталинизма //Наука и жизнь. – 1988. – № 11, 12; 1989. – № 1, 2.

Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме: Исторические очерки // Знамя. – 1989. – № 1–4.

Бестужев-Лада И. В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма // История СССР. –1989. – № 5.

Курашвили Б. П. Политическая доктрина сталинизма // История СССР. – 1989. – № 5.

Симания Н. А. Сталинизм против социализма // Вопросы философии. – 1989. – № 7.

Голанд Ю. М. Что предшествовало «великому перелому» 1929 г. // Политическое образование. – 1989. – № 8.

Голанд Ю. М. Политика и экономика: Очерк общественной борьбы 20-х годов // Знамя. – 1990. – № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. Кризис военно-коммунистической политики. Необходимость перемен

1. Из письма В. Короленко А. Луначарскому 5
2. Из выступления А. Д. Цюрупы на X съезде партии 7
3. Письмо В. И. Ленину крестьян 7
4. Из резолюции X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» 9

II. О сущности нэпа, разногласиях в подходе к политике

5. Из воспоминаний Н. Валентинова (Н. Вольского) 10

III. Нэп: Трудности, успехи, проблемы

6. В. И. Ленин. Из доклада на IV конгрессе Коминтерна. 13 ноября 1922 г. 16
7. Из письма Л. Д. Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б) 8 октября 1923 г. 17
8. Из выступления Н. И. Бухарина на январском пленуме ЦК (1924) 17
9. Из резолюции XII съезда РКП(б) «О промышленности» .. 18
10. Из резолюции XIV конференции РКП(б) «О кооперации» 21
11. Из резолюции XIV съезда ВКП(б) «По отчету Центрального Комитета» (1925 г.) 22
12. Из доклада Н. И. Бухарина на собрании актива Московской организации 22

IV. Об отношении к церкви, религии

13. Письмо заведующего секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонова Ф. Э. Дзержинскому 25
14. Конец святого Ипатия. И. Бабель 27

V. Об отношении к другим партиям

15. Письмо И. В. Вардина-Мгеладзе «Об отношении к партиям мелкой буржуазии», направленное в ЦК РКП(б) и Исполнительную комиссию МК РКП(б). 11 апреля 1921 г. 29

VI. Советская власть и интеллигенция

16. Не будем проклинать изгнанье. В. Костиков 31
17. Странная мера. Н. Бердяев 35

VII. В сталинском окружении

18. Из воспоминаний бывшего секретаря Сталина. Б. Бажанов 36

VIII. Глазами бывших врагов

19. Почему я признал Советскую власть? Б. Савинков 38

IX. Заключенные 20-х гг.

20. Докладная записка заместителя председателя ВСНХ СССР Г. Л. Пятакова председателю ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинскому об организации поселений заключенных в перспективных экономических районах. 10 ноября 1925 г. 44
21. Три письма о Соловецком лагере 1926 г. 49

X. К кризису НЭПа
22. Из писем в ЦК ВКП(б) накануне «великого перелома» ... 54
23. Из доклада Н. И. Бухарина об итогах Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б). 26 октября 1927 г. 56
24. Из «Записки» А. В. Чаянова. 1927 г. 57
Из «Записки» Н. Д. Кондратьева. 1927 г. 60
25. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. Из резолюции XV съезда ВКП(б) 61
26. Из обращения ЦК ВКП(б) «Ко всем организациям ВКП(б)» 13 февраля 1928 г. 63
27. Из доклада И. В. Сталина «О работе апрельского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК на собрании актива Московской организации ВКП(б)» 13 апреля 1928 г. 65
28. Из доклада Н. И. Бухарина «К итогам апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б)» 13 апреля 1928 г 66
29. Из статьи Н. И. Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года» 68
30. Из заявления Л. Д. Троцкого VI конгрессу Коммунистического Интернационала 69
31. Из личного фонда Иосифа Сталина 72
XI. О культуре 20-х гг.
32. Под пятой... Мой дневник. М. Булгаков 73
XII. Внешняя политика конца 20-х гг.
33. СССР и страны мира. 1927–1929 гг. 80
XIII. Противоречивые 30-е гг.
34. Бурное время 86
35. На переломе. О. Лацис 88
36. Индекс роста сельского хозяйства СССР 94
37. Сравнение абсолютного объема производства некоторых видов промышленной продукции в СССР и капиталистических странах 95
38. Соотношение производства некоторых видов промышленной продукции на душу населения в СССР и капиталистических странах 96
XIV. «В буднях великих строек»
39. Мобилизованный на прорыв... Из дневника Владимира Молодцова 96
40. Из воспоминаний В. Ю. Стеклова 98
41. Из высказывания американского инженера Майкла Шировера 99
42. Из воспоминаний главного инженера Кузнецкстроя академика И. П. Бардина 99

43. Из письма А. М. Исаева родным со строительства Магнитки 100
44. Из письма молодого инженера В. Сенцова жене со строительства Уралмаша 100
45. Из воспоминаний писателя И. Эренбурга о поездках на стройки пятилеток 101
46. Из воспоминаний писательницы Е. Ржевской 101
47. «Грустный режим, при котором конфискуется литература» Энрике Диас Ретж – О. Н. Филипповой 102
XV. Правда о коллективизации
48. Цена индустриализации. Н. Шмелев, В. Попов 104
49. Из личного фонда Сталина «Всем парторганизациям» ... 106
50. Письма М. И.Калинину 107
51. Свидетельства очевидцев о коллективизации
Письмо члена партии Мамаева «К XVI съезду партии» 110
Информационная сводка Колхозцентра СССР и РСФСР 111
Письмо Т. М. Сазонова в ЦК ВКП(б) о перегибах в раскулачивании 114
Из письма В. Г. Фейгина Г. К. Орджоникидзе 9 апреля 1932 г. 115
Письмо М. А. Шолохова И. В. Сталину 20 апреля 1932 г. ... 116
Из дневника крестьянина П. Н. Чивильдеева 117
Из воспоминаний М. Симашко 119
XVI. Политика, борьба, сопротивление
52. Из документа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» 119
Платформа «союза марксистов-ленинцев» (группа Рютина) . 119
53. Заявление Н. Угланова в ЦКК ВКП(б). 2 марта 1933 г. . 121
54. Из воспоминаний Н. С. Хрущева о XVII съезде 124
XVII. Жизнь в СССР, права граждан. Конституция 1936 г.
55. Два взгляда из-за рубежа. А. Жид., Л. Фейхтвангер 127
56. Демократия... под надзором НКВД. Обсуждение проекта Конституции 1936 г. Спецсообщение Управления НКВД СССР по Воронежской области 134
57. Две стороны культурной революции в СССР 139
XVIII. Репрессии тоталитаризма
58. Из документа «Показания Эйсмонта Н. Б., данные СПО ОГПУ» 143
59. Из протокола судебного заседания Военной коллегии Верховного суда о заявлении Рудзутака 144
60. Письмо Г. Е. Зиновьева И. В. Сталину 144
61. Из закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока» 145
62. Репрессии и армия. В. М. Кулиш 145
63. Из книги Ю. В. Домбровского «Факультет ненужных вещей» 147

64. Из статьи «Приговор суда – голос народа» 148
65. Из статьи «Капиталистическое окружение и его агентура» 150
66. Из личного фонда И. В. Сталина 154
67. Глазами человека моего поколения. К. Симонов 156
XIX. Советская власть и интеллигенция
68. Сталин и Горький. А. Орлов 159
69. Справка из архива НКВД об А. Платонове 165
70. Ученый и власть. В. Белецкая, П. Рубинин 166
71. Из писем П. Л. Капицы И. В. Сталину 168
72. Пятая симфония. Ю. Елагин 169
XX. О характере построенного общества
73. Ф. Раскольников. Открытое письмо Сталину 171
74. Из воспоминаний Г. К. Жукова 179
75. Из книги Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» 182
76. Л. Троцкий. Иосиф Сталин. Опыт характеристики 185
Вопросы и задания 189
Именной указатель 198
Литература для дополнительного чтения 203

Учебное издание

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАХ
1917–1993 гг.
Часть вторая. 1921–1939 гг.

Хрестоматия для учащихся
старших классов средней школы

Составитель Ларина Лидия Ивановна

Художник обложки В. Г. Долуда
Технический редактор Р. С. Невретдинова
Корректор О. С. Назаренко
Н/К.
Лицензия ЛР № 062933 от 20 августа 1993 г. Сдано в набор 4.07.94.
Подписано к печати 9.11.94. Бумага книжно-журнальная.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура "Школьная". Усл. п. л. 10,92.
Тираж 50000 экз. Заказ 3705.

Издательство «ИЛБИ».
127434, Москва, а/я 113

Тип. изд-ва "Самарский Дом печати".
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

ОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОРДЕР № 329

Августа 7

Государственной Безопасности

оизводство: Ареста и обыска

Вавилова Николая Ивановича

ОБ'ЕДИНЕННОЕ Государственное Политическое Управление

ОГПУ

ДЕЛО № 4108

Мандельштам О. Э.

ЦЕНТРАЛИЗОВАНО в 1941 г.

Начато

Окончено 193 г.

На листах 19 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВН

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО

ОРДЕР №

Выдан

Управления Государственной Б

Ареста

Мандельш

Осипа Эм

дрес

Зам. Народного Комиссара Вн

Начальник Второго Отдела

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАХ 1917 - 1993 гг.
2